

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР
НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

приоритет2030⁺
лидерами становятся

ВЕДУЩИЕ МИРОВЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ О БУДУЩЕМ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ВИТАЛИЯ КУРЕННОГО

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР
НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

приоритет2030⁺
лидерами становятся

ВЕДУЩИЕ МИРОВЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ О БУДУЩЕМ

Под редакцией Виталия Куренного

Москва
2023

УДК 101.1:316123

ББК 87.65

В26

Рецензенты:

к. филос. н., доцент Т. А. Дмитриев

к. филос. н. М. А. Черновская

Под общей редакцией В. А. Куренного

Авторский коллектив:

В. А. Куренной, Р. З. Хестанов, А. С. Сувалко, М. Д. Фигура, А. А. Космарский, В. В. Каргавцев, А. И. Колесникова

Ведущие мировые интеллектуалы о будущем / В. А. Куренной, Р. З. Хестанов, А. С. Сувалко и др.; под ред. В. А. Куренного; В26 Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2023. – 224 с. – 270 экз. – ISBN 978-5-7598-2763-4 (в обл.).

Доклад подготовлен сотрудниками Института исследований культуры Факультета городского и регионального развития по стратегическому проекту «Национальный центр научно-технологического и социально-экономического прогнозирования» по программе развития университета в рамках участия в программе Минобрнауки России «Приоритет 2030». Программа «Приоритет 2030» реализуется в рамках национального проекта «Наука и университеты».

УДК 101.1:316123

ББК 87.65

doi:10.17323/978-5-7598-2763-4

ISBN 978-5-7598-2763-4

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023
При перепечатке ссылка обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
В. Куренной	
ФИЛОСОФИЯ	15
В. Куренной	
Постантропология	20
Новые онтологии	27
Энвайронментализм	33
СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ	41
Р. Хестанов, А. Колесникова, А. Сувалко	
Линейные экстраполяции будущего	42
Р. Хестанов, А. Колесникова	
Аффирмативные доктрины будущего	49
Р. Хестанов, А. Колесникова	
Антропоцен	53
Р. Хестанов	
Субъективизация и психологизация	59
А. Сувалко	
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	71
Р. Хестанов	
ЭКОЛОГИЯ	83
М. Фигура	

Экология: от науки к политике	84
Прогнозирование в сфере экологии	89
Ключевые позиции интеллектуалов в вопросах изменения климата	90
Методология выборки и распределение интеллектуалов	101
Культурсоциологические аспекты климатической проблематики	112
ТЕХНОЛОГИИ	125
А. Космарский, А. Сувалко, М. Фигура	
Энергетика: разные пути к безальтернативному будущему ВИЭ	126
А. Космарский, М. Фигура	
Автоматизация: проблема или возможность	135
А. Космарский, А. Сувалко	
Будущее приватности в эпоху новых технологий и идеи социального рейтингования	141
А. Сувалко	
КИТАЙ	153
В. Картавцев	
Китайские интеллектуалы	154
Либералы	157
Новые левые	160
Неоконфуцианцы	164
ТУРЦИЯ	169
А. Космарский	
Генезис и общественная роль	170

«Карта» современных турецких интеллектуалов	171
Образ Запада и конфликт цивилизаций	172
Позиция либеральных интеллектуалов	176
Новые технологии и Судный день: будущее глазами исламских мыслителей	176

ПРИЛОЖЕНИЕ

Метрика выделения ведущих интеллектуалов и анализ существующих рейтингов	183
В. Куренной, А. Сувалко, М. Фигура	

Краткая теория и история интеллектуалов	184
В. Куренной	

Кто такой интеллектуал? Метрика выделения фигуры и функции	187
В. Куренной	
Анализ рейтингов публичных интеллектуалов	191
В. Куренной, А. Сувалко, М. Фигура	

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	206
---	------------

ВВЕДЕНИЕ

Виталий Куренной

Ситуация в мире в последние годы находится в процессе неожиданных изменений и резких трансформаций, порождающих крайне неопределенное состояние турбулентности. Главными факторами, запустившими эти процессы с конца 2020 г., стали пандемия коронавируса и ситуация с Украиной. Основная особенность двух этих событий – их неожиданный для господствовавших ожиданий характер того, какие тенденции и события являются в будущем наиболее важными (таковые до последнего времени связывались с проблемами экологии, глобальным потеплением, новой индустриальной революцией, развитием искусственного интеллекта и др.). После наступления данных событий, как это уже происходило в случае экономического кризиса 2008 г., были найдены соответствующие прогнозы, сделанные в прошлом. Однако их предсказательный характер, потонувший в свое время в море других прогнозов, распознается только *post factum*, как это произошло, например, с некоторыми заявлениями Б. Гейтса о рисках вирусной инфекции 2015 г., прогностический характер которых был опознан лишь после начала пандемии. Все это указывает на парадоксальную особенность современной научной футурологии, существующей в высокодифференцированных формах методов прогнозирования: чем более обоснованно она стремится давать свои прогнозы, тем выше неожиданность событий, наступающих со все более возрастающей скоростью.

Это обстоятельство не является новым. Уже в начале 1970-х гг. Герман Люббе следующим образом характеризовал данную особенность современных обществ: «Настоятельная потребность и необходимость в футурологии коренится в том факте, что горизонт будущего, очерчивающий общественное развитие, не становится яснее, напротив, он темнеет все быстрее» (Lübbe 1971, 88). Иными словами, мы предаемся научным прогнозам с тем большим оптимизмом, с чем меньшим успехом они сбываются.

Структурная парадоксальность научного прогнозирования, ответственная как за его успехи, так и за его неудачи, объясняется

тем, что требования доказательности и научной обоснованности прогнозов маргинализуют в горизонте его рассмотрения маловероятные события и кризисы, которые затем получают название «исторических». Обоснованный научный прогноз не может выходить за пределы статистически зафиксированных тенденций, простирающихся из прошлого в настоящее. Таким образом, научный прогноз с неизбежностью и по преимуществу является экстраполяцией в будущее именно этих устойчивых линейных или циклических трендов и тенденций. Научное прогнозирование и современные технологии форсайта стремятся, разумеется, учесть данные ограничения, используя для этого, в частности, также методы определения маловероятных событий, способных существенно изменить будущее, и вводя для этого понятия «событие-джокер» или «черный лебедь». Однако значимость подобных событий для прогнозирования в любом случае ограничена степенью вероятности, а представление о них часто является слишком неопределенным по своему содержанию. Например, в одном из материалов 2021 г. специалисты по форсайт-прогнозированию первыми среди «наиболее часто обсуждаемых «джокеров» ближайшего десятилетия» называли «третью мировую войну, которая, по мнению некоторых военных экспертов, уже идет» (Чулук 2021). Однако не вполне ясно, в какой мере столь общим образом сформулированный «джокер» отражает и отражает ли вообще события на Украине или вокруг Тайваня, истинный масштаб которых в начале 2023 г. до конца все еще не вполне определен.

Указанная специфика форсайт-прогнозов не является их недостатком — напротив, они очерчивают допустимые рамки таких прогнозов в качестве именно обоснованных подходов. На познание точных законов и механизмов будущего исторического развития претендовали только доктрины, которые Карл Поппер определил как форму «историцизма», отказав им одновременно в статусе научных теорий (Поппер 1993). Кроме того, полная успешность научного прогнозирования означала бы, что мы в самом деле достигли «конца истории» (Ф. Фукуяма), когда будущее в своих основных чертах предстает перед нами как продолжение и развитие существующих тенденций — без значительных сломов или изменений. Помимо обоснованной Поппером теоретической невозможности

такого рода успехов прогнозирования применительно к человеческому обществу здесь вступил бы в силу и фактор практической невозможности подобного состояния: обязательно нашлись бы люди и группы, которые бы не согласились с подобным фатализмом и на практике попытались бы изменить эту ситуацию. Именно такого рода проактивную позицию резюмирует известный тезис К.Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Ограничения экстраполирующих моделей научного прогнозирования в сочетании с ситуацией высокой неопределенности и турбулентности заставляют нас обратиться еще к одному источнику представлений о будущем. Речь идет о фигуре и функции, маркируемой в современной социальной и интеллектуальной истории в качестве «интеллектуала». Этот источник представлений о будущем свободен от ряда имманентных ограничений научно обоснованного прогнозирования. Прогностический потенциал интеллектуалов емко сформулировал Ю.Хабермас в знаменитой формуле: миссия интеллектуала состоит в том, чтобы «первым почуять важное». Предлагаемые в этом обзоре образы будущего, таким образом, основаны не на стандартной позитивистской модели экстраполяции, а на использовании того, что можно назвать холистической формой рациональной интуиции. Это не «альтернативное» знание, а знание в смысле научной интуиции в том слабом, демистифицированном смысле слова, как его использует, в частности, К.Поппер (2004, 137–140): речь идет о процедуре выдвижения положений и гипотез на основе всей совокупности теоретических знаний, доступных эмпирических сведений и опыта ученого. Взгляд на будущее через призму высказываний интеллектуалов можно назвать особой разновидностью форсайта, эвристически продуктивной в ситуациях с высокой степенью неопределенности. В терминологии современных методов форсайта его аналогом можно было бы считать так называемый «прогноз гения», если бы, конечно, интеллектуалы не проявляли обычно намного большую скромность в оценке своих способностей.

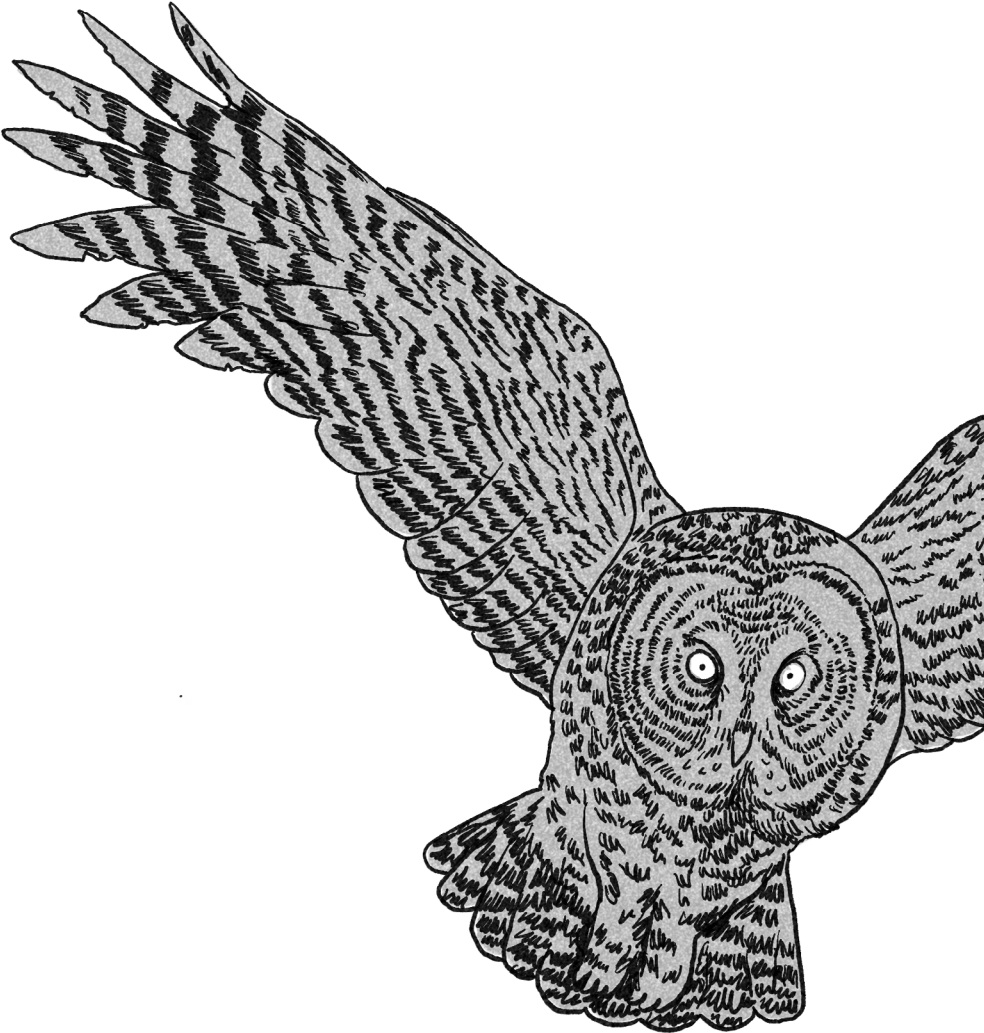
В методологическом введении к настоящему обзору «Метрика выделения ведущих интеллектуалов и анализ существующих рейтингов», вынесенному в этом издании в приложение,

приведены краткие сведения по теории и истории интеллектуалов, а также эксплицирована базовая рамка процесса выделения фигуры интеллектуала. Рассмотрен ряд основных рейтингов и их методология: глобальные рейтинги интеллектуалов; глобальные рейтинги ученых (в социальных науках позиции значимого интеллектуала и ведущего мирового ученого в ряде случаев совпадают); примеры национальных и региональных рейтингов. Отдельно представлен рейтинг экспертно-аналитических центров (*think tanks*), выступающих в роли своего рода коллективных и при этом нередко ангажированных интеллектуалов. Также здесь отмечены другие акторы, играющие важную роль в современном публичном и интеллектуальном пространстве: в роли ведущих интеллектуалов сегодня все чаще выступают, в частности, лидеры высокотехнологичных индустрий.

Основная часть обзора структурирована по двум принципам: тематическому и региональному. В тематической части представлены философия, социальная теория, международные отношения, экология и технологии. В региональном блоке представлен обзор интеллектуальных позиций в Китае и Турции. Выбор и выделение в отдельный раздел именно этих стран определяется двумя факторами: во-первых, нарастающей важностью их отношений с Россией и, во-вторых, сравнительно замкнутым характером публичной дискуссии, не интегрированной по большей части в глобальную (евроатлантическую) систему коммуникативного взаимодействия.

Разумеется, настоящий обзор не претендует на полноту и исчерпывающий характер ни по одному из тематических или региональных направлений. Однако мы постарались репрезентировать основную расстановку позиций по различным вопросам, отдавая в ряде случаев предпочтение менее известным и медийно представленным. Содержательный вклад авторов отдельных разделов, готовивших настоящий обзор, заключается в выборе источников для анализа, аналитической экспликации и интерпретации материалов. Во всех случаях была проделана значительная работа по структурированию и типологизации тематических или региональных интеллектуальных полей — как вполне самостоятельно, так и с опорой на существующие типологии.

Возможно, специалисты по соответствующим дисциплинарным направлениям не найдут для себя много нового в профильных разделах, но, надеемся, им будет небезынтересно заглянуть в соседние. Что касается новизны изложенных позиций, то она довольно сильно зависит от тематического раздела и дисциплинарной динамики: трудно с большой скоростью продуцировать новизну в философии или экологии. Весьма проблематичной с точки зрения новизны является область технологий — в силу ее высокой динамики. Когда эта работа версталась в печать, тема нейронных сетей только набирала обороты, а к тому моменту, когда она окажется в руках читателя, возможно, именно эта тема и будет обсуждаться в качестве основного тренда, определяющего будущее во многих областях жизни. Таким образом, вполне возможно, что этот аналитический обзор вскоре потребует обновления, так как будет представлять в некоторых случаях главным образом исторический интерес с точки зрения того, как виделись важнейшие для будущего тренды и их приоритеты из перспективы 2022 года. Читателя может удивить отсутствие здесь темы, связанной с Украиной и начавшимися в 2022 г. изменениями глобального порядка. Будучи самой животрепещущей, она одновременно является наиболее рискованной в силу стремительного устаревания звучащих высказываний и длящейся неопределенности. Поэтому соответствующий обзор, который готовился параллельно с настоящим проектом, публикуется в журнале «Россия в глобальной политике» (№ 3, 2023), более подходящем для выражения актуальной повестки дня, чем формат монографического издания.

ФИЛОСОФИЯ

Виталий Куренной

Философия — это дисциплина, которая в наименьшей степени расположена сообщать нечто о будущем. Истоки этого обстоятельства восходят к Аристотелю, который в трактате «Об истолковании» провел обстоятельный анализ высказывания «Завтра будет морское сражение». Будущие события, зависящие от непостоянных действий людей, определяются не необходимостью, а случайностью¹. А значит, они недостойны внимания философов, основной вопрос которых как в классический античный, так и в средневековый период состоял в том, чтобы понять, что же на самом деле существует, или каково «поистине сущее» (*ontos on*).

Полным отсутствием интереса к будущему знаменит и создатель наиболее значительной (и последней) системы философии XIX в. Г.В.Ф. Гегель: «Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя, можно только понять; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» (Гегель 1990, 56). Эта довольно необычная по меркам здравого смысла позиция Гегеля дополнена у него другим, не менее необычным тезисом — о достижении конца политической истории в форме правового буржуазного государства, а в философии — в форме собственной философской системы². Этот тезис, если вспомнить его популярность у столь по-своему влиятельных мыслителей, как

¹ «[М]ы видим, что будущие события имеют своим истоком и решения, и некоторую деятельность, и что вообще у того, что деятельно не постоянно, возможность быть и не быть одинакова; у него возможно и то и другое, т. е. быть и не быть, а потому и произойти, и не произойти» (Аристотель 1978).

² «<...> объективным стало истинное примирение, развертывающее государство в образ и действительность разума, где самосознание находит действительность своего субстанциального знания и воления в ее органическом развитии, подобно тому как в религии оно находит чувство и представление этой своей истины в качестве идеальной существенности, в науке же — в качестве свободного, постигнутого в понятии познания этой истины как одной и той же в ее восполняющих друг друга проявлениях — в государстве, в природе и в идеальном мире» (Гегель 1990, 377–378).

Александр Кожев, Арнольд Гелен и Френсис Фукуяма³, парадоксальным образом является, пожалуй, самым успешным предсказанием в истории современной философии.

В XX в. позицию, согласно которой философ ограничивается в своих интересах только наличной данностью, в рамках аналитической философии языка формулирует ее крупнейший представитель Людвиг Витгенштейн: «Она [философия] оставляет все как есть»; «„Философией“ можно было бы назвать и то, что возможно до всех новых открытий и изобретений» (Витгенштейн 1994, 130).

В этой почтенной традиции есть, впрочем, одно весьма заметное исключение — марксистская теория и ее производные. Маркс полагал, что открыл неумолимые законы общественно-экономического развития человеческого общества, «действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью» (Маркс 1960, 6), а значит, и способ предвидения этого неизбежного будущего. Впрочем, Маркс стоит у истоков и другой стратегии обращения с будущим — аффирмативной и перформативной⁴. Из детального знакомства с философией Гегеля он вынес убеждение, что философия как форма знания действительно достигла своего завершения. Из этого он делает вывод, что дальнейшее ее продолжение возможно лишь в иной форме, а именно — в виде практики: «...ставший в себе свободным теоретический дух превращается в практическую энергию и <...> обращается против земной, существующей помимо него действительности» (Маркс 1975, 210). В своей наиболее известной и лапидарной форме эту аффирмативную составляющую марксизма резюмирует 12-й тезис о Фейербахе Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Претензии марксизма на открытие законов общественно-исторического развития на философско-логическом уровне были проанализированы и отвергнуты, в частности, К. Поппером, квалифицировавшим

³ Несмотря на то, что тезис о конце истории, сформулированный Фукуямой в 1989 г., был, возможно, самым часто опровергаемым за последние 30 лет, его автор продолжает настаивать на своей правоте также и в 2022 г. (Fukuyama 2022a).

⁴ См.: раздел «Социальная теория» настоящего издания.

их как форму «историцизма», несовместимого с возможностями науки в сфере познания человеческих обществ и их исторической динамики (Поппер 1993). Аффирмативная и перформативная стратегия марксизма, напротив, не утрачивает актуальности и сегодня получает все большее распространение в социальных областях знания и различных формах активизма⁵. Тем не менее теоретическая и практическая неудача марксизма в предвидении будущего по большей части охладила желание современных философов заниматься прогнозированием грядущих изменений.

Означает ли это, что современная философия вовсе лишена прогностического потенциала? Это, безусловно, не так. Однако данный потенциал проявляется не в форме прямых прогнозов, а прежде всего в ряде косвенных форм.

Во-первых, в виде философских теорий, которые стремятся переопределить фундаментальные онтологии, связанные с человеком, обществом и миром. Несмотря на свой на первый взгляд сугубо профессиональный характер языка и терминологии, эти теории способны определять далекоидущие тенденции, распространяясь на другие дисциплины или находя практическое воплощение в сфере политики и права. Несмотря на свой эзотерический язык, такого рода теории вызывают интерес у более широкой публики, а также среди художников и кураторов, внимательных к новым теоретическим трендам. Связка между современным искусством и современной философией, утвердившаяся с эпохи романтизма, ведет к быстрой популяризации новых имен и концептов, образуя феномен «модной философии» (*Modephilosophie*), если употреблять термин, использовавшийся уже И. Ф. Гербартом (Herbart 1814).

Во-вторых, философия выражает себя в форме социальной теории, предлагающей новый концептуальный язык для описания состояния и тенденций современного общества. Социологизм — существенная особенность философии последнего столетия, так же как психологизм — отличительная черта XIX в.

В-третьих, роль философов-интеллектуалов сегодня выполняют ученые-популяризаторы, выступающие как проповедники

⁵ Там же.

определенных философских и философско-научных программ и принципов. Такие исследователи, как **Стивен Пинкер** и **Ричард Докинз**, являются авторами множества научно-популярных бестселлеров, популяризирующих и отстаивающих идеи Просвещения, научного рационализма, эволюционизма и т. д. Эти идеи далеко не оригинальны (концептуально они буквально соответствуют идеям эволюционизма и материализма Э. Геккеля, Л. Бюхнера и др.), но их популяризаторы видят важную миссию в том, чтобы обновлять их в актуальном историческом контексте с опорой на новые аргументы.

Наконец, еще одним важным источником проникновения в современное общество философских теорий и концептов являются различные социальные движения и формы социального активизма, например, множасьщиеся направления феминизма и экологических движений, активно усваивающие и использующие новые философские концептуальные инструменты.

Основываясь на этих основных источниках, изложим наиболее значимые, на наш взгляд, философские тренды, которые способны определять будущие перемены в широких областях научного знания, а также социальной и политической жизни. Их влияние выражается прежде всего в том, что именно на философско-концептуальном уровне формируются новые категориальные инструменты для понимания и артикуляции возникающих проблем, феноменов и общественных интересов. Иными словами, философско-теоретические построения не являются некоторым конкретным образом или представлением о будущем — они формируют набор понятийных, теоретических и нормативно-практических инструментов, которые определяют и структурируют будущее и наше движение к нему. Особенность новых категориальных инструментов заключается в том, что часто они имеют сквозной характер, распространяясь в виде «дискурсивной формации» (М. Фуко) во множестве различных дисциплинарных направлений. Эту их особенность фиксирует и настоящее исследование, которое показывает, как одни и те же авторы могут играть заметную роль как в сфере социальной теории, так, скажем, и экологии (хороший пример этому — Бруно Латур).

Постантропология

Наиболее заметный тренд современной философии заключается в критике и переопределении традиционного философского понимания человека как особенного вида живых существ, сущностно отличающегося от других живых организмов («разумное животное» и т. д.). Эта критика развивается с различных сторон и имеет разную степень радикальности. Французский философ **Жан-Мари Шеффер** в работе с выразительным названием «Конец человеческой исключительности» (Шеффер 392) подробно выдвигает и рассматривает аргументацию против трех форм утверждения этой исключительности: 1) человека как субъекта, обладающего собственным «я» и автономным сознанием (тезис, распространенный в философии сознания); 2) человека как существа, противопоставленного природе в силу его социальной природы и способа общественного существования (тезис, распространенный в общественных науках); 3) человека как существа, противопоставленного природе в силу его способности формировать и транслировать символические системы, т. е. в силу его принадлежности к культуре (тезис, распространенный в гуманитарных науках). С точки зрения Шеффера, утверждение подобной исключительности является препятствием для продуктивной интеграции наук о человеке и биологических наук, изымая человека из общего порядка биологических видов. Таким образом, Шеффер предлагает вернуться к натуралистической программе понимания и исследования человека, а также попутно разворачивает критику интроспективных методов исследования сознания.

Шефферу вторит **Филипп Дескола**, выступающий с культурно-антропологических позиций. В работе «По ту сторону природы и культуры» (Дескола 2012) он, основываясь на многочисленных этнографических наблюдениях, показывает, что характерное для современной европейской культуры различие «природы» и «культуры» является искусственным. Оно не соответствует тому мировоззрению, которое свойственно множеству других народов и племен, живущих в мире, где не существует четкой границы между людьми и животными, между собственным обществом и природным окружением. Речь, таким образом, идет

о восстановлении в своих правах анимизма — тенденция, поддерживаемая не только культурными антропологами, но и современными философами (ср. Schouwink 2022).

Работы Шеффера и Десколы продолжают тренд, одним из главных инициаторов которого стал социолог знания и социальный теоретик **Бруно Латур**. В его работе «Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии» постулируется идея искусственного характера противопоставления «общества» и «природы», возникшего в эпоху модерна (Латур 2006). Задача нового типа онтологии, которую развивает Латур, заключается не только и не столько в пересмотре границы между природой и обществом, сколько во введении новой точки отсчета, которой служит некое «Срединное царство», т.е. пространство сетевого взаимодействия между акторами различной природы, образующее между человеком и природой динамический континуум. Центральным фактором расширения и усложнения этого пространства служат развитие наук и технологический прогресс, которые умножают всевозможные «гибриды», проблематизирующие декартовское деление на познающих субъектов и материальные объекты. Одним из препятствий для нового понимания общего универсума природы и человека является как раз антропоцентричная оптика, предполагающая особое положение человека: «Мы никогда не покидали антропологической матрицы — мы все еще пребываем в темных веках или, если угодно, мы еще находимся в детстве мира» (Латур 2006, 157).

Рассмотренные выше постантропологические теории во многом остаются в пределах внутринаучной проблематики дисциплинарных границ и их переопределения. Однако их концептуальный и теоретический аппарат давно и уверенно стал проникать в различные формы социального активизма. Пожалуй, первым ярким примером здесь является «Манифест киборгов» **Донны Харауэй** (Харауэй 2005) — одной из наиболее известных представительниц современной феминистской теории, а также исследовательниц в области науки и технологий. Манифест носил не только теоретический характер, но и обозначил определенный поворот в идеологии феминизма «в постмодернистском, ненатуралистическом ключе», по выражению самой Харауэй.

Проблема, которая является отправной точкой манифеста, состоит в кризисе феминистического движения, связанного с кризисом его идентичности: «Болезненная фрагментация среди феминисток (и тем более среди женщин) по всем мыслимым линиям надлома сделала понятие женщины неуловимым» (Харауэй 2005, 332). Основные формы традиционной идентичности в целом оцениваются Харауэй как искусственные и навязанные: «Половое, расовое и классовое сознание — достижение, навязанное нам страшным историческим опытом противоречивых социальных реальностей патриархата, колониализма, расизма и капитализма» (Харауэй 2005, 331). Для того чтобы создать новые основания для консолидации, как раз и выбирается метафора «киборг», в которой Харауэй видит потенциал для переосмысления в том числе женской идентичности: «Конец XX в., наше время — это мифическое время, мы все — химеры, выдуманные и вымышленные гибриды машины и организма; короче, мы — киборги» (Харауэй 2005, 322). Тем самым была открыта не только возможность для позитивного и эмансипаторного восприятия «киборга», но обозначена новая плоскость онтологического родства с биологическим и технологическим миром: «...мир киборгов — это, возможно, живые социальные и телесные реальности, в которых люди не боятся своего двойного родства с животными и машинами, не боятся всегда частичных идентичностей и противоречивых точек зрения» (Харауэй 2005, 331). Идея переплетения человека с другими природными существами — «тварями» (*critters*) — развита в работе Харауэй, где она развивает тезис об эпохе «ктулуцена» (Nagaway 2016).

К настоящему времени теоретическая тенденция, связанная с движением феминизма, достигла своего предельного развития, приобретая, в частности, форму теории «постчеловека» **Рози Брайдотти** — одной из наиболее авторитетных фигур в области европейских женских исследований. В работе с таким названием она прослеживает эволюцию данной концепции, как теоретической, так и ценностно-нормативной, где выделяется два основных этапа: 1) постгуманизма, вырастающего из антигуманизма, и, собственно; 2) постантропоцентризма. Антигуманизм, выбранный здесь исходной точкой развития, является понятием, под которое

Брайдотти подводит широкий спектр взглядов, объединенных критикой или деконструкцией гуманизма. С разных сторон и по разным основаниям европейский гуманизм разоблачается как попытка представить в качестве универсальной ценности и мерила определенный стандарт человека: «Человеческая норма олицетворяет нормальность и нормативность. Она действует, возводя некоторый конкретный модус бытия человеком в статус обобщенного стандарта, принимающего трансцендентное значение как „человеческое в общем“ — от мужчины до маскулинного и к человеческому как универсализированному формату человечества. Этот стандарт полагается как категориально и качественно отличный от сексуально, расово и натурализованно других, но он также и противопоставляется техническим объектам. Человек — исторический конструкт, ставший общественной конвенцией о „человеческой природе“» (Брайдотти 2021, 53). Таким стандартом, разумеется, является белый и здоровый европейский мужчина, по отношению к которому любые «другие» выступают как формы девиации и, следовательно, являются объектом насилия и подавления. К сфере антигуманизма автор относит весь основной спектр теорий постмодернизма, неоколониализма и др., а также связанные с ними социальные движения: «В 1960 и 1970-х новыми социальными движениями и молодежной культурой того времени (феминизмом, деколонизацией и антирасизмом, антиядерным и пацифистским движениями) был разработан активистский вид антигуманизма» (Брайдотти 2021, 36).

Постгуманизм понимается здесь как следующий концептуальный шаг, который не просто включает в себя развенчание гуманизма, но также содержит позитивные программы, описывающие различные, но при этом «полностью альтернативные модели человеческого субъекта» (Брайдотти 2021, 75). Сюда входит, например, обновленная версия гуманизма **Марты Нуссбаум**, аналитические модели, появившиеся благодаря современным исследованиям науки и техники (*Science and technology studies, STS*), а также спектр теорий, объединенных автором в группу «критический постгуманизм»⁶. К числу последних отнесена, например,

⁶ Внутри этой гетерогенной группы учений с высокой долей условности можно выявить три основные подгруппы: трансгуманизм, собственно постгуманизм

концепция экофеминизма **Марии Мис** и **Ванданы Шивы**, основанная на требовании к осознанию священности жизни и уважении ко всему живому (Mies, Vandana 1993). Один из пунктов этой версии экофеминизма содержит призыв к новому «заколдовыванию мира» и исцелению земли и всего, что было на ней варварски разрушено. Постантропоцентризм представляет собой как собственную концепцию Брайдотти, так и множество других теорий, которые привлекаются ею для подкрепления своей точки зрения. Свою теорию Брайдотти характеризует как «виталистический материализм», который представляет собой онтологическую разновидность монизма Спинозы, лишённого теистического аспекта. Полное преодоление антропоцентризма обусловлено здесь тем, что мир рассматривается как строго единое и когерентное целое, лишённое дуалистических и диалектических противопоставлений. Таким образом, он представляет собой континуальное самоорганизующееся целое, где человек является лишь некоторым моментом развития, в котором центральным понятием становится «жизнь»: «„Жизнь“ вовсе не кодифицируется как исключительное свойство или неотъемлемое право одного вида, человеческого, в ущерб другим, и не сакрализуется как предустановленная данность, но полагается как интерактивный незавершенный процесс. Этот виталистский подход к живой материи смещает границу между той частью жизни — органической и дискурсивной, — которая традиционно ограничивалась *anthropos*, т. е. *bios*, и более широкой сферой животной и нечеловеческой жизни, также известной как *zoe*. *Zoe* как динамичная, самоорганизующаяся структура жизни вообще представляет собой генеративную витальность» (Брайдотти 2021, 118). Эта холистическая онтология снимает границы, отделяющие человека как от других форм биологической жизни, так и от технологических артефактов. В итоге,

и ингуманизм. Трансгуманизм специфическим образом продолжает идеи классического гуманизма, поскольку в центре проекта остаются человек и проблема совершенствования его способностей, прогрессивного преодоления изъянов природы за счет достижений технауки. Постгуманизм концентрируется на проблематичности универсальных констант человечности, предлагая историзировать сам концепт «человека». Ингуманизм предполагает принципиальную независимость, казалось бы, сущностно человеческих свойств от человеческого тела.

в частности, легитимируется возможность для неограниченного биотехнологического экспериментирования с человеческой субъективностью: «Постгуманистическая теория субъекта зарождается, таким образом, как эмпирический проект, который ставит перед собой задачи по проведению экспериментов с возможностями современных биотехнологически оснащенных тел. Эти не ориентированные на коммерческое использование эксперименты с современной субъективностью актуализуют виртуальные возможности расширенного реляционного высокотехнологичного и действующего в природно-культурном континууме „я“» (Брайдотти 2021, 119). Таким образом, нормативное требование поддержания множественности и инаковости субъектов дополняется здесь постантропологической онтологической концепцией, включающей человека, с одной стороны, в открытый континуум природы и, с другой стороны, в разрастающийся универсум технологических гибридов.

Прагматика рассмотренных выше концепций, несмотря на различие в подходах, является сходной, хотя и неоднородной в степени радикальности. Во всех случаях речь идет о снятии границы между человеком и другими биологическими видами (в пределе сюда может быть включена природа или планета в целом), в более радикальных — о включении в пространство человеческого также гибридных техногенных и биотехнологических объектов. В предсказуемой тенденции такого рода операция может быть произведена также по отношению к виртуальным объектам — по мере развития миров виртуальной реальности. Практические последствия подобных онтологических операций можно проиллюстрировать на примере наиболее авторитетной теории, лежащей в основе движения за права животных. Работа **Питера Сингера** «Освобождение животных», вышедшая в 1975 г., продолжает оказывать огромное влияние как на само это движение, так и на распространение практик вегетарианства, веганства и др. В основу данной теории положена моральная аргументация, которая на первый взгляд отрицает необходимость опоры на какие-то онтологические (онтические) основания: «Требование равноправия не обусловлено умственными способностями, моральными качествами, физической силой или другими подобными

критериями. Равноправие — это нравственная идея, а не констатация факта» (Сингер 2021, 51). Сингер неявно, но вполне определенно ссылается здесь на проблему этической аргументации, которую **Дж. Мур** назвал «натуралистической ошибкой» (Мур 1984, 71): переход от констатации сущего к утверждению должного некорректен и невозможен. Если принимать аргументацию Мура и следовать ей, то это приводит к этической позиции, которую **Аласдер Макинтайр** квалифицировал как «эмотивизм»: «Эмотивизм есть доктрина, согласно которой все оценочные суждения, и более точно, все моральные суждения, есть не что иное, как выражения предпочтения, выражения установки или чувства, если они носят моральный или оценочный характер» (Макинтайр 2000, 21). Из этого, в частности, следует, что онтологически бесосновные моральные суждения произвольны и могут быть какими угодно, так как рациональная аргументация по их поводу невозможна: «Эмотивизм, таким образом, есть теория, которая обещает дать объяснение всем каким бы то ни было оценочным суждениям. Ясно, что, если эмотивизм является истинным, все моральные разногласия являются в рациональном отношении незавершенными» (Макинтайр 2000, 22). Макинтайр пессимистически полагает, что современное общество в целом является заложником эмотивизма — в силу определенных социальных и культурных причин, в которые здесь не место углубляться. Однако рассмотренные выше концепции не позволяют согласиться с этим выводом: как современные теоретики, так и активисты уделяют чрезвычайно значительное внимание вопросам онтологических оснований своей ценностно-нормативной аргументации. Онтологические допущения в явной или неявной форме присутствует как у Канта⁷, так и у Сингера. У последнего это допущение (или, как аргументирует Сингер, научный факт) состоит в том, что животные — это существа, которые «способны страдать и наслаждаться» (Сингер 2021, 55), они способны чувствовать боль, и, следовательно, мы обязаны уделять им моральное внимание.

⁷ Основанием для следования этическому долгу (категорическому императиву) является практический постулат, согласно которому субъект, в отношении которого я так поступаю, является свободным и разумным существом.

Общее онтологическое основание для людей и других видов животных и является причиной, по которой мы должны включить последние в сферу своих моральных и правовых обязательств. Этот экскурс в философско-этическую проблематику показывает, что изменения в конфигурации человеческой онтологии (антропологии), включающие или исключаящие из нее другие виды существ или сущностей, остаются важным основанием для последующих ценностно-нормативных выводов.

Новые онтологии

Активному обновлению антропологической проблематики в современной философии сопутствует также не менее активная работа по формированию новых онтологий, основанных на использовании обновленных эпистемологических концепций. Наиболее известным вариантом такого рода концепций является «акторно-сетевая теория» (*actor-network theory*, ANT), к числу основоположников которой относят обычно **Бруно Латура**, **Мишеля Колонна**, **Джона Ло** и **Аннамари Мол**⁸. Теория, как можно проследить по научной биографии основателей, выросла из современных исследований науки и технологий, а точнее — из исследований лабораторной деятельности ученых. За годы своего существования она превратилась в пестрый массив теоретических концепций, связанных между собой как точками пересечений, так и острым дискуссионным противостоянием. В самой упрощенной форме суть различных вариаций ANT сводится к тому, что мир рассматривается как состоящий из разнообразных «акторов», под чем понимаются любого рода предметы/процессы — живые, неживые, технологические, семиотические, — в отношении которых приостанавливается процедура редукции, т. е. процедура сведения их всех к какому-то одному основанию, а также

⁸ Общее представление о содержании и многообразии акторно-сетевой теории (АСТ) и ряда других новых онтологий можно получить по ряду тематических выпусков журнала «Логос» за 2017 г. (№ 1–3). Обобщающий обзор АСТ см. ст.: Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка (Писарев, Астахов, Гавриленко 2017).

происходит отказ от онтологического размежевания различных типов предметностей (природные, социальные и т. д.). Сама природа этих гетерогенных предметов выявляется и определяется в ходе их сетевого, т. е. неиерархического взаимодействия. Любая комплексная предметность (технический артефакт, социальная общность и т. д.) является процессуальным результатом онтологически равноправных акторов. Для акторно-сетевой теории, как и для других новых онтологий, важным пунктом является отказ от оперирования образом или моделью совокупной целостности («мира», «организма», «системы», «общества» и т. д.), замыкающей онтологический горизонт анализируемых взаимодействий. На смену этим замкнутым объектам АНТ предлагает модель множества или коллектива, членство в котором открыто, а сущность кандидатов в участники не предопределена (хотя в позднейших построениях того же Латура существенно важно, что «коллектив земель» пространственно ограничен, и, следовательно, налаживание взаимоприемлемых отношений между гетерогенными акторами является критичной проблемой).

АНТ, как и ряд других новых онтологий, называют также «плоскими» — по двум причинам: 1) ни одна из сущностей, таких как познающий субъект, не является здесь привилегированной; 2) в их рамках необходимо отказаться от оперирования постулируемыми общими сущностями. Последнее означает, что речь идет о стремлении реализовать номиналистическую исследовательскую программу.

Один из наиболее известных вариантов новых онтологий, принципиально связанных с социальной проблематикой, был предложен **Мануэлем Деландом** в работе «Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность». Критическая задача этой теории состоит в том, чтобы отказаться в социальных науках от модели «организма» и в целом от идеи «гегелевской тотальности», т. е. от такого понимания структуры общества, в котором части подчинены целому и работают на него (Деланда 2018, 17). Этой модели противопоставляется новая «реалистическая онтология». Она представляет собой структуру «ассамбляжей» — процессуальных сборок гетерогенных предметностей: «Различные сущности — от атомов и молекул до биологических

организмов, видов и экосистем — могут рассматриваться как ассамбляжи, т. е. продукты исторических процессов». Части ассамбляжей также в свою очередь могут быть рассмотрены как ассамбляжи. Теория Деланда хотя и адресована социальным наукам, также оперирует «плоской онтологией», отказываясь от различия между природой и обществом. Предлагаемая новая онтологическая модель является процессуальной и предполагает более контингентный, исторический и номиналистический взгляд на социальные феномены: «Онтологический статус всякого ассамбляжа, будь он неорганическим, органическим или социальным, состоит в его уникальности, сингулярности, исторической контингентности и индивидуальности» (Деланда 2018, 53). Теория ассамбляжей также нацелена на реализацию нередукционистского взгляда на общество, избегая сведения его либо к совокупности отдельных индивидов, либо к социальным структурам, от которых производны индивиды, либо к какой-то сущности среднего уровня (социальное действие, практика и т. д.).

Наконец, в качестве еще одного примера новых онтологий можно привести так называемый спекулятивный реализм, прежде всего связанный с именами **Квентина Мейясу** и **Грэма Хармана**. Мейясу, инициатор этой программы, в значительно большей степени, чем создатели других новых онтологий, ориентирован на разработку ее эпистемологической составляющей. Она представлена в форме критики теории познания, которую Мейясу называет корреляционизмом (Мейясу 2017). В рамках этой теории, в наиболее значимых и законченных формах, согласно Мейясу, представленным у Канта и Гуссерля (мы не комментируем здесь вопросы корректности подобных интерпретаций), познание мира всегда опосредовано человеческим сознанием. Так, согласно Канту, познающий субъект имеет дело только с миром феноменов, конструирующих эпистемологически значимые характеристики познаваемых предметов, но никогда — с миром «вещей самих по себе» (*Dinge an sich*). Соответственно, Мейясу предлагает вернуться от этой феноменистической теории корреляционизма к реализму, полагая, что нам доступно познание «вещей самих по себе». Это абсолютное знание должно достигаться «спекулятивным» путем, в частности, с использованием математики.

Таким образом, основная идея Мейясу заключается в том, что познание мира возможно в обход и помимо человеческого сознания. Эти установки специфическим образом развиваются в рамках современного рационализма, соотносимого с идеями так называемого ингуманизма (Энди Кларк, Реза Негарестани, Дэвид Роден и др.). Ингуманизм предполагает, что нормативные определения и структуры, которые делают человека человеком, не являются специфически человеческими и, следовательно, отчуждаемы, а в пределе — доступны к эмуляции на иных, нежели человеческое тело, носителях. Задача исследователя в этом случае сводится к выявлению универсальных определений человечности. Так, например, философ и писатель иранского происхождения Реза Негарестани предлагает функционалистскую теорию, которая опирается на внешнее, внечеловеческое описание (*outside view of ourselves*) человека: в этой теории *homo* предстает вычислительным объектом, который способен к мышлению, речи, агентности и предоставлению обоснований своих актов (Negarestani 2018).

С весьма существенными оговорками к группе теорий спекулятивного реализма относится и «объектно-ориентированная онтология» Хармана. Понятие объекта здесь трактуется крайне широко, оно включает в себя и те сущности, что не являются материальными или даже реальными: «Помимо алмазов, веревки и нейтронов, объекты могут включать в себя армии, чудовищ, квадратные круги и полчища настоящих и выдуманных народов. Все подобные объекты должны быть приняты во внимание онтологией, их нельзя попросту заклеить и свести к ничтожности, которой можно пренебречь» (Харман 2017b, 16). Таким образом, Харман идет еще дальше в онтологическом уравнивании предметов, включая в область онтологического виртуальные, выдуманные и даже в принципе несуществующие объекты (круглый квадрат). Реальность некоторых объектов никак не зависит от человеческого мышления, тогда как существование других (например, воображаемых) без него невозможно. Объекты в каком-то отношении являются абсолютно целостными, монадами Лейбница, и независимы от своих взаимозаменяемых частей, — но лишь до определенной степени. Взаимодействуя с другими объектами, объекты производят эффекты, причем это взаимодействие

выявляет всегда лишь часть возможных эффектов какого-то объекта. Например, человек в познании предмета всегда ограничен, но также ограничено взаимодействие огня и хлопка: «Когда огонь сжигает хлопок, то он налаживает связь только с воспламеняемостью материала» (Харман 2017b, 52). Таким образом, объект процессуально неисчерпаем, поскольку никакое взаимодействие не исчерпывает его возможных эффектов: «Я считаю, что в-себе реально. Но я считаю, что эта реальность недостижима для неодоушевленных причинных отношений не меньше, чем для человеческих существ. Поскольку на самом деле существует хлопок в себе, который не менее изъят для огня, чем для человеческого познания» (Харман 2017b, 137).

Выделим некоторые общие тенденции, намечающие перспективу тех будущих онтологий и эпистемологий, которые просматриваются в этих пока еще весьма подвижных теоретических и концептуальных поисковых экспериментах. Все они сходятся с новыми постантропологическими концепциями в том, что лишают человека (познающего субъекта, сознание и т. д.) некоторой выделенной или привилегированной позиции. Если Кант поместил познающего субъекта в центр научно познаваемого мира, назвав свой поворот коперниканским, то новые антологии являются антикоперниканскими (несмотря на очевидное противоречие смысла этой философской метафоры с ее космологическим содержанием). Все они, если воспользоваться той характеристикой, которую Харман дает теории Латура, стремятся «возвратить права независимым вещам» (Харман 2017a, 24). Их отличие от рассмотренных выше антропологических концепций, однако, состоит в том, что новые онтологии по большей части являются нередукционистскими. Онтологическое уравнивание предметов и объектов достигается здесь не за счет сведения в том числе человека к базису, например, «самоорганизующейся материи» (Брайдотти) или просто еще к одному виду животных (Шеффер), а в стремлении сохранить их в своем своеобразии, которое, как у Хармана, является к тому же в принципе неисчерпаемым.

Новые онтологии несут в себе отчетливо выраженный эмансипаторный посыл, выраженный в двух формах. Во-первых, в отказе от онтологических иерархий, во-вторых, в форме отказа

от замкнутой целостности, выступающей как объемлющая тотальность («мир», «организм» и т. д.), по отношению к которой ее части могли бы получить свою подчиненную определенность. Результатом этого являются образ подвижной и неиерархизированной (сетевой) структуры взаимодействий между равноправными элементами. У Латура эта модель равноправного взаимодействия онтологически уравненных объектов доходит до логического завершения в форме «Парламента вещей» (Латур 2018): существенным в этой провокационной метафоре является экуменическая возможность выявить и согласовать «политические интересы» разнородных акторов, добившись динамического равновесия в масштабах планеты. Тот тип онтологии, который развивает Деланда, явно указывает на кризис теорий, оперировавших четко очерченными социальными структурами, например, в форме теории общественных классов. Новая онтология предлагает видеть общество и его динамику более подвижными и изменчивыми. Такая онтологическая модель соответствует давно развивающемуся кризису классической марксистской идее классов, способных выступать субъектом социальных и исторических изменений в лице прежде всего пролетариата. Новые формы политической и социальной агентности, которые подразумевает социальная онтология Деланда, в наглядной форме представлены французским философом и интеллектуалом Жаком Рансьером. Размышляя о том, какие социальные виды действия будут в силах справиться с экологическими и политическими проблемами, он говорит: «Только развитие истинно эгалитарных движений может изменить ситуацию. Вы всегда можете призвать лидеров G20 спасти Амазонку, но только люди, которые там живут, действительно борются за нее. Они борются за ее сохранение, а также за то, чтобы показать миру, что они прекрасно понимают, что такое глобальное потепление или биоразнообразие. Равенство развивается только тогда, когда те, кого считают неспособными решать мировые проблемы, решают их самостоятельно. <...> Я не вижу другого пути, кроме расширения деятельности этих автономных демократических движений. Капиталистический интернационал необычайно эффективен; сможем ли мы сформировать в ответ «интернационал эгалитарных движений»? <...> Везде

есть люди, которые выступают против и бунтуют, будь то демонстранты в Сантьяго или Гонконге, безземельные крестьяне в Бразилии или фермеры, выступающие против проекта аэропорта Нотр-Дам-де-Ланд. И изобретаются новые формы сопротивления. Обратите внимание, например, на то, как #MeToo создала эффективный способ борьбы с формами насилия, которые оставались скрытыми в сфере частной жизни» (Рансьер 2022). Подвижные, эгалитарные («плоские») сетевые формы новых социальных, экологических и политических движений, локально связанных с предметностью возникающих проблем, — это, пожалуй, и есть воплощенный пример онтологических абстракций Деланда.

Наконец, в спекулятивном реализме К. Мейясу намечается еще одна симптоматичная тенденция современной философии. Речь идет, по сути, о попытке выйти за пределы человеческой перспективы знания и познания мира (мы коснулись этого момента выше, говоря об ингуманистическом рационализме Негарестани). Иными словами, мы наблюдаем поиск таких подходов к познанию, которые могли бы быть реализованы вне и помимо человеческого сознания. Если попробовать визуализировать мир новых онтологий посредством какого-то образа массовой культуры, то, пожалуй, можно обратиться к фильмам саги Джорджа Лукаса «Звездные войны». Мир горизонтальных связей повстанцев, вступивших в борьбу с иерархией «Империи», разворачивается в среде, где равным образом присутствуют люди, роботы, клоны, киборги и самые разные виды биологических существ, выступающих как субъекты и объекты морального и политического действия.

Энвайронментализм

Ключевые авторы, работающие с новыми онтологиями, нередко выстраивают свою аргументацию, обращаясь к экологическим проблемам, — при том что устоявшийся в сфере охраны окружающей среды дискурс основан на принципах, которые во многом противоположны идеям новых онтологий. Сам термин «охрана» подразумевает распределение активных (общество) и пассивных (природа) ролей, при том что новые теоретики проблематизируют

и отрицают подобное деление. При этом широко используемое понятие «антропоцен», напрямую увязываемое с новыми онтологиями, оказывается внутренне противоречивым. С одной стороны, оно отсылает к невозможности более игнорировать факт «переплетенности» человеческих сообществ с изменчивыми и неконтролируемыми условиями собственного существования, в которые входят в том числе иные биологические виды и силы небιологической природы. Вместе с тем термин «антропоцен» подразумевает, что человек и человеческие общества — далеко не равноценный актер среди других акторов. Человечеству в нем приписан статус новой геологической силы, несущей ответственность за прошлое и будущее планеты. Таким образом, ему вменяется не просто агентность, но сверхспособность и, соответственно, сверхответственность (по указанным причинам, Латур предлагает использовать вместо термина «антропоцен» понятие «новый климатический режим»). Антропологическая сверхсубъектность является логическим следствием трансформации и обмирщения христианской идеи теодицеи (учения, призванного объяснить наличие зла в мире, созданном всеблагим Творцом). По мере развертывания процесса секуляризации человек перенимает на себя ту ответственность за состояние мира, которая прежде возлагалась на всемогущего Создателя: теперь он единственный, кто стоит перед трибуналом суда, в котором выносятся обвинения по поводу наличия зла в мире (Marquard 1986). Понятие «антропоцен» отличается от более раннего и преисполненного оптимизма понятия «ноосферы», введенного В. Вернадским, именно своими негативными коннотациями.

Эта сверхсубъектность, приписываемая человечеству, наделена, однако, парадоксальной природой. Ответственность за климатические изменения несет в конечном счете не какое-то отдельное общество, а человечество в целом, как в настоящем, так и в прошлом, и в будущем. Но в такой всеобщей форме этот субъект ускользает от субъектности, выступая лишь как некая абстракция: «Изменение климата — это непреднамеренное следствие наших собственных действий, и только благодаря научному анализу оно показывает реальность действий нас как вида. Вид, возможно, и в самом деле является именем, указывающим на пустое место

для новой, постепенно формирующейся всемирной и всеобщей истории людей, проблеск которой замечается в момент опасного изменения климата. Однако мы никогда не сможем понять эту новую всеобщность» (Чакрабарты 2020, 67). В практическом плане эта философская трудность выражается в неудачах создания сколько-нибудь эффективной и обязательной для реализации международной системы контроля изменений окружающей среды.

В рамках одной из наиболее популярных классификаций выделяется два основных стратегических подхода к сохранению окружающей среды: 1) энвайронментализм, основанный на свободном рынке (*free market environmentalism*), и 2) политический энвайронментализм, основанный на государственном регулировании (*political environmentalism*). Но даже сторонники первого признают, что «энвайронментализм, основанный на свободном рынке, не может решить все экологические проблемы. Рыночные обмены зависят от четко определенных и обеспеченных прав собственности, а для некоторых природных ресурсов определение и обеспечение прав собственности настолько дорого, что их невозможно осуществить. Для земли, которая неподвижна, это менее затратно, чем для воды, которая течет и струится. Аналогичным образом определить и обеспечить соблюдение прав собственности на воду проще, чем на дикую природу и воздух, которые еще более изменчивы» (Anderson, Leal 2015, 9). И рыночный, и государственный подход к защите окружающей среды являются двумя возможными ответами на проблему, которую автор одной из наиболее ранних и значимых для современного экологического движения работ **Гарретт Хардин** назвал «трагедией ресурсов общего пользования» (Хардин 1968): ресурсы, которые никому не принадлежат, будут безжалостно эксплуатироваться. Для Гарретта экологические проблемы являются побочным следствием роста населения планеты, поэтому он прямо призывает к регулированию численности населения — в духе неомальтузианства, а позднее — безжалостного социального дарвинизма. В 1974 г. он публикует манифест «против помощи бедным», где предлагает смотреть на экологические проблемы с точки зрения «этики спасательной шлюпки», выступая против метафоры Земли как общего «космического корабля»: «Метафора космического

корабля может быть опасной, если ее используют заблуждающиеся идеалисты для оправдания самоубийственной политики перераспределения наших ресурсов посредством неконтролируемой иммиграции и иностранной помощи. В своей восторженной, но нереальной щедрости они путают этику космического корабля с этикой спасательной шлюпки. Настоящий космический корабль должен был бы находиться под управлением капитана, поскольку ни один корабль не мог бы выжить, если бы его курс определялся общественным комитетом. У космического корабля „Земля“ определено нет капитана...» (Hardin 2015).

Элинор Остром противопоставила стратегиям политического и рыночного регулирования модель институциональной самоорганизации общин при использовании ресурсов общего пользования. Опираясь на ряд исторических примеров общинной жизни в разных странах (Швейцария, Япония, Испания и др.), Остром показывает, что они на протяжении длительного времени благополучно использовали общие ресурсы – в противоположность тому, что предполагает Гарретт. Для успешного функционирования такой формы природопользования необходимо, однако, соблюдение ряда институциональных правил. Остром, выделяя девять таких правил, называет их принципами проектирования. К их числу, в частности, относятся: 1) согласованность правил; 2) ясные границы сообщества и правила членства в нем; 3) субсидиарность, сообразно с которой решения необходимо принимать там, где они должны быть реализованы; 4) наличие механизма разрешения конфликтов и др. (Ostrom 2015, 180). В работе Остром проанализирован также ряд примеров институциональных неудач при распоряжении ресурсами. Описанные механизмы самоорганизации общин дают сбои и перестают работать, когда в их деятельность вмешивается правительство или разворачиваются процессы приватизации. Одним из примеров являются масаи, которые, будучи полукочевыми скотоводами в сухой саванне Восточно-Африканской рифтовой долины, разработали систему коллективного управления, которая оказалась удивительно устойчивой в течение длительного времени, несмотря на резкие колебания окружающей среды (Blewett 1995). Эта система, в которую были вовлечены соседние племена,

основана на сети взаимных обязательств, главным образом создающихся через брачные союзы и торговлю, соблюдение которых контролировалось строгим кодексом чести. Приход колонистов, не понимавших эту систему, разрушил ее, причем возникшие экологические проблемы послужили обоснованием дальнейшей экспроприации собственности у аборигенов. Эта история весьма наглядно показывает, как западная модель управления и частного экономического интереса разрушает традиционные общины и их устойчивую модель хозяйствования. Фактически здесь описан процесс, который Маркс назвал этапом «первоначального накопления» производительных сил в рамках ранней фазы развития капитализма. В результате возникают совершенно новая экономика и новый тип обращения с природой, каковая, помимо прочего, подвергается процессу гомогенизации: «Фермер становится предпринимателем или наемным рабочим, дерево превращается в некоторое количество кубометров древесины, а дубы, которые растут слишком медленно, заменяются быстро растущими елями» (Horn, Berghaller 2019, 110). На место традиционной формы природопользования, главной целью которой является обеспечение устойчивости, приходит плантационный метод, нацеленный на постоянную прибыль. Приведенные примеры являются не только ностальгическими экскурсами в историю исчезнувших традиционных форм жизни. Исследователи подчеркивают их важность по причине того, что значительная часть населения нашей планеты продолжает вести натуральное хозяйство, занимаясь традиционными формами собирательства, рыболовства, скотоводства и сельского хозяйства (ср. IPBES 2022, 5). В большинстве случаев эти люди не имеют ясных прав собственности на те территории, где ведут хозяйство, что создает угрозу для их уклада в случае прихода крупных экономических игроков или же в силу создания на этих землях особо охраняемых природных территорий, что во многих случаях ведет к серьезным ограничениям и негативным эффектам для местного населения (Pearce 2013)⁹.

⁹ О негативных эффектах особо охраняемых природных территорий см.: Сувалко А. С., Фигура М. Д. Урорборос и другие экстерналинные эффекты полевой научной инфраструктуры (Сувалко, Фигура 2021).

Экологические проблемы антропоцена также приводят к тому, что природа и ее элементы приобретают политический характер, происходит взаимопроникновение природы и общества. Это стимулирует внимание к мироощущению и воззрениям коренных народов: «Их социальные институты и космология часто отражают глубокое знание экологических взаимосвязей, которое обычно признается научными экспертами и специалистами по развитию только тогда, когда уже слишком поздно. Поэтому они являются незаменимыми партнерами в работе по сохранению местных экосистем и способны сообщить важные сведения о том, какие социальные структуры могут быть использованы для предотвращения их разрушения. Они способны показать, каким образом можно основывать социальный порядок на договоре с природой» (Сувалко, Фигура 2021, 112)¹⁰.

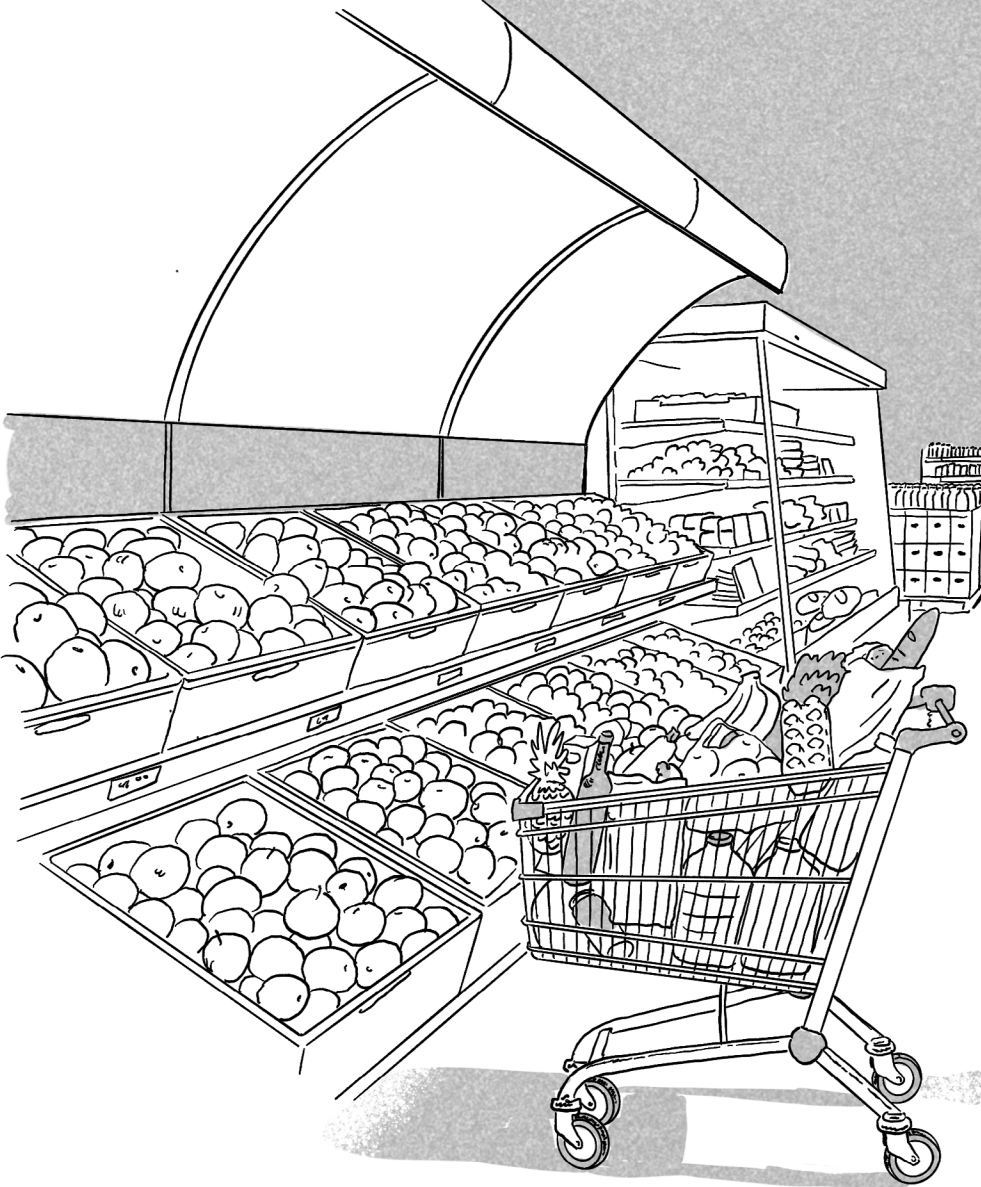
В настоящее время экологическое сознание и энвайронменталистский дискурс вошли в нашу повседневность. Экологически ориентированное поведение, потребление и производство становится рядовой и даже нормативной практикой в современных обществах, составляя важный элемент «ответственного потребления» (*ethical consumerism*). Подобная инфильтрация экологической проблематики в ткань быта соответствует в значительной степени той стратегии экологической политики, которую Элинор Остром назвала полицентрическим подходом в борьбе с изменением климата. Он во многом является результатом скепсиса в адрес представления о том, что на экологические проблемы возможен «глобальный ответ» на уровне международного государственного регулирования. Подобное сомнение не означает, что от такого международного сотрудничества следует отказываться, однако из этого представления следует, что экологическая проблематика должна быть распространена на все нижележащие социальные уровни: «Знакомый лозунг „Мыслить глобально, но действовать локально“ как нельзя лучше подходит к основной дилемме, с которой сталкиваются все жители нашей планеты. Чтобы решить проблему изменения климата в долгосрочной

¹⁰ Примером такой антропологической работы является затронутое выше исследование Ф. Дескола.

перспективе, повседневная деятельность отдельных людей, семей, фирм, сообществ и правительств на различных уровнях, особенно в более развитых странах мира, должна существенно измениться» (Ostrom 2014, 99).

Одна из форм развития стратегии полицентризма, предполагающая более активное включение в экологическое движение местных, региональных и негосударственных субъектов, представлена в проекте *Earth System Governance* (Biermann, Kim 2022; Biermann 2019). Проект, развиваемый в рамках многоуровневой и многокомпонентной теории системы, является не только теоретической концепцией, но и глобальным исследовательским альянсом, который стремится расширить свое политическое влияние (*Earth System Governance* 2022). Несмотря на развитие этих полицентрических подходов, значение государств и их взаимодействий в рамках решения проблем сохранения окружающей среды остается важнейшим, хотя современные исследователи весьма сдержанно оценивают перспективы такого взаимодействия: «Время, когда „антропоцен“ превратился из технического термина в ключевое понятие современной критики, было также временем подъема национализма и ужесточения старых и новых, все более неясных форм конфликта. Сотрудничество между „правом“ и „физикой“ (Мишель Серра) развивается очень медленно. Напротив, военные с интересом принимают к сведению прогнозы наук о земной системе. Пока дипломаты продолжают спорить об обязательных климатических целях, министерства обороны мира уже разыгрывают сценарии конфликтов, которые принесет глобальное потепление. Надежда М. Серра на то, что знание об уязвимости Земли приведет к сдерживанию геополитического соперничества, не оправдалась» (Horn, Berghaller 2019, 116).

В каком-то смысле символично, что упомянутая здесь работа Мишеля Серра «Договор с природой», вышедшая в далеком 1990 году, прямо накануне «золотого десятилетия» в области международного сотрудничества по охране окружающей среды, анонсирована в России к выходу лишь в 2022 г.

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

Руслан Хестанов, Алена Колесникова, Александр Сувалко

В социальных дисциплинах, предметом которых является будущее, происходят революционные изменения внутри мейнстрима. Линейные экстраполяции на будущее социальных состояний или трендов настоящего отходят на второй план, тогда как на первый выдвигаются теории, которые можно назвать перформативными или аффирмативными¹¹. Иначе говоря, если в конце XX в. социальные теории предлагали стратегии адаптации к вызовам и рискам, то с начала XXI в. социальные теоретики предлагают не столько прогнозы, сколько стратегии преобразования общества, окружающей среды или планеты. Фоном аффирмативного теоретизирования является убежденность в том, что человеческие общества вошли в фазу катастрофического развития. Именно катастрофическое визионерство является основанием императивности всех тех мер, которые выдвигаются в качестве политик, а также жестко заданной нормативности аффирмативных теорий. Данные теории ориентированы на прямое политическое действие.

Поскольку мейнстрим неоднороден, в данном разделе мы предполагаем начать с нескольких примеров линейных экстраполяций будущего. Затем перейдем к рассмотрению примеров аффирмативных доктрин будущего, которые в последнее время играют наиболее заметную роль в социальных науках.

Линейные экстраполяции будущего

Линейные модели характерны прежде всего для представителей западной социальной науки традиционной марксистской школы, которых все еще часто можно встретить в западных

¹¹ В данном контексте следует указать на важное смысловое отличие между перформативными и аффирмативными теориями. Перформативные теории утверждают свою действенную и практическую природу. Аффирмативные – политически заряженные теории, формулирующие императивы для практики и требующие определенных политик.

университетах. Они не были захвачены новой левой идеологией, связанной с социальными движениями меньшинств, гендерным активизмом или интеллектуальными доктринами «инклюзивного капитализма». В их теориях присутствуют элементы, характерные для аффирмативных теорий, но в виде умеренного конструктивизма, предполагающего формы интерактивного взаимодействия между человеком и природой или историей.

Начнем с известного американского социолога индийского происхождения, принадлежащего к наиболее ортодоксальной марксистской американской школе, **Вивека Чиббера**, опубликовавшего в этом году книгу в университетском издательстве Гарварда «Современный капитализм и структура труда» (Chibber 2022). Затем перейдем к другому известному автору, представителю континентальной Европы, Тома Пикетти, книгу которого пресса часто называла современной версией «Капитала» Карла Маркса.

Будущее, по мнению Чиббера, формируется где-то в глубине классовых социальных структур и противоречий. Поэтому первой задачей для Чиббера является «корректное» описание исторического процесса с использованием принятой в марксизме классовой матрицы. Экстраполируя марксистский анализ на процессы XX в., Чиббер отмечает глубокий сдвиг в структуре профессий — от индустриализации 1920-х гг. к деиндустриализации 2020-х гг. Широкая трансформация профессиональной структуры сопровождалась также замедлением темпов роста, так что поворот к сфере услуг в 1960-х гг. сопровождался замедлением роста занятости. Замедление темпов роста экономики и деиндустриализация капитализма также привели к переходу к более мелким и децентрализованным предприятиям, замещающим классические крупные производственные предприятия межвоенных лет. Важно, отмечает Чиббер, что переход к услугам совершается также и на Глобальном Юге, — явление, которое экономисты окрестили ранней деиндустриализацией. Ранней она называется потому, что в основных экономиках деиндустриализация произошла после того, как они более или менее полностью выросли из сельского хозяйства, а на Юге переход происходил в то время, когда значительная часть рабочей силы все еще была

занята в сельской местности. Значимость данного явления заключается в том, что эти малоразвитые страны, скорее всего, никогда не будут иметь такого уровня занятости в обрабатывающей промышленности, как их предшественники на Западе. Промышленность ныне не вырывает крестьян из сельского хозяйства, вовлекая их в стабильные формы городской занятости, — напротив, последняя сама разрушается, а работники массово пополняют ряды прекариата или тех, кто занят на неформальных работах, едва обеспечивающих прожиточный минимум.

Медленно растущая экономика, основанная на услугах, с небольшим потенциалом рабочих мест по очевидным причинам создает совершенно новые проблемы, по сравнению с классической производственной экономикой. Экономия за счет масштаба, которую организаторы получали на больших производственных площадках, теперь труднодостижима; вместо того, чтобы охватить тысячи работников на одном предприятии, им приходится создавать по несколько десятков или несколько сотен предприятий. Помимо этого, зависимость от аутсорсинга привела к тому, что руководители фирм не имеют достаточного контроля над решениями по инвестициям и рабочим местам, часто остающимся под надзором фирм, расположенных выше в цепочке создания стоимости, на которые организаторы не могут иметь никаких прямых рычагов влияния. Во многих случаях даже неясно, кому организаторы могут адресовать свои требования. Наконец, сокращение штатов и замедление темпов роста привели к тому, что заметно уменьшились гарантии занятости, — ситуация, которую обычно называют ненадежностью, — а это распространило среди наемных работников страх, характерный для Викторианской эпохи, когда те гораздо осторожнее предъявляли какие-либо требования к своим работодателям. Такие условия сегодня очень широко распространены в развитых странах мира. Но факт ранней деиндустриализации на Юге означает, что они также имеют поистине глобальный масштаб.

Чиббер полагает, что популистская волна последнего десятилетия будет наполняться обновленной энергией протеста и станет новым лицом восстания рабочего класса. Перерастет ли она в нечто более существенное, будет зависеть от способности

рабочего решить проблему организации класса в новых условиях. Сегодня левое движение относительно развито в основных индустриальных странах, но оно в значительной степени оторвано от рабочего класса. Левые находятся в основном в профессиональной среде, такой как университетские кампусы и некоммерческие организации. Они не живут в рабочих кварталах, не работают на производственных предприятиях, где труд противостоит капиталу. Даже в электоральном плане социал-демократические партии на Западе больше не опираются на рабочий класс как на свою базу, но полагаются на профессиональные слои с высшим образованием. Таким образом, если раньше между самоназванными «левыми» и рабочим классом существовала естественная и органичная связь, то теперь ее нет.

Несомненно, в этих отношениях присутствует определенная степень эндогенности. Другими словами, само изменение структурных условий по крайней мере частично ответственно за отсутствие рабочих левых, которые так быстро консолидировались столетие назад. Одна из главных задач книги — объяснить отсутствие мощного движения рабочего класса. Чиббер считает, что данный вопрос плохо изучен, но предлагает правдоподобную, на его взгляд, гипотезу. Культура сопротивления, сформированная структурными и институциональными условиями в начале XX в., способствовала появлению политических организаций, которые придали ей форму и направление. Отчасти это произошло благодаря созданию условий для объединения рабочих активистов в кварталах, на рабочих местах и в клубах растущих городских производственных центров. Она также привлекла представителей среднего класса — радикалов, студентов и интеллектуалов, которые были вдохновлены идеалами, выраженными растущими рабочими организациями, и обеспечили связь рабочего класса с прогрессивными секторами промежуточных экономических слоев. Вполне вероятно, что по мере изменения структурных условий (например, в силу исчезновения крупных промышленных предприятий и рабочих кварталов в развитых странах, а также отсутствия коммуникации между современными левыми движениями в мегаполисах и рабочим движением), рабочие выбирали более индивидуализированные формы сопротивления, что также

размывало организационные структуры рабочей солидарности. Поскольку плотность организаторов труда уменьшилась, то и традиционных средств для коллективных действий становилось все меньше, что усиливало спонтанную тенденцию играть в безопасность и сопротивляться индивидуально.

Классовая матрица сегодня сдерживает и формирует политический ландшафт так же, как и столетие назад, но с существенными отличиями от указанного раннего периода. Чиббер полагает, что рабочее движение сможет определять будущее только тогда, когда возродится и углубится традиция политэкономического анализа, способного показать, что капитализм — это система, опирающаяся на классовую структуру; что эта структура накладывает реальные ограничения на социальных субъектов; что эти ограничения являются фактами жизни, а не символическими конструкциями; и что политическая борьба в основном заключается в использовании политических интересов для достижения политических целей. Иначе говоря, требуется тщательное изучение новых фактических ограничений, с которыми сталкивается труд, а затем разработка стратегии их преодоления. Затем предстоит нелегкая задача привлечения множества трудовых семей к этой повестке дня, использования их энергии для ее реализации и поддержания организаций в течение того периода, пока они отстаивают их интересы. Если эта традиция анализа действительно необходима для возрождения прогрессивных движений, то социальная теория должна будет найти способ вернуться назад от эксцессов культурного поворота.

Геополитический и военный кризис 2022 г. едва ли оказал значительное влияние на **Тома Пикетти**, автора интеллектуального бестселлера «Капитализм в 21-м веке» (Piketty 2013). В последних интервью он жестко придерживается тех тезисов, которые сформулировал в своей книге. Наиболее содержательное интервью в этом году он дал авторам подкаста известного американского сайта *Promarket* (Piketty 2022). Пикетти повторил свой основной тезис о том, что, начиная с двух революций XVIII в., французской и американской, и вплоть до сегодняшнего дня, т. е. в ходе последних 220–240 лет, имело место мощное движение в сторону расширения политического, экономического

и социального равенства, которое было очень тесно связано с движением к процветанию.

Сегодня мы переживаем начало распада обществ, основанных на привилегиях, на статусе и неравенстве, на рабстве и колониализме. Это общество продолжало существовать в XX в., несмотря на рост движения за всеобщее избирательное право женщин, деколонизацию, движение за гражданские права, несмотря на конец апартеида, рост социального обеспечения и прогрессивного налогообложения. Это общество продолжает существовать и сегодня, несмотря на сопротивление со стороны движений #MeToo или *Black Lives Matter*.

Однако существует процесс, который предопределяет конец этого несправедливого общества и начало новой фазы человеческого развития. Этот процесс мы наблюдаем сегодня в виде постепенной декоммодификации экономики по сравнению с положением 100- или 150-летней давности: наблюдается рост масштабных экономических секторов (например, образования и здравоохранения), которые намного больше, чем, скажем, современный автомобильный сектор в развитых странах. Объем этих секторов продолжит увеличиваться и в будущем даже несмотря на то, что они в значительной степени изначально были организованы вне мотивации получения прибыли. В США здравоохранение остается частным сектором. Однако если оценить результаты деятельности государственных систем здравоохранения исторически, то можно обнаружить, что они гораздо лучше справлялись с задачей обеспечения здоровья, чем системы, мотивированные прибылью. То же самое наблюдается в образовании: страны, которые пытались создать прибыльные начальные школы и прибыльные университеты, просто не добились успеха, считает Пикетти.

Процесс декоммодификации был чрезвычайно успешным, и этот опыт необходимо использовать для того, чтобы оказывать влияние на будущее. С наибольшей вероятностью следует ждать, что декоммодификация расширится и в скором времени охватит целый ряд секторов. Скорее всего, она будет завершена в секторе образования и здравоохранения, а также охватит сектора культуры и средств массовой информации. В этих секторах

сегодня организации, приносящие прибыль, далеко не всегда работают удовлетворительно и в целом показывают незначительные результаты. Однако в секторах, где велика роль конкуренции, коммодификация остается эффективной и оправданной. Например, в секторе общественного питания – в кафе или ресторанах, где небольшие производители эффективно работают.

Пикетти называет свой проект партисипативным, или демократическим, социализмом. Он содержит три составляющие: 1) растущая декоммодификация; 2) резкий ввод прогрессивного налогообложения богатства с целью его перераспределения; 3) введение в компаниях «более равного» распределения власти (форм коменеджмента, которые приняты в таких странах, как Швеция или Германия, где рабочие имеют до 50 % мест в совете директоров крупных компаний).

Несмотря на то что проект будущего Пикетти западной прессы был в целом воспринят положительно, консервативные издания к подобным левым прогнозам относятся крайне негативно. Так, например, критике консервативных интеллектуалов подверглась книга «Социализм на пол-Земли», опубликованная в этом году, предлагающая похожие планы огосударствления, глобальную эко-социалистическую революцию демократического типа, в результате которой появится глобальное государство, основанное на равенстве, заботе и неотчуждаемом труде (Pendergrass, Vettese 2022). Идеи об ООН в виде глобального парламента с собственным центральным бюро планирования под названием «Госплан», а также задачи по ограничению добычи природных ресурсов ради поддержания биосферы и требование справедливого распределения ресурсов для удовлетворения человеческих потребностей спровоцировали резкую критику авторов *American Enterprise Institute for Public Policy Research* (Pethokoukis 2022).

Данный институт продвигает идеи расселения мегаполисов в поселения компактного проживания. Исследования института направлены на обоснование того факта, что американцы стремятся жить в относительно небольших городских сообществах: «Учтите тот факт, что исследование жизни американского сообщества 2021 г. показало: только 19% жителей больших городов оценивают свои районы как достойную среду обитания. Напротив,

26% жителей малых городов считают, что их районы превосходят. Различия еще более заметны в пригородах: 34% тех, кто проживает в пригородах больших городов, и 29% тех, кто проживает в пригородах малых городов, заявляют, что их сообщества являются отличным местом для жизни. Жители малых городов и сельской местности также более позитивно относятся к своим сообществам: 30% жителей малых городов и 36% жителей сельской местности оценивают свои сообщества как отличные места для жизни. Американцы, живущие в больших городах, чувствуют себя менее близкими к своим соседям, чем американцы, живущие в других местах» (Abrams 2022).

Почти три четверти (72%) миллениалов, живущих в сельской местности, считают, что вне мегаполисов жизнь привлекательней и что тяжелая работа окупается. Они, как полагают консервативные исследователи, в подавляющем большинстве настроены оптимистичнее, чем их ровесники, живущие в больших городах. Благодаря огромным достижениям в области технологий, связи и логистики сельские районы не так изолированы, как можно было бы ожидать. Неудивительно, что люди, живущие в сельской местности, по большей части считают, что могут добиться успеха, если будут усердно работать и не будут чувствовать себя стесненными пребыванием за пределами города. Города, безусловно, останутся важными аспектами антропогенной среды страны в постпандемическую эпоху, но многие американцы, предпочитающие жить вдали от мегаполисов, считают, что у них много возможностей и что тяжелая работа там также может привести к реальному успеху.

Аффирмативные доктрины будущего

Радикальные требования аффирмативных теорий вытекают из предыдущего исторического цикла. Ссылаясь на критику антропоцентрических подходов в социальных науках (начиная от постструктурализма, социологии коммуникаций Н. Лумана и заканчивая АСТ Б. Латура и его последователей), аффирмативные теории призывают сегодня к «постчеловеческой нелояльности

к собственному виду» (Braidotti 2016), радикальным формам контроля численности населения (Haraway 2016) и жизни на руинах капитализма и современности (Tsing 2015). Можно назвать два важных источника этих теорий: во-первых, это постулаты социальных ученых, работающих над темами, которые обобщенно можно объединить под рубрикой «Новый катастрофизм». Сюда можно отнести как общество риска У. Бека, так и трансгисторический параллелизм Джареда Даймонда (Diamond 2005), усматривающего аналогии между падением цивилизаций Рима и майя и перспективой современного мира, и антропоцен Пауля Крутцена.

Вторым важным теоретическим источником перформативных и аффирмативных теорий, на котором мы здесь остановимся более подробно, является социология мобильностей **Джона Урри**, предлагавшего в свое время мышление «социального будущего», которое не только познает настоящее, но прежде всего формирует его. С точки зрения Урри, после того как «ключи от будущего перешли от богов людям», европейские общества пережили радикальную трансформацию, которая требует от них «приручения», «преобразования» и «заботы» о будущем (Урри 2018, 19). Поэтому идеи новых теорий обретают практическую и перформативную направленность. Такой взгляд не является чем-то новым, если мы вспомним деятельностный и преобразовательный пафос философии Карла Маркса, но он довольно радикален, по сравнению, например, с социологией Никласа Лумана, который полагал, что простая функция наблюдения достаточна для эволюции систем кибернетики второго порядка. Ход мысли Урри действительно напоминает классический марксизм, когда тот утверждает, что повседневные социальные и материальные практики мобильности, энергопотребления, потребления и коммуникации имеют сложные многомасштабные системные эффекты «мирообразования», в то время как большинство людей не осознает «системности своих повседневных практик»¹².

¹² «Большинство людей не подозревают о „системности“ своих повседневных практик и о том, что они являются „носителями“ систем, когда отправляются в магазин или на работу, принимают душ или посещают культурные мероприятия» (Урри 2018, 114).

Урри ставит задачу «актуализации будущего», т. е. предполагает привлечь различные интересы, знания, формы экспертизы, творчество и практику, чтобы представить и оспорить то, каким может быть «хорошее» или «лучшее» будущее, и уже сейчас ввести в него то, что может сделать его реальностью. Плохое будущее — это перспектива невозможности поддерживать процветание жителей Земли при истощении ее потенциала. Поэтому нужна новая трансдисциплинарная наука и планетарный (не глобальный!) взгляд на системные проблемы человеческого выживания. Это требует не только изменений в рамках науки, но сдвига в аналитическом воображении, ценностях, практике и политике. В таком слиянии эмпирического, аналитического, творческого, этического и политического просматривается утопический импульс, который находит своих приверженцев среди более радикальных сторонников аффирмативных теорий трансгуманизма, феминизма, квир, а также эмансипаторных социальных движений в искусстве, дизайне и городском активизме.

Урри считает, что динамика капитализма, а также технологический прогресс могут «изогнуть человека под себя», но есть нечто, что порождает мощный источник сопротивления — это «темная материя». Ее «нельзя увидеть, но она оказывает гравитационное воздействие на видимую материю». В рамках социальных наук такой «темной материей» являются «структуры чувств» и «социальная энергия» (Урри 2018, 59). Метафора, позаимствованная из астрономии, важна не только потому, что указывает на источник потенциальных тектонических сдвигов, но и как иллюстрация главной ставки, которую делают аффирмативные теории, — ставки на социальные «структуры чувств» как мощный источник сопротивления. Социальная теория, таким образом, выходит за пределы теоретических задач, превращая себя в инструмент общественной мобилизации. Похожую ставку на осознанную мобилизацию «структуры чувств» и «темной материи» мы можем наблюдать в современных политиках ЕС и США, нацеленных на ускоренный выход экономик и сообществ из высокоуглеродной жизни в медленную жизнь (см.: движение «*slow life*»), из землепользования — в управление землей и передвижение по городам без автомобилей.

Современные социальные исследователи будущего в Европе и США часто ссылаются на перечисленные положения Дж. Урри. Отчасти новые задачи теории, нацеленные на созидательность, трансформацию и мобилизацию социального активизма (в противоположность объяснению, наблюдению и созерцательности), неизбежны в контексте интенсивных процессов секуляризации в эпоху модерна. Планирование, расчет ресурсов, участие ученых в экспертизах на всех уровнях управления, *public relations*, публичные формы полемики в политическом поле, характерные для современной социальной науки, воспринимаются сегодня в качестве нормы. Другое дело, на что эти новые активности науки опираются — страсти и ценностные ориентации принимаются как данность, подчинены мейнстриму и редко критикуются и оспариваются внутри университетов и научных институций.

Плантин утверждает, что «внедрение новых техно-научных объектов в структуры общества подразумевает нечто гораздо большее, нежели добавление новых знаний и вещей в социальную жизнь. Оно требует реконфигурации более широких социально-материальных отношений, среди которых должен быть размещен новый объект» (Plantin 2011, 12). Примером такого внедрения было распространение счетчиков Гейгера в 90 странах мира после аварии на АЭС в Фукусиме. Исследователи выступили в роли активистов, противопоставивших правительственным данным свой собственный проект гражданского самоконтроля. Благодаря этой кампании Германия приняла решение прекратить эксплуатацию своих атомных электростанций. Ученые и аналитики внесли заметный вклад в процесс формирования будущего безъядерной энергии в Германии, активно принимая участие в движении, включавшем в себя политиков, активистов, беженцев и обычных граждан. Участники движения исходили из того представления, что «прекарность — это условие нашего времени», и утверждали, что «пришло время почувствовать на себе прекарность». В данном случае мы имеем дело с примером альянса инфраструктуры науки и социальных движений (Поппер 2004, 20). Распространению подобной активности способствует также сеть неправительственных организаций, в которой работают пассивные ученые и профессионалы.

Антропоцен

Исключительно важная инновация в рамках исследований будущего связана с появлением понятия «антропоцен», образованного из слияния греческих слов *anthropos* («человек») и *kainos* («новый»). Химик **Пауль Крутцен** ввел этот термин, чтобы показать, что Земля, возможно, больше не находится в голоцене — в относительно стабильной геологической эпохе, продолжительностью примерно 11,7 тыс. лет, следующей за окончанием последнего плейстоценового оледенения (Clark, Szerszynski 2020, 5). Голоцен рассматривается геологами в большинстве своем как ничем не примечательная межледниковая фаза. Особенным его делает только то, что голоцен — это геологический интервал, в котором некоторые представители *homo sapiens* перешли к более оседлому образу жизни, одомашнили значительное число видов растений и животных, объединились в крупные национальные сообщества с развитой инфраструктурой и приступили к тотальной эксплуатации континентов и океанов. Гипотеза антропоцена основана на допущении, что человек как вид стал геологическим или геофизическим агентом, оказывающим влияние на работу Земли в целом.

Термин «антропоцен» оказался удобным для обозначения целого ряда катастрофических тенденций, которые можно было описать как планетарные: изменение климата, окисление океанов, утрата биологического разнообразия, истончение озонового слоя стратосферы, изменения в глобальных циклах ключевых химических элементов, таких как азот и фосфор, высокий уровень загрязнения атмосферы твердыми частицами или «аэрозолями», масштабная трансформация рельефа и экологии суши Земли и другие чрезвычайно серьезные глобальные проблемы. Антропоцен позволил социальным теоретикам приспособить свою оптику к планетарному масштабу и инициировать дискуссию с позиции «планетарной социальной мысли» как новой научной дисциплины, объединяющей усилия социальных и гуманитарных наук с геологией, палеонтологией, географией и др.

Новизна подхода заключается еще и в том, что ученые высказываются от имени человеческого вида, от всех людей

современности, оказавшихся на переднем крае климатического кризиса или изменения системы Земли. Они апеллируют к страданиям, возмущению, к императивам необходимости действия. Предлагается перспектива выхода за пределы традиционного социального пространства и мышления — в зону соприкосновения человеческих и нечеловеческих процессов, а также вводится новое понимание темпоральности — с точки зрения не человека, но самой планеты Земля. Как выразился **Бруно Латур**, размышляя о значении антропоцена для науки, «новый климатический режим ставит под вопрос не центральное место человека, но его состав, его присутствие, его образность» (Latour 2018, 85). Иначе говоря, изменяется фокус взгляда на самого человека: теперь он существо планетарное, сама же планета рассматривается как существо, способное к самопреобразованию на всех уровнях — от микроскопического до Земли как системы.

На наш взгляд, риторика теоретиков антропоцена интегрирует в себя дискурсивные модели, характерные для религиозных пророчеств, сочетающих катастрофизм, а также обращение к хтонической и архаической мудрости как инструменту спасения. Присутствие профетической дискурсивной модели в современной науке указывает на то, что она всегда сохраняла связь, имплицитную или эксплицитную, с религиозным мировоззрением, а современные социальные дисциплины вдохновлены религиозной чувственностью. Земля как планета обретает персонифицированные черты, когда характеризуется как «несовместимая сама с собой», беспокойная, далекая от химического и термодинамического равновесия, и «это внутреннее, взрывное различие позволяет планете стать творческим, историческим образованием» (Clark, Szerszynski 2020, 172).

При этом геологическое прошлое планеты описывается как хранилище возможных путей сочленения нашего вида с Землей, которое может вдохновить современников к творческому созиданию: рефлексия над более ранними этапами взаимоотношений вида и планеты позволит представить альтернативные траектории развития (Clark 2019). Западный модерн привел планету к ситуации прогрессирующего сокращения разнообразия земных «множеств» (к множествам относятся и биологические виды, и племена,

и культуры). Разнообразие утрачивалось, поскольку человеческое мастерство непрерывно кодифицировалось и рутинизировалось, и таким образом осуществлялся переход от уникальных решений ремесла к универсальным технологическим шаблонам построения окружающей среды. Это превращало человека из ремесленника и мастера в «технического индивида», не имеющего уже собственной телесности, чье поведение и телесные движения детерминированы не органами чувств, а техническими сенсорами. Таким образом совершался переход от инструментов, которые окружают и расширяют человеческое тело, удерживаемое так, чтобы быть чувствительным к тенденциям нечеловеческого мира, — к организации, в которой тело человека-работника сплавляется с машиной, образуя тем самым «технического индивида», самостоятельную гибридную телесность, заставляющую человеческое тело подчиняться его движениям (Feenberg 1999, 219). Окружающая технического индивида среда стала более «гладкой», предсказуемой и податливой, что понизило потребность в навыках «мастера»: реки спрятаны в каналы, дороги асфальтированы, здания более эффективно изолированы, а артефакты более стандартизированы. Технологический прогресс, таким образом, имеет свою телеологическую заданность, в которой идеальным, с точки зрения работодателя, является производство без работников, а идеальным, с точки зрения работника, — доход без занятости.

Вполне предсказуемо, что при таком утопическом противопоставлении «мастера» и «технологического индивида» ремесленный труд, ориентированный на решение локальных задач уникальными способами, кажется более востребованным, по сравнению со стандартизированными компетенциями технологических решений. Поэтому в теориях антропоцена пронзительно звучат мотивы ностальгии по архаическим взаимодействиям человека с планетой, возвеличивающей опыт коренных народов, который оказывается не столько «пережитком прошлого», сколько «воплощением будущего» (Шарль 2005, 123). Любая инсценировка встреч между земными толпами Запада и «людьми из мира большинства», т. е. «маргинализированных» современным капитализмом обществ, требует не только согласованных усилий по деэкзотизации последних, но и всестороннего придания

странности первым (Szerszynski 2017). Вероломное отношение к Планете технологически продвинутых способов производства поразительным образом напоминает нарушение завета, а прославление архаичных форм мастерства и труда — восстановление изначального «контракта» с Богом, что возвращает ветхозаветные фигуры мысли в научный дискурс.

Сборке дискурса социальных наук помогают воображаемые квазиапокалиптические события, центрирующие и придающие ему консистентность. Одним из таких воображаемых моментов будущего является «технологическая сингулярность», о которой впервые в 1993 г. заговорил математик и писатель-фантаст **Вернер Виндж**. Сингулярность — переломное событие, когда искусственный интеллект и связанная с ним техника станут умнее человеческих существ, что приведет к неуправляемости и необратимости человеческую цивилизацию (Vinge 1993). Данное гипотетическое событие уже сегодня играет роль, определяющую социальное мышление внутри западного мейнстрима. Одной из тенденций в исследованиях искусственного интеллекта является этизация и морализация конфликта между человеком и программным обеспечением. Морализация отношений между человеческим родом и машиной характерна не только для теорий антропоцена — она куда шире распространена в современных теориях медиа, управления, истории науки и техники и т. д. Например, в последнее время все чаще обращают на себя внимание манипулятивные практики в использовании технологий искусственного интеллекта. Итальянский теоретик и историк медиа **Симон Нателе** утверждает: «Банальный обман требует от пользователя активного взаимодействия с обманными механизмами, что делает пользователя активным, решающим компонентом в функционировании каждой интерактивной системы искусственного интеллекта. В конечном счете искусственный интеллект ставит под вопрос саму суть того, кто мы есть. Но не столько потому, что он заставляет нас потерять из виду то, что значит быть человеком. Скорее ключевое послание искусственного интеллекта заключается в том, что наша уязвимость к обману является частью того, что определяет нас. Люди обладают ярко выраженной способностью проецировать намерения, интеллект и эмоции на других» (Natale 2021, 132).

Натале заключает, что склонность людей к обману со стороны нечеловеческих собеседников, имитирующих намерение, интеллект и эмоции, говорит о том, что в будущем новый характер отношений с нечеловеческими устройствами, обретающий этическое и социальное измерение, будет только усиливаться.

Другим, гораздо более важным следствием события гипотетического апокалипсиса, является та стратегическая нормативность, которая противопоставляется в качестве главного инструмента преодоления фатального для планеты кризиса. Здесь мы чаще всего сталкиваемся с апелляциями к силам «темной материи», о которых писал **Джон Урри**: логика и рациональное действие отвергаются в пользу эстетически мотивированного любопытства, акционизма и структуры чувств социального сопротивления, которые способны изменять гравитационное воздействие различных планетарных систем. На первый план выдвигаются ценности нецелесообразной и креативной генеративности социальных движений, «исправляющих» будущее. В то время как капиталистические императивы имеют тенденцию концентрировать инновации в узкоспециализированных местах, широкий обзор земных многообразий предполагает, что творчество, настроенное на земную изменчивость, скорее всего, будет распределено по широким фронтам или сетям практик адаптации. В условиях, когда городская инфраструктура работает со значительными перебоями или неровно, люди сами — посредством своих сетей, сотрудничества, мобильности — могут компенсировать сбои материальной инфраструктуры больших городов (Simone 2004). Особую роль играют временные инфраструктуры протестных движений, вроде лагерей протеста, оккупированных территорий и лагерей беженцев. Эти экспериментальные и импровизированные механизмы обеспечения, которые одновременно и позволяют и способствуют расцвету коллективной щедрости, гостеприимства и жертвенности, политический теоретик **Анжела Митрополус** называет инфраструктурами спасения, или беспорядочными инфраструктурами (Mitropoulos 2012, 263). Как пишет Дж. Урри, «После того как оптимизм „ревущих девяностых“ сошел на нет, в странах „богатого Севера“ произошли радикальные изменения в структурах чувства, или *Zeitgeist!* Этот долгосрочный катастрофизм заметен

во многих произведениях общественной и научной мысли, опубликованных с 2003 г.» (Урри 2018, 60). Далее он приводит пространный список, насчитывающий свыше сорока книг известных западных социальных мыслителей современности.

Одним из таких примеров является известный французский интеллектуал и политик **Жак Аттали**, уже давно предсказывавший катастрофическую динамику развития западных стран, указывая, например, на то, что рыночные силы берут верх над всем способным противостоять, включая государства, которые они постепенно уничтожат, — в том числе и такую сверхдержаву, как Соединенные Штаты, чье господство закончится до 2035 г. И, как считает Аттали, катастрофа уже началась, что стало очевидно в 2022 г. Она готовилась подспудно, будто кто-то надувал мяч в бассейне, а теперь накопленный воздух резко выбросил его на поверхность воды (Егоре 2022). Несмотря на то что Аттали представляет старую школу исследователей будущего, склонных к линейным экстраполяциям¹³, в этом году, когда разразился военный и экономический кризис на европейском континенте, он также заговорил на языке антропоцена и планетарного мышления. Аттали видит спасение планеты в новом индивидуальном и коллективном мышлении, когда каждый потребитель каждой своей покупкой делает выбор в пользу «экономики жизни» (стержнем которой является экология, образование и здоровье), противостоя тем самым «экономике смерти», основанной на сверхпотреблении углеводов и энергии, пластика, природных ресурсов и проч. Индивидуальные установки в пользу «экономики жизни» должны совпасть с коллективными установками европейцев и, наконец, с установками геополитическими. Интервьюер резонно возражал, что для этого придется создать сначала буквально полицейское

¹³ Линейность прогнозов Аттали сказывается в выделении единственного фактора исторического развития: на протяжении многих веков история реализует главный и единственный свой приоритет индивидуальной свободы над другими ценностями. Свобода, в свою очередь, в высшей своей форме представляет собой самоконтроль и самодисциплину, определяемые нормами. Самоконтроль при технологическом совершенствовании средств и методов наблюдения превратит каждого человека в собственного доктора, преподавателя и контролера. Так выглядит линия морального становления человеческого рода и истории (Аттали 2014).

государство во Франции, а затем и в мире. Аттали же настаивал на последовательных реформах сознания французов и европейцев, а также на дипломатии и «воспитании» с помощью санкций со стороны Европы, ведущей мировой сверхдержавы, остальных мировых игроков. Манихейская биполярная перспектива мирового развития, катастрофизм и спасение через моральную трансформацию человечества — все эти элементы религиозного дискурса на примере Жака Аттали показывают, насколько глубоко укоренены в воинствующем секуляризме современных западных интеллектуалов религиозные фигуры мысли.

Субъективизация и психологизация

Весь основной спектр современных социальных теорий сходится в том, что в экономически развитых обществах происходит ценностная и социокультурная трансформация, которую можно обозначить как субъективацию ценностей. В рамках этого перехода доминирующими ценностями и мотивами социального действия становится не материально-экономическое благополучие, а «постматериалистические» ценности самоактуализации и субъективно ощущаемого качества жизни, насыщенность, интенсивность и глубина собственных эмоций и впечатлений, стремление прожить «счастливую жизнь». В рамках теорий ценностей такого рода культурная эволюция хорошо известна по работам Р. Инглхарта (Инглхарт, Вельцель 2011). В данном разделе мы рассмотрим некоторые менее известные в России работы, детально анализирующие различные аспекты этой фундаментальной трансформации средствами социальной теории и культурсоциологических исследований.

Один из авторов концепции постиндустриального общества, американский футуролог **Элвин Тоффлер** еще в 1970 г. одним из первых обратил внимание на интеграцию в экономический оборот эмоциональной сферы. В своей книге «Шок будущего» он отметил, что в высокотехнологичном обществе люди испытывают стресс и дезориентацию, вызванные большим количеством перемен в сжатый период времени. По его прогнозам,

которые отчасти можно назвать осуществившимися, пройдя «эру обслуживания», рыночная система будет развиваться за счет «индустрии ощущений»: «Основой экономики, грядущей после эпохи обслуживания, будет психологизация всего производства, начиная с материального. В любом высокотехническом обществе (особенно в США) производитель стремится оформить товар так, чтобы он был психологически привлекателен» (Тоффлер 2002, 246). Образцовым примером является автомобиль, который производители дополняют элементами дизайнерски сложно оформленной световой индикацией, приборами, продуманными звуковыми решениями и т. п., чтобы водитель мог почувствовать себя с помощью дополнительных аксессуаров более умелым. Сугубо функциональные образцы техники, такие как экскаваторы «Катерпиллер», пережили схожие изменения: кабина машины приобрела эстетически привлекательный вид, не утратив при этом утилитарных качеств, в силу чего экскаватор стал похож на космический погрузчик, что вызывало восторг у заказчиков, так как создавало привлекательный образ рабочей специальности. Наблюдения Тоффлера над эмоционализацией рыночной сферы не были оформлены в разработанную теорию, однако вдохновили множество исследователей.

Наиболее фундированное описание трансформации роли эмоциональной сферы в современном обществе мы находим у немецкого культурсоциолога **Герхарда Шульце**, который в 1992 г. предложил концепцию «общества переживаний» в одноименной книге с подзаголовком «Культурсоциология современности» (Schulze 2005). Автор специализируется на оценке текущих общественно-культурных изменений и прогнозах их динамики, хорошо известен за пределами академического сообщества как публичный интеллеktуал, специализирующийся на артикуляции социальных и культурных аспектов общества позднего модерна (Schulze 2022).

Разрабатывая теорию «общества переживаний», Шульце опирался на результаты масштабного количественного исследования, проведенного в Нюрнберге. Он приходит к выводу, что в немецком обществе осуществляется трансформация структуры социально-го действия — она приобретает эмоционально ориентированный

характер. Эту трансформацию можно определить как смену внешней ориентации социального действия (максимизация утилитарного и функционального характера потребляемых товаров, демонстрация окружающим своего социального статус и т. д.) на внутреннюю — «человек запускает процессы, которые развиваются в нем самом» (Schulze 2005, 39). Речь идет не только о том, что продукты приобретают «психологический довесок», о котором писал Тоффлер, но также и о росте экзистенциального запроса на самореализацию, новый эстетический и эмоциональный опыт: «жизнь как таковая становится эмоциональным проектом» (Schulze 2005, 13), и ее нужно прожить максимально насыщенным образом. Побочным следствием этой трансформации является повышение внимания к собственному психологическому состоянию, что выражается в росте спроса на терапию, а также на популярную литературу в жанре «помоги себе сам». Одно из последствий внутренней ориентации — это эстетизация повседневной жизни, которая распространяется на все сферы: дизайн тапочек и предпочтения в еде оказываются эстетически не менее важны, чем выбор места захоронения.

В 2016 г. в интервью экспертно-аналитическому Институту Будущего (*Zukunftinstitut*) Шульце обратил внимание на то, что в современном обществе социальный престиж определяется нематериальными ценностями и ценностями внутреннего опыта: «[произошло смещение] от „иметь“ к „быть“, от „выживать“ к „переживать“» (Schulze 2016). Позиция Шульце прямо противоположна позиции левых интеллектуалов, согласно которой рост значения собственной эмоциональной жизни — это ложный тип сознания: современное общество ориентировано на производство и потребление «спектакля», в котором горожанин-консьюмер проживает «псевдожизнь» (Дебор 2000). Немецкий культурсоциолог предполагает, что современному субъекту свойственна эмоциональная ориентация на осознанное проживание счастливой жизни. В фильме «Чужие среди нас», напротив, показано, как жизнь в обществе позднего капитализма рассматривается другой интеллектуальной группой как неподлинная и отчужденная (реж. Джон Карпентер, 1988). По сюжету фильма, на который часто ссылается словенский философ и левый интеллектуал

Славой Жижек, герою достаются специальные очки, которые показывают, «как жизнь устроена на самом деле», т. е. демонстрируют, что СМИ и правительство конструируют социальную реальность так, чтобы население предавалось нерелексивному потреблению.

В обществе впечатлений разворачивается погоня за символической принадлежностью. Ключевой ставкой здесь является опыт, переживаемый человеком, а хорошим способом его получить оказывается, в частности, мобильность, способность путешествовать. Трудности возникают, когда субъект пытается описать пережитый опыт, сделать его ценным в глазах других людей, что указывает на его рациональность и желание попробовать отрефлексировать пережитое — такая установка противостоит податливому потребителю «общества спектакля». Реальный опыт может быть пережит только индивидуальным образом, однако его эффективной артикуляцией способны заниматься лишь эксперты особого рода: «Восклицания типа „Супер!“, „Мегавеликолепно!“ или „Это нельзя описать, это нужно испытать!“ пусты и лишены символического значения» (Schulze 2016). Эрlebnис-коммуникаторы (*Erlebnis-Kommunikatoren*)¹⁴ — это профессиональные критики, мастера артикуляции и оценки эмоциональной жизни: именно они переводят язык ощущений в понятные широкой публике нарративные конструкции. Один из ярких примеров того, зачем нужны эрlebnис-коммуникаторы, можно обнаружить в третьем сезоне сериала «Карточный домик» («House of cards», 2013–2018), где главный герой Фрэнк Андервуд нанимает талантливого писателя, чтобы тот написал книгу за президента, неспособного «зажечь сердца избирателей» собственным письмом.

Немецкий культурсоциолог **Андреас Реквиц** — один из наиболее известных социальных мыслителей современной Германии. Книги Реквица переведены на 15 языков, последние из них доступны на английском, китайском и русском языках, а сам он чрезвычайно активен в медийной среде, выступая в роли популяризатора современной культурсоциологической теории. Реквиц работает

¹⁴ Понятие, которое трудно перевести на русский язык, см.: от нем. *Erlebnis* — «переживание».

с широким спектром тем, включая трансформацию современной социальной теории, исторический генезис дискурса креативности, проблематику субъекта и субъективности. Основная и наиболее цитируемая его работа – «Общество сингулярностей», удостоившаяся в 2019 г. премии Готфрида Вильгельма Лейбница, самой престижной научной награды в Германии. Она посвящена описанию трансформаций общества позднего модерна, в котором складывается новая классовая структура и особую важность обретает уникальное и особенное («сингулярность»). Новая классовая структура становится результатом продолжающегося распада среднего класса. Одна его часть начинает занимать позицию нового высшего класса («креативный», «академический» класс), тогда как новый низший класс занят в низкоквалифицированной сфере услуг. В последней находит себе занятость прекариат, чей труд и социальные гарантии носят временный характер (Стэндинг 2014).

Для понимания того, к чему ведут процессы эмоционализации, зафиксируем ключевой тезис исследователя: «В обществе модерна конкурируют социальная логика общего и социальная логика особенного» (Реквиц 2022, 23). Логика общего связана с процессом развития цивилизации в направлении формальной рационализации, а логика сингулярности – с процессом культурализации. Процесс формальной рационализации связан с оптимизацией природных и трудовых ресурсов, а также типизации, стандартизации, формализации и генерализации. В рамках логики всеобщего любое поведение, отклоняющееся от нормы (нестандартная стрижка, одежда, нонконформизм и т. п.), воспринимается как нетипичное и подразумевает ответные санкции. Рациональная организация трудовых коллективов в логике общего подразумевает строгую иерархию, работу в соответствии с общепринятыми нормативами и стандартами. Пик становления индустриального (организованного) модерна, по оценкам Реквица, приходится на 1950–1970-е гг., идеальными примерами здесь выступают США и Советский Союз с их промышленными предприятиями стандартизированного массового производства. «Иконой» подобной модели производства до настоящего времени служил «Макдоналдс» (Ритцер 2011).

Логика сингулярного, которая развивается в обществе позднего модерна, имеет свои особенности. Сингулярности

не поддаются процессам макдональдизации, каждый объект, субъект, коллектив, событие или место носят уникальный характер (Реквиц 2022, 41). Всеобщее, впрочем, не исчезает из современного общества, но уходит на задний план, выступает лишь фоном и средством реализации логики социального действия, ориентированного на сингулярность.

Культурализация и сингуляризация — ключевые процессы, которые запускаются в обществе позднего модерна и имеют тенденцию к распространению на все сферы жизни академического класса (т.е. нового образованного высшего класса). Кратко опишем его особенности (Реквиц 2022, 225–226). Во-первых, это высокий уровень образования, который служит условием достижения определенных карьерных высот и достойного положения в обществе. Во-вторых, это культурализация образа жизни. Стремление к переживанию подлинного, к аутентичности качественно отличает логику сингулярного от логики всеобщего, для которой характерна опора на коллективно одобряемые представления, умение прожить «достойную жизнь» в соответствии с типизированными социальными стандартами. Культурализованный образ жизни «академического» класса ориентирован на самореализацию в различных сферах: нетипичном оформлении жилья; знании тонкостей в приготовлении пищи; умении самостоятельно организовать путешествие; освоении иностранных языков, не предназначенных для утилитарных целей; в целом его также отличает интерес к знакомству с культурами и практиками, отличными от среды, в который человек родился и вырос. В одной из своих последних работ «Лучший из всех миров: куда движется общество в XXI веке?» Шульце проводит весьма радикальную идею о том, что «западный образ жизни» приходит к точке, где доступ к новым технологиям уже не кажется чем-то особенным, а «игра в интенсификацию» человеческих возможностей, кажется, требует остановки. Шульце дает понять, что мы уже живем в «лучшем из всех возможных миров», и в современном мире понимание активного присутствия других сингуляризованных объектов, субъектов, коллективов и т.п. позволит этим людям занять наилучшие позиции на рынке новых профессий, в исследованиях и разработках, управлении бизнесом, в политике и т.д.

В-третьих, это образ жизни, в рамках которого ярко выраженными являются процесс валоризации, «то есть основополагающий процесс приписывания и лишения ценности, в ходе которого определяется, что считается уникальной культурной единицей, а что — нет, поскольку находится вне сингуляризации и культуры» (Реквиц 2022, 62–63), и обратный — процесс девалоризации. Признать нечто ценным означает счесть объект подлинным, т. е. противоположным чему-либо искусственному или стандартизированному. Экстремальный поход по Северной Африке в этой системе координат противопоставляется предсказуемому и стандартизированному отдыху на курорте в формате *all inclusive*: в первом случае путешествие связано с лишениями и испытаниями ради достижения внутренних целей в рамках жизненного проекта самореализации, во втором же мы имеем дело с «макдональдизированным», предсказуемым и не требующим усилий форматом удовлетворения собственных потребностей. Дин Макканелл, специалист по столь важной для современной культуры практике, как туризм, сообщает, что в обществе позднего модерна люди стремятся к «культивированию ситуаций» в поисках аутентичного опыта, чтобы «сойти с проторенной тропы и оказаться „среди местных“» (Макканелл 2016, 147).

Представленные выше модели «общества переживаний» и «общества сингулярностей» обладают мощным эмансипаторным потенциалом, так как обе указывают на самостоятельность в эстетическом выборе и демократизацию вкуса, основанные на широких возможностях выбора. Здесь уместны слова Евы Иллуз, демонстрирующие, что выбор распространился на всю сферу человеческих чувств и эмоций: «Выбор — один из наиболее сильных культурных и институциональных векторов, формирующих современную индивидуальность; выбор находится и в области права, и в области способностей» (Illouz 2007, 19).

Завершая этот обзор работ Шульце и Реквица, остановимся на специфике их методологической парадигмы. Тот и другой работают в русле «культурсоциологии», которая имеет длительную традицию, восходящую к понимающей социологии Макса Вебера и методологической модели социальных и гуманитарных наук Вильгельма Дильтея. В самом общем виде этот подход

предполагает, что исследователь работает со смысловыми структурами социального действия, которые находятся как в его собственном горизонте понимания, так и распознаются в качестве узнаваемых из горизонта понимания читателя этих исследований. Этим объясняется высокая убедительность их работ, а также их глубокое проникновение в самую социальную реальность. Ключевое понятие Герхарда Шульце «переживание» (*Erlebnis*) давно завоевало себе заметное место в рекламных объявлениях любых досуговых продуктов Германии: туристические фирмы предлагают «*Erlebnisreisen*», т. е. путешествия, дающие вам возможность получить незабываемые впечатления, а зоопарки теперь стали «*Erlebnis-Zoo*», т. е. местами, которые дарят нам незабываемые эмоции. В своих поздних работах культурсоциолог среди своих основных методов называет «прогностическое понимание» (*prognostisches Verstehen*). Приведем обширную цитату, которая раскрывает смысл этого подхода к размышлениям о будущем: «Существует два основных источника прогностического понимания. Первый состоит в узнаваемых в настоящее время паттернах, которые, как можно предположить, будут продолжать действовать. Второй источник — антропологическое самоосмысление: что может показаться исполненным смысла для людей, какими мы их знаем, в будущем? Потому что мы знаем, по крайней мере, одну вещь о нашем будущем: что нам все равно придется иметь дело с самими собой. Таким образом, появляется способ мышления о будущем, который противопоставляется прогностике, основанной на сконструированной определенности и поверхностной точности: самовопрошание [*Selbstbefragung*] человека; размышление о том, какие пути может выбрать здравый смысл (*common sense*) в изменившемся ландшафте. В этом случае ничего не остается, кроме как вступить на неопределенную территорию, или лучше: осмотреться на неопределенной территории, на которой человек все равно постоянно находится, нравится ему это или нет» (Schulze 2014, 193).

Американская исследовательница **Шошанна Зубофф** в работе «Эпоха надзорного капитализма» далека от аффирмативного подхода к включению эмоций в экономический оборот, который разделяют Шульце и Реквиц. Напротив, она рассматривает

растущую психологизацию с культуркритических позиций, опираясь на кейсы из практики работы технологических компаний. Несмотря на алармистский тон, Зубофф дает вполне правдоподобный прогноз развития «эмоционального капитализма» с опорой на все более активное использование бизнесом и государством колоссальных баз пользовательских данных. Так, например, многие современные стартапы (*Realeyes*, *SEWA*, *FACS* и др.) занимаются «аналитикой эмоций» и «аффективными вычислениями», определяя эмоции человека с помощью камер и ИИ. Сегодня рынок аффективных исследований оценивается в десятки миллиардов долларов и приносит внушительные прибыли при реализации маркетинговых кампаний и персонализированной рекламы. Рана эль Калиуби, соосновательница исследовательской лаборатории *Affectiva*, занимающаяся бизнесом в формирующейся сфере «эмоционального искусственного интеллекта», предлагает следующий сценарий развития аффективных исследований будущего: «Повсеместное „сканирование эмоций“ будет такой же само собой разумеющейся вещью, как файлы *cookie*, установленные на компьютере для отслеживания вашей активности в интернете. В конце концов такие *cookie* когда-то вызывали возмущение, а теперь без них в интернете и шагу не ступить. Например, *YouTube* будет сканировать эмоции своих зрителей, пока они смотрят видео». Прогноз Калиуби касается и корректировки эмоциональных состояний. В будущем возможно появление услуги по настройке аффективного профиля клиента и трекинга поведения на пути к хорошему настроению в виде «призовых баллов за счастье» (Зубофф 2022, 379–380). Антиутопические образы будущего, в которых будет возможна корректировка эмоционального и психологического состояния, показаны в сериале «Маньяк» (*Netflix* 2018), в котором двенадцать добровольцев соглашаются на эксперимент биофармацевтической компании, в рамках которого испытывается лекарство от различных ментальных расстройств.

Есть также целый ряд авторов, исследующих то, как, становясь продуктом производства и потребления, меняются интимные и эмоциональные отношения в эпоху «эмоционального капитализма». Наиболее известны в этой области работы американских

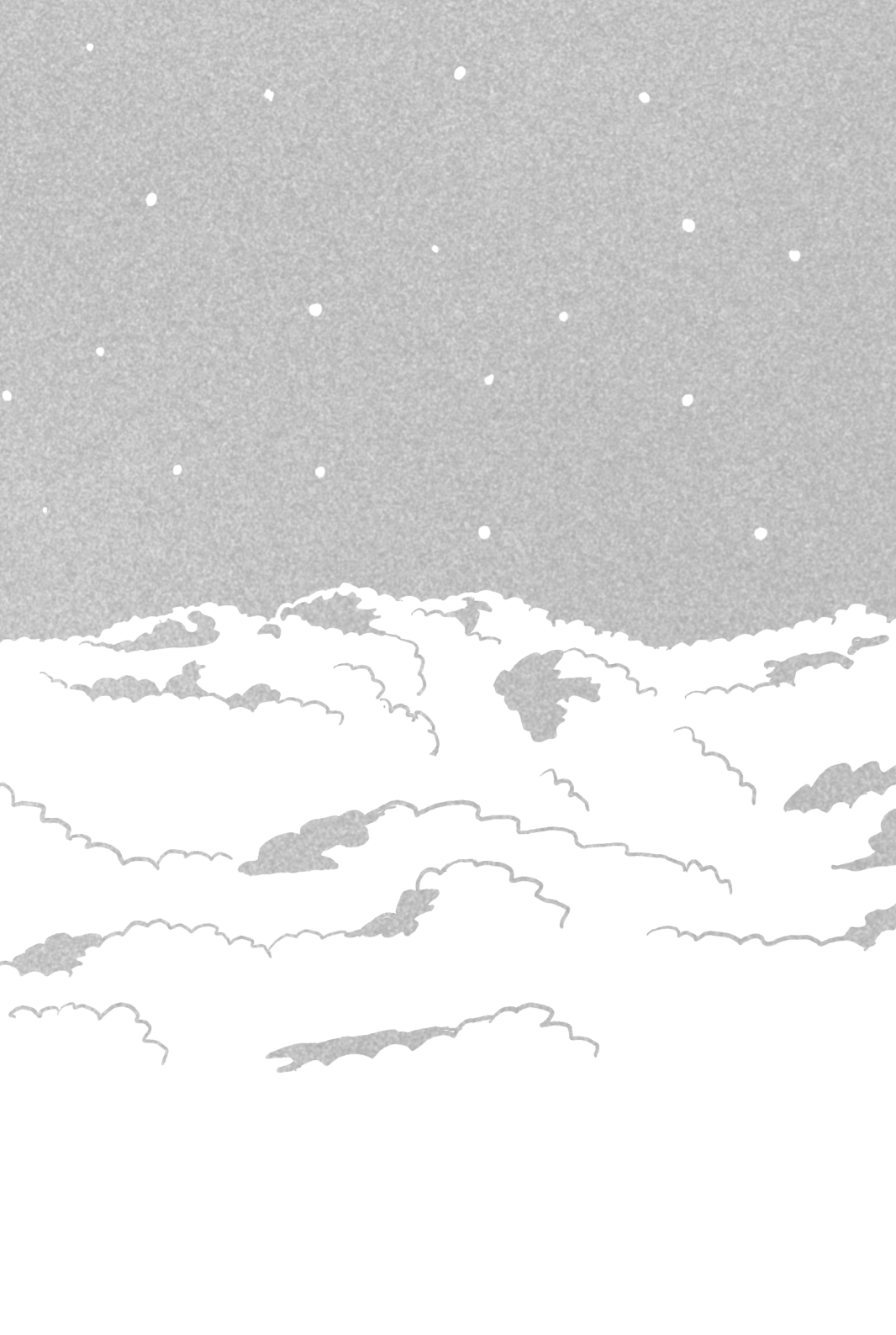
социологов эмоций **Арли Хохшильд** и **Евы Иллуз**. Рассмотрим кратко исследования каждой из них, поскольку, несмотря на культуркритический уклон, их анализ представляется важным и по-своему взвешенным.

Хохшильд одной из первых удалось зафиксировать тенденцию к включению эмоций в сферу услуг на примере труда работников авиакомпаний. В работе «Управляемое сердце: коммерциализация чувств» социолог подробно описывает, как язык тела и коммуникативные компетенции стюардесс становятся важнейшими составляющими эмоционального труда¹⁵: «У эмоциональной работы есть своя цена: она влияет на то, до какой степени мы прислушиваемся к чувствам, и иногда на нашу способность чувствовать. Управление чувствами – искусство, имеющее фундаментальное значение для цивилизованной жизни, и я предполагаю, что в более широкой перспективе фундаментальная выгода оправдывает цену» (Хохшильд 2019, 52).

Объяснение генезиса особого психотерапевтического языка, характерного для тенденций психологизации, мы находим у социолога **Евы Иллуз**, которая неоднократно была удостоена премий Американской социологической ассоциации, Института социальных исследований во Франкфурте и многих других престижных академических наград за исследования вовлечения эмоций в экономический оборот. В работе «Холодная близость: становление эмоционального капитализма» (Illouz 2007) Иллуз демонстрирует напряжение, характеризующее общество позднего модерна, которое возникает в силу неизбежного конфликта современного рынка, где господствует бюрократическая рациональность, и частной сферы, в которой основным фактором является «настоящая любовь», противостоящая тотальной рационализации. В США в XX в. сформировалась особая эмоциональная культура разговора о чувствах. Психотерапевтические практики, внедрившиеся на рабочих местах в 1920-е гг., были

¹⁵ Использование термина «эмоциональный труд», который продается за оплату и имеет меновую стоимость, необходимо для введения различия между понятиями «эмоциональная работа» и «управление эмоциями», которые в частной жизни обозначают те же самые действия и обладают потребительской стоимостью (Illouz 2007, 31–32).

инициированы с целью решения семейных проблем, которые бы могли повлиять на рабочие процессы. Позднее переформатировался и сам рабочий процесс: на смену маскулинному стилю управления в рабочую коммуникацию стали проникать «феминные» элементы (внимание к говорящему, контроль за эмоциями и т. п.). Оформились особые менеджерские практики. В 1960-е гг. происходит другое важное изменение — переориентация психологов на средний класс: «В рамках психологической модели коммуникации эмоции и переживания стали объектом осмысления, предметом для разговора между людьми на работе и в семье» (Illouz 2007, 37). Следует отметить, что разговор о собственных чувствах является частью эмансипаторного проекта современности, в рамках которого субъект получает право на высказывание о своем внутреннем мире. На актуальность данного проекта указывает не только высокий спрос на услуги психотерапевтов, но и литературные тренды. Одним из наиболее популярных жанров оказывается автофикшн (*autofiction*), в произведениях которого автобиографические элементы сплавлены с вымыслом. При этом валоризация «аутентичных переживаний», как указывают критики, может служить индульгенцией для низкого качества письма. Этот жанр начал распространяться и на нехудожественную литературу: через передачу своего личного опыта авторы стремятся говорить «просто о сложном», в том числе о научных исследованиях. Наконец, опыт саморефлексии, включая анализ своего эмоционального состояния, проникает также в научные дисциплины, становясь, например, элементом современных культурно-антропологических исследований в жанре автоэтнографии (Рогозин 2015).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Руслан Хестанов

В американской и европейской аналитике в ходе последнего десятилетия сформировалась новая исследовательская оптика в области международных отношений (далее — МО). Ранее система МО носила статичный характер, а основными ее элементами были суверенные государства — главные агенты силовых игр, экономических транзакций, культурных обменов и т.п. Статичный характер системы обуславливал актуальность методов наблюдения и прогноза. Теперь МО обретают черты открытой и динамичной системы, базовыми характеристиками которой являются глобальные процессы или формы мобильности (например, потоки мигрантов, финансов и инвестиций, товаров и услуг, циркуляция ценностей и продуктов культуры). В открытой и динамичной системе статичные суверенные государства являются скорее производными сверхбыстрых глобальных процессов. Ключевым вопросом становится роль системного регулятора, который осуществляет контроль над контуром системы. В американских исследованиях роль контролера приписывается США — сверхдержаве, распространившей постепенно свой суверенитет на всю систему МО. При такой оптике методы наблюдения и прогноза становятся вторичными, а на первый план выдвигается программирование сложных систем. Таким образом, созерцательный подход к будущему замещается подходом конструктивистским.

В одном из свежих докладов *Rand Corporation* утверждается, что в настоящий период США борются за контроль над системой МО, т.е. за сохранение преобладающего влияния на институты, правила, нормы, процессы, сети и ценности. Сохранение контрольных функций предполагает два требования. Во-первых, необходимо создать условия контроля (или особого порядка, ориентированного на интересы, цели и ценности контролера), «акторов или узлов, начиная от государств и заканчивая промышленностью, институтами и неправительственными организациями, а также отношений между ними, таких как соглашения, правила и формы

взаимного обмена». Во-вторых, следует думать и действовать системно — разрабатывая стратегии, которые по своей сути предназначены для формирования целостных, косвенных и сетевых эффектов в той же и даже в большей степени, нежели успехи в отдельных спорах с конкурентом. Иначе говоря, США должны отказаться от линейных стратегий, ориентированных на решение конкретных проблем и вопросов, в пользу работы над созданием более широких и непрямых эффектов (Mazarr, MacDonald 2022).

Создание и совершенствование международного порядка требует множества базовых действий, которые вносят вклад в более крупное целое, однако то, как отдельные действия складываются в системный эффект, бывает трудно понять. Прояснение целей актора является важной отправной точкой для осуществления системного влияния. Целями могут быть расширение национальной системы убеждений — например, поддержка европейских стран в борьбе с советским коммунизмом в рамках плана Маршалла или либеральный порядок после холодной войны, ставящий задачу распространения либеральных идей в экономике и обществе. Эти цели могут включать в себя материальные соображения, такие как доступ к ресурсам, стабильность системы (основная цель Европейского концерта) или общее процветание. Четкое понимание целей может помочь политикам проанализировать, где порядок нарушается, определить приоритетность действий и обеспечить ясность для других участников системы.

Значительная часть работы военных и политических лидеров заключается в реагировании на проблемы по мере их возникновения. Но реагирование только на проблемы отдает инициативу обстоятельствам. Внимание к фундаментальным причинам возникновения проблем позволяет лидерам целенаправленно бороться с ними. Аналитически определение проблемы можно постулировать как несоответствие между целями и фактическим поведением системы: причины такого поведения могут быть многомерными (McClure 2021).

Риск, которым чреват созерцательный, или линейный, подход к сложной системной проблеме, заключается в непонимании и неправильной диагностике поведения систем, что приводит к разработке неверных стратегий и неспособности переиграть

противников, мыслящих системно. Конструктивистский, или системно-ориентированный, подход к конкуренции предполагает различие в пространстве большего количества элементов и их взаимосвязей, а также активное вмешательство в реальные процессы с целью сформировать структуру системы.

Формирование системы будущего предполагает, во-первых, понимание МО как отношений многосторонних, в рамках которых взаимодействуют не только суверенные государства, но также транснациональные корпорации, неправительственные организации и проч.; во-вторых, системное лидерство и источник доминирования в лице Соединенных Штатов; в-третьих, усилия по созданию новых бюрократических органов с международной аффилиацией, а также расширению дипломатических возможностей США; в-четвертых, формализации обязательств перед организациями, призванными обеспечить согласованность и стратегическую направленность американского экономического и информационного государственного строительства.

Али Уайн также выступает за смену точки зрения (Wyne 2022), которая предотвратила бы утрату США стратегической инициативы. Соединенные Штаты должны выработать «позитивное видение», основанное на различных конкурентных преимуществах (включая географию, способность привлекать иммигрантов, сильную валюту и многочисленных союзников). Уайн доказывает, что Соединенным Штатам не следует поддаваться искушению просто реагировать на программы и действия других держав, а нужно вместо этого идти более сложным, системным путем, определяя независимый курс.

Авторы доклада **«Атлас власти»**, созданного для Европейского совета (ЕС) по международным отношениям в конце 2021 г. (Leonard 2021), показывают пример аналогичного системного видения МО, выделяя международные процессы, подлежащие системному контролю. Они исходят из того, что визионерская либеральная мечта о международном порядке, скрепленном экономической глобализацией, свободным интернетом, либеральной демократией и капитализмом свободного рынка, не состоялась. Теперь нужно формировать новую системную перспективу на международные отношения. Сегодня государства

используют свою взаимозависимость друг против друга. Но власть больше не определяется контролем над пространством суши или океанов. Власть утверждается через контроль над мобильными потоками — людей, товаров, денег и данных, — а также через связи, которые они образуют. Поскольку государства конкурируют за контроль над такими формами мобильности, постольку эти потоки разделяют пересекающиеся сферы влияния, формируя новую карту геополитической власти.

Авторы выделяют семь ключевых территорий власти, которые образуют в международном пространстве автономные поля, независимые от границ суверенных государств: экономика, технологии, климат, люди, вооруженные силы, здоровье и культура. Анализируя каждое поле в отдельности, можно заметить, что некоторые государства стремятся овладеть на этих пространствах тем, что они считают преимуществом, и каждая из этих территорий власти становится полем битвы. Мир пребывает в состоянии, которое в докладе определяется как «немирное» (*unpeace*). Это пороговое состояние, формирующее предпосылки новой мировой системы.

Определенное преимущество на отдельных картах атласа пока находится на стороне некоторых мировых держав, таких как США и ЕС. Они сохраняют его, несмотря на то, что отдельные территории испытывают возрастающее влияние Китая. В ситуации жесткого противостояния сил на первых шести полях наибольшим изменениям подвержено седьмое поле — поле культуры. Мир движется от универсализма и либерализации к культурному сопротивлению, тем самым снижая потенциал преимуществ устоявшихся держав в других областях. Очевидно, что речь в докладе в данном случае идет о кризисе легитимности власти западных держав.

В уходящей эпохе территориальный контроль был главным определяющим параметром власти. Поэтому исключительную роль играл фактор силы: наличие военных баз и советников на территориях других стран, а также членство в военных союзах. Сегодня же великие державы придерживаются совершенно иных концепций сфер влияния. Каждая великая держава стремится не только выйти за границы своей сферы влияния, но и пересмотреть факторы ее контроля. Так, Соединенные

Штаты пытаются создать сферу влияния, основанную на контроле над информационными технологиями, на центральном положении экономики США и военной мощи; Китай — на торговых и инвестиционных потоках, а также инфраструктурных проектах; Иран — на культурных и религиозных связях с шиитским населением Ближнего Востока.

Поскольку каждое государство продвигает собственную версию сферы влияния, оно рискует вмешаться в интересы других держав, возможно, даже не намереваясь этого делать. Когда две страны читают разные карты власти, они часто не имеют представления о том, как противоположная сторона понимает свою сферу влияния.

Идея европейского проекта, распространяющего универсальные ценности, вступает в противоречие с мировоззрением других держав. ЕС на словах может не поддерживать идею сфер влияния, однако противостоящие ему державы часто видят, что Европа играет в подобную игру так же, как и все остальные. По этой причине непонимание европейцами того, как их действия выглядят для других, приведет их к конфликтам с другими великими державами на Балканах, в других частях Восточной Европы, на Ближнем Востоке и в Азии. Поскольку все более разнообразные сферы влияния продолжают пересекаться по всему миру, подобного рода споры, вероятно, станут в будущем более распространенными и более запутанными. Дабы избежать такого варианта событий, авторы доклада «Атлас власти» призывают к системному видению и действию.

Грегори Тревертон, рассуждая на сайте *Center for International and Strategic Studies*, в сходной логике «полей», на которых разные страны пытаются достичь преимуществ, утверждает, что кибервойна вышла далеко за рамки российско-украинского спора и границ и теперь проявляет себя как идеологическая война мировых держав. В результате интернет стал полем, которому грозит фрагментация, и в будущем даже возможен вариант «сплинтернета», т. е. полного распада интернета на отдельные и независимые сети (Treverton 2022).

Парадоксальным образом в рамках системно-ориентированного подхода **Майкл Петтис** развивает мысль о том, что сам

Вашингтон должен положить конец монетарной мировой системе, основанной на долларе (Pettis 2022). Он утверждает, что глобальное господство доллара США завершается. Это связано с исчерпанием возможностей действующей монетарной системы. Страны с профицитом (например, Китай) получают выгоду от чистого поглощения иностранного спроса за счет растущей доли мирового производства и накопления иностранных активов. Однако рост этот происходит за счет снижения доли мирового производства, которую сохраняют страны с дефицитом, такие как Соединенные Штаты. Переводя часть своего внутреннего спроса за границу, США, если они хотят избежать роста внутренней безработицы, должны компенсировать данную потерю либо путем увеличения долга домохозяйств, либо за счет увеличения дефицита бюджета. Единственный способ для Соединенных Штатов и других англоязычных стран избавиться от дефицита торгового баланса — это приостановить глобальный поток капитала, который предотвратит экспорт дисбаланса сбережений. Иначе говоря, интересам США отвечает инициатива слома той системы, от которой они сами получали выгоды.

Целый ряд авторов усматривают в ослаблении суверенных государств и глобализации экономики, культуры, миграции людских потоков и иных форм циркуляций, не столько признаки новой системы МО, сколько процесс «рассеивания», или делегирования, полномочий негосударственным акторам, в силу чего политическая сфера государств начинает страдать от дефицита власти. Разговоры о «глубинном государстве» — не только конспирология, но еще и симптом отрыва реальной власти от политики и политических институтов. Децентрализация, или дисперсия, власти говорит о том, что она обретает все более неформальный и бесконтрольный характер (Dutkiewicz, Casier, Scholte 2020).

Если системно-конструктивный подход в большей степени характерен для представителей американской реалистической школы МО, то сторонники либерального течения мысли придерживаются ценностного подхода. Роберт Йохансен считает, что переход американского истеблишмента на язык ценностей и отход от реализма в МО имеет серьезные основания: система, сложившаяся после окончания холодной войны, более

нефункциональна, а принципы реальной политики перестали работать, поскольку были пригодны лишь для старой системы и оказались неэффективными при новой. Йохансен считает, что переход к новой системе возможен только при условии смены ценностных приоритетов. Ценностный переворот должен осуществиться благодаря признанию Вашингтоном снижения пользы войны, роста влияния негосударственных акторов, распространения транснациональных проблем, таких как изменение климата, рост бедности и запустения в мире. Чтобы это новое видение утвердилось, США необходимо признать, что главными субъектами ценностного переворота должны стать активисты и транснациональные общественные движения (Johansen 2022).

Другим сторонником либеральной школы является **Фрэнсис Фукуяма**. В своей новой книге (Fukuyama 2022b) он утверждает, что преимуществом либерализма перед конкурирующими идеологиями была его способность создавать политические условия, позволяющие сосуществовать целому ряду допустимых и признанных, но часто противоречащих друг другу ценностей: свободе, равенству, индивидуализму и коммунитаризму. Сегодня, по его мнению, либерализму брошен вызов как справа, так и слева, поскольку старые компромиссы по вопросам классов и культуры разрушились. Прогрессисты осуждают либерализм за его несправедливую неолиберальную политику, которая привела к разрушительным финансовым кризисам и росту неравенства. Консерваторы указывают на повышение значимости личной автономии и политику идентичности как на угрозу традиционным религиозным и культурным верованиям. По мнению Фукуямы, такого рода полярные версии критики приведут не к реформам и компромиссам, а к глубокому расколу в постлиберальном будущем. Правые силы толкают страны и идеологии в сторону авторитаризма, в то время как левые стремятся к перераспределению богатства и власти, а также к большему формальному признанию групповых, а не индивидуальных прав. Фукуяма полагает, что угрозы либерализму со стороны правых более существенны и носят экзистенциальный характер. Для выживания либерализма его сторонникам придется искать новые серьезные компромиссы, заново открывая и укрепляя

национальные традиции всеобщих гражданских прав и политического сообщества. Великим компромиссом будущего Фукуяма считает национальный либерализм.

Аргументы либеральной школы излагаются в статье **М. Барнетта**, отвергающего упрек либералам в том, что они, лишь прикрываясь ценностями, преследуют вполне утилитарные политические цели. Он полагает, что ценности были не совсем верными: международные порядки создаются и узакониваются как материальными, так и духовными силами, но, по его мнению, одной из причин упадка моральных основ международного порядка является ярко выраженный индивидуализм. Другими словами, источники упадка не являются экзогенными, оказываясь скорее частью самого либерального движения (Barnett 2021).

Ссылаясь на «теорию ожиданий в торговле» в своем нашумевшем докладе «Война и промышленная политика», **Золтан Пожар**, аналитик *Credit Suisse*, изображает будущее в границах традиционной оптики борьбы сверхдержав за сферы влияния (Poszar 2022). Согласно Пожару, сложившийся *status quo* основывался на доверии, а когда доверие испаряется, прекращается торговля. Поэтому довольно легко вообразить, какую конфигурацию примут глобальные цепочки поставок. Эти цепочки работают исправно в условиях мира, однако, когда наступает период войны или предвоенного ожидания, они сворачиваются. С точки зрения Пожара, нынешняя глобальная система, для которой была характерна низкая инфляция, испытывает фатальные трудности. Ее функционирование покоилось на следующих основаниях: во-первых, дешевое производство, обусловленное мощностями промышленности Китая и дешевизной труда мигрантов; во-вторых, дешевые российские энергетические ресурсы, подпитывающие промышленность Германии и Европы; в-третьих, практически неограниченная денежная эмиссия США, наполняющая мировую систему хозяйствования дешевыми деньгами, с одной стороны, и инвестициями в американские займы со стороны китайской «фабрики мира» и стран производителей энергоресурсов — с другой. Теперь доверие испарилось, и основания благосостояния западного мира под угрозой. Мы наблюдаем начало экономической войны, а также войны за контроль над технологиями, товарами,

логистическими цепочками, включающими в себя Тайваньский, Ормузский и Босфорский проливы.

БРИКС, который был неформальным альянсом прежней эпохи, стоит сегодня забыть — Золтан Пожар ожидает появления нового «ревизионистского альянса», отвечающего вызовам альтернативного будущего. По его мнению, американские санкции будут способствовать формированию на просторах Евразии «союза санкций» — ТРИКС, куда войдут Турция, Россия, Иран, Китай и Северная Корея. Этот новый альянс экономик станет центром притяжения для других стран — Индии, даже Южной Кореи. Сражения, которые ведут США сразу на нескольких фронтах — с Россией, Китаем, Ираном — могут способствовать ускорению деглобализации и формирования нового альянса и нового порядка.

Китайские исследователи с дипломами американских университетов демонстрируют способность к созданию нарративов, представляющих собой интересную альтернативу европоцентризму. На страницах «Китайского журнала международных отношений» Е. Дузган пишет, что ученые, принадлежащие традиции международной политической социологии (МПС), подвергли евроцентризм серьезной критике (Duzgun 2022), однако не смогли предложить никакой ясной альтернативы. Принципиальным ныне становится диалог между МПС и «политическим марксизмом», в рамках которого возможно выработать неевропоцентрическую альтернативу, сместив фокус с «капиталистической современности» на «радикальную современность». Радикальная современность, пишет Дузган, противостоит иерархическим колониальным онтологиям, подчеркивая универсальность эгалитарных социальных моделей, уходящих корнями в общее, некапиталистическое прошлое. Радикальная современность — это то наследие, которое можно обнаружить повсеместно. Оно передается интерактивно (социально) и постоянно возрождается во времени и пространстве, обеспечивая тем самым альтернативную базу теоретизирования и глобализации «международного» неевропоцентричным способом.

В заключение стоит отметить одну примечательную черту, характерную для исследований международных отношений.

Прогнозы на короткий и среднесрочный периоды отличаются теоретической проработанностью, богатым эмпирическим материалом и риторическим мастерством. Прямую противоположность им представляют исследования, нацеленные на долгосрочные прогнозы, для которых характерны акцент на ценностях, а не на анализе, скудные фактические материалы и инвестиции скорее в желаемое, чем в правдоподобное будущее. Серьезные авторы опасаются делать долгосрочные прогнозы в условиях «тумана войны», т. е. того состояния неясности происходящего, о котором писал фон Клаузевиц, заметивший, что этот туман не позволяет адекватным образом воспринимать происходящее ни солдату, ни офицеру, ни главнокомандующему.

ЭКОЛОГИЯ

Мария Фигура

Экологию как науку о взаимодействии организмов и их сообществ с окружающей средой следует отличать от специфического для российского контекста понимания «экологии» в смысле «состояния окружающей среды». Сегодня, говоря об «экологических» (*environmental*) проблемах, мы подразумеваем целый спектр явлений, связанных с негативной трансформацией окружающей среды в результате антропогенного воздействия: от истощения ресурсов и деградации экосистем (утраты биоразнообразия, загрязнения воздуха, почв, пресной воды) до изменения климата (аномальных температур, окисления океана) и т. д. Это смешение понятий неслучайно и связано не только с особенностями перевода, но и со специфической историей «науки об окружающей среде», которая в XX в. проходит свой путь от научной дисциплины к практике политического регулирования.

В данном разделе реконструируется краткая история формирования экологической проблематики как сферы политических интересов; рассмотрены основные позиции современных мировых интеллектуалов по теме изменения климата, а также отдельно описаны культуросоциологические подходы, которые не встраиваются в существующие классификации взглядов интеллектуалов. Представлен сравнительный анализ прогнозов ряда аналитических центров относительно динамики выбросов CO₂, политических, технологических и социальных преобразований в контексте климатического кризиса, а также сценарии развития продовольственных и других рисков (наводнений, критических температур), связанных с изменениями климата.

Экология: от науки к политике

Первые десятилетия после окончания Второй мировой войны характеризуются расцветом индустриальных обществ: восстановление экономик и интенсивный рост производства, снижение

безработицы до рекордных уровней в Европе, чрезвычайно высокие темпы прироста населения Земли и т. д.

Именно в этом контексте на исходе «славного тридцатилетия», как назвал его Жан Фурастье, наблюдается всплеск общественного внимания к вопросам охраны окружающей среды и будущего человечества, непосредственно зависящего от состояния ресурсов и климата. Так, 1968 г. знаменуется сразу несколькими событиями, которые можно назвать ключевыми в процессе инкорпорирования проблематики охраны окружающей среды в глобальную политику: выходом книги популяционного биолога Пола Эрлиха «Популяционная бомба» (1968)¹⁶, которая стала бестселлером в США, и созданием международного аналитического центра по исследованию глобальных проблем – Римского клуба.

Эрлих обращает внимание на неконтролируемый рост населения Земли и ограниченность ее ресурсов, призывая вводить на международном уровне меры по «демографическому контролю» (регулирование рождаемости, введение права на аборт, половое воспитание), иногда достаточно радикальные (сокращение программы продовольственной поддержки голодающих, принудительная стерилизация) (Robertson 2012). Проблема ограниченности ресурсов, вызванная ростом населения, согласно Эрлиху, обостряется из-за деградации экосистем в результате использования синтетических пестицидов, загрязнения воздуха, воды и изменения климата.

Эту же линию, которую ряд авторов характеризует как неомальтузианскую (см., например: Robertson 2012), продолжали резонансные доклады Римского клуба, в основании которых лежала концепция «нулевого роста», предполагающая замедление темпов экономического развития и переход к новому типу постиндустриальной экономики. На базе математических моделей в знаменитом докладе «Пределы роста» (1972) рассчитываются предельные физические мощности планеты при различных сценариях увеличения численности населения, загрязнения окружающей среды и т. д.

¹⁶ Автор предсказывал: «В 1970-х гг. мир будет страдать от голода – сотни миллионов людей умрут от голода, несмотря на любые экстренные программы, предпринимаемые сейчас» (Ehrlich 1968).

СТАНОВЛЕНИЕ «ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ» ПРОБЛЕМАТИКИ

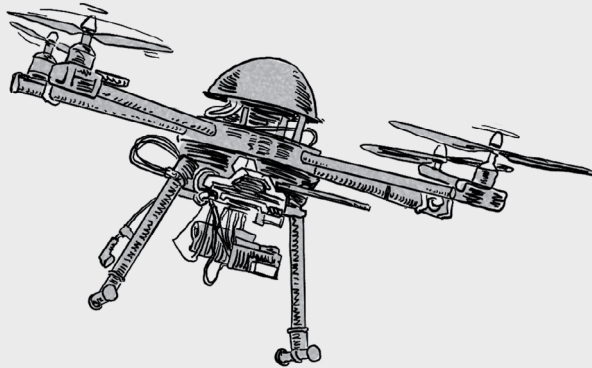
КЛИМАТИЧЕСКИЕ И ДРУГИЕ ПРИРОДНЫЕ КАТАСТРОФЫ СОПРОВОЖДАЮТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ ЕГО ИСТОРИИ, ОДНАКО ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ОТНОШЕНИИ ВОПРОСОВ СОХРАНЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ (ОТДЕЛЬНЫХ РАСТИТЕЛЬНЫХ И ЖИВОТНЫХ ВИДОВ ИЛИ ЦЕЛЫХ УЧАСТКОВ ЛАНДШАФТА) — ЯВЛЕНИЕ, ХАРАКТЕРНОЕ ЛИШЬ ДЛЯ ОБЩЕСТВ СОВРЕМЕННОГО ТИПА, ВОЗНИКАЮЩЕЕ КАК РЕАКЦИЯ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ.

ИНТЕНСИВНАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, ПРОВОДИВШАЯСЯ В ЕВРОПЕ В ТЕЧЕНИЕ XVIII—XIX ВВ. И ЗАТРОНУВШАЯ РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ К КОНЦУ XIX В., СУЩЕСТВЕННО ТРАНСФОРМИРОВАЛА ПРИРОДНУЮ СРЕДУ, ВЫЗВАВ ЭСТЕТИЧЕСКУЮ ДЕГРАДАЦИЮ ЛАНДШАФТА, ИСЧЕЗНОВЕНИЕ РАСТИТЕЛЬНЫХ И ЖИВОТНЫХ ВИДОВ И Т. Д. ПРОЯВЛЕНИЮ ВНИМАНИЯ К ЭТИМ ПРОЦЕССАМ СПОСОБСТВОВАЛИ ТАКЖЕ ВОЗРОСШАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ, ТУРИЗМ, РАЗВИВАЮЩИЙСЯ ПО МЕРЕ РОСТА СЕТИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ, ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЙ ПО КОТОРЫМ ГОРОЖАНИН ОТКРЫВАЛ ДЛЯ СЕБЯ НЕТРОНУТЫЕ УГОЛКИ СВОЕЙ СТРАНЫ (ROE 2020).

НА ПИКЕ ПРОЦЕССОВ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ, ЕВРОПЕЙСКОМ И РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. ФОРМИРУЮТСЯ ПЕРВЫЕ ПРИРОДООХРАННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ И СООБЩЕСТВА. ИХ СОЗДАТЕЛЯМИ ЧАЩЕ ВСЕГО ЯВЛЯЮТСЯ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫ К КРАСОТЕ ПРИРОДЫ — НАПРИМЕР, ПИСАТЕЛИ И ХУДОЖНИКИ (ДЖОН МЬЮР И ОБЩЕСТВО «*SIERRA CLUB*», УИЛЬЯМ РИЧМОНД И «ОБЩЕСТВО ПО БОРЬБЕ С УГОЛЬНЫМ СМОГОМ»), — А ТАКЖЕ УЧЕНЫЕ, КОТОРЫЕ НАБЛЮДАЮТ ТРАНСФОРМАЦИЮ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ НЕПОСРЕДСТВЕННО «В ПОЛЕ» — (ГЕО)БОТАНИКИ, ЛИМНОЛОГИ, ЗООЛОГИ (ГУГО КОНВЕНЦ, ВАСИЛИЙ ДОКУЧАЕВ, ГРИГОРИЙ КОЖЕВНИКОВ И Т. Д.). ПОСТЕПЕННО ПРОИСХОДИТ РАЗРАСТАНИЕ СЕТИ ПРИРОДООХРАННЫХ УЧАСТКОВ, ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕГУЛЯРНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ ЗА ПРИРОДОЙ (НАУЧНЫЕ СТАНЦИИ И ЗАПОВЕДНИКИ В СССР) И РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ДЛЯ ПРИРОДНОГО ТУРИЗМА (НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРКИ В США).

К ЭТОМУ ЖЕ ПЕРИОДУ ПРИНАДЛЕЖИТ СТАНОВЛЕНИЕ ЭКОЛОГИИ — НАУКИ, ИЗУЧАЮЩЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БИОЛОГИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ (БИОЦЕНОЗОВ) С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ. В РЯДЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН ФОРМИРУЕТСЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ УЧАСТКАХ ЛАНДШАФТА КАК О ЦЕЛОСТНЫХ ОРГАНИЗМАХ (РАСТИТЕЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА, ОЗЕРА, БОЛОТА). В 1935 ГОДУ АРТУР ТЕНСЛИ ВВОДИТ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ ПОНЯТИЕ «ЭКОСИСТЕМА», СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ РАЗВИВАЮТ НЕМЕЦКИЙ ТЕРМИН «БИОЦЕНОЗ», ПРЕОБРАЗУЯ ЕГО В «БИОГЕОЦЕНОЗ» (В. СУКАЧЕВ). С ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ В. ВЕРНАДСКИЙ ВВОДИТ ПОНЯТИЕ «БИОСФЕРА».

ПЕРИОД С КОНЦА 1920-Х ПО 1940-Е ГГ. ХАРАКТЕРИЗУЕТСЯ В СССР ВЗАИМОДОПОЛНЯЮЩИМИ ПРОЦЕССАМИ: С ОДНОЙ СТОРОНЫ, МЫ ИМЕЕМ ДЕЛО С ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЕЙ, НАПРАВЛЕННОЙ НА «БОРЬБУ С ПРИРОДОЙ» (М. ГОРЬКИЙ), С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, НАБЛЮДАЕТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ РОСТ КОЛИЧЕСТВА ЗАПОВЕДНИКОВ (BRAIN 2012), СОЗДАНЫХ КАК С ЦЕЛЬЮ «РЕКОНСТРУКЦИИ ФАУНЫ» — Т. Е. РАЗВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНО «ПОЛЕЗНЫХ» ВИДОВ ЖИВОТНЫХ, — ТАК И ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КОМПЛЕКСНОГО ТИПА.

Как реакция на широко обсуждаемые проблемы ограниченности экологической и ресурсной емкости планеты разрабатываются и более смелые альтернативные концепции, подобные той, что лежит в основании движения антироста (от фр. *la décroissance*, англ. *degrowth*) (как масштабное движение развивается с 2000-х гг.). «Антирост» (термин, введенный Андре Горцем в 1972 г.), в отличие от концепции «устойчивого развития», предполагает отказ от приверженности идее экономического роста и привычных способов его измерения вроде ВВП (Duverger 2020).

В целом с этого момента можно констатировать постепенное проникновение энвайронменталистского дискурса (особенно формулы «устойчивого развития») во все сферы жизни: в политические и экономические программы, социальную теорию и философию (экологическая философия, глубинная экология и т. д.), этику, искусство, исторические исследования и т. д. Масштаб его экспансии сравним разве что со значением формирующихся в это же время установок на культивирование форм индивидуального самовыражения (культурное разнообразие, креативность) и неолиберального императива транспарентности.

Эмоционализация общества (подробнее см.: раздел «Социальная теория» настоящего издания), трансформация ценностных установок (ориентация на заботу о людях и природе, согласно модели Ш. Шварца), экспансия туризма и медиатизация экологических проблем способствуют массовизации движений за охрану окружающей среды. В 1970-е создаются первые международные природоохранные организации (например, Гринпис (1970)).

В естественных науках представления о целостном характере отдельных участков природы (биогеоценозы, экосистемы), испытав значительное влияние теории систем и кибернетики, распространяются на масштаб всей планеты: «Особенно значимым оказался парадигматический сдвиг в представлениях о климате: если раньше он был лишь элементом «окружающей среды», то теперь речь идет о концептуальном представлении Земли в качестве «системы», толчком чему послужили разработанная Лавлоком «гипотеза Геи» и последующее развитие наук о системе Земли» (Урри 2018). Одновременно реактуализируется учение о биосфере Земли В. Вернадского, создаются первые

биосферные заповедники в рамках международной программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера».

Параллельно развиваются исследования, которые устанавливают связь глобального потепления с выбросами CO₂, парниковых газов; однако, как указывает Дипеш Чакрабартти, «первые осознанные публичные дискуссии по проблеме глобального потепления датируются концом 1980-х — началом 1990-х гг., т. е. периодом, когда социологи и представители гуманитарных наук начали обсуждать глобализацию» (Чакрабартти 2015, 10), при этом «глобальное потепление, несмотря на немалое число книг, опубликованных в 1990-е гг., стало общественной проблемой не ранее 2000-х» (Чакрабартти 2015, 11).

Прогнозирование в сфере экологии

По наблюдению социолога Джона Урри, «при обсуждении проблемы изменения климата будущее находится в самом центре внимания» (Урри 2018, 237). С момента выхода экологической проблематики на глобальный уровень постепенно складывается сеть международных центров для исследования и прогнозирования изменений климата и его последствий, а также консалтинговых организаций и исследовательских инициатив, среди которых можно выделить Программу ООН по окружающей среде (с 1972 г.), Международное энергетическое агентство (с 1974 г.), Межправительственную группу экспертов по изменению климата (МГЭИК, IPCC, с 1988 г.) и т. д. Отдельные прогнозы также предоставляют Всемирный банк, национальные организации, относящиеся к совершенно различным ведомствам (например, Пентагон), а также независимые аналитические центры. Сегодня эта исследовательская инфраструктура продолжает расти: в конце 2021 г. в Китае было объявлено о строительстве обширной научной инфраструктуры для поддержки достижения климатических целей (Mallapaty 2021), а в сентябре 2022 г. Климатический центр Росгидромета объявил о создании шести научно-образовательных центров с целью исследования изменений климата (Научные центры 2022).

Специфика прогнозирования в сфере экологии, климатологии и исследований окружающей среды состоит в том, что предположения и утверждения о трансформациях климата основаны, с одной стороны, на массиве длинных рядов данных, которые собираются в течение длительного времени и по которым отслеживаются макротренды, с другой — на исторических данных, получаемых различными смежными дисциплинами (палеогеология, исследование ледников); такого рода проекты напрямую зависят от возможностей компьютерного моделирования.

Несмотря на развитую сеть наблюдательных станций, современные технологические возможности до сих пор не позволяют предвидеть природные процессы, которые несут за собой катастрофические последствия, такие как извержение вулканов, сдвиг тектонических плит, землетрясения (можно установить только место, но не время), цунами и т. д.

В последние годы для построения отдельных прогнозов внедряются технологии искусственного интеллекта, например, компания *Google* использует машинное обучение для прогнозирования наводнений в Индии и Бангладеш. Ряд экспертов ожидают усиление значения ИИ в сфере обработки обширного объема данных о состоянии климата с целью нахождения неочевидных взаимосвязей, которые могут стать основой для прогнозирования изменений (Kerry, Meltzer, Renda 2022, 8).

Наконец, как ярко показывают доклады МГЭИК, прогнозирование в сфере изменения климата в значительной степени зависит от формы и масштабов реализации климатических политик по сокращению потребления ископаемого топлива, выбросов CO₂ и т. д.

Ключевые позиции интеллектуалов в вопросах изменения климата

К 1990-м гг. можно констатировать кристаллизацию основных воззрений на климатическую повестку и соответствующие этим точкам зрения образы будущего. С целью дальнейшего атрибутирования позиций современных публичных интеллектуалов здесь

рассмотрены подходы к классификации данного спектра взглядов, разработанные тремя авторами: профессором коммуникаций и государственной политики Северовосточного университета (США) Мэттью Нисбетом, британским социологом Джоном Урри и профессором гуманитарной географии Кембриджского университета Майклом Хульмом.

Классификация Мэттью Нисбета

В своем обзоре позиций публичных интеллектуалов по вопросам глобального изменения климата Мэттью Нисбет выделил три крупных кластера (Nisbet 2014):

1. «Экологические активисты» — позиция экологических активистов наследует взглядам Пола Эрлиха и участников Римского клуба, для которых, по мнению Нисбета¹⁷, характерна драматизация последствий изменений климата для человечества. Любые проявления экстремальных температур и природные катастрофы рассматриваются как следствие климатического кризиса, а он, в свою очередь, — как результат увеличения численности населения и растущего консьюмеризма, процессов индустриализации и распространения капитализма. Вследствие этого хрупкая природа теряет свой образ райского места, где можно скрыться от цивилизации (какой она представляла в работах писателей-романтиков). Для того чтобы изменить существующее положение вещей, необходимо сбалансировать человеческое «благополучие» с физическими возможностями планеты, существенно снизив темпы экономического роста и минимизировав потребление. Эта группа интеллектуалов скептически относится к технологиям, которые призваны помочь справиться с изменениями климата. При этом экологические активисты поддерживают традиционные меры регулирования (налог на углерод и др.), хотя и считают их недостаточными. Для изменения текущего положения необходимо фундаментальное преобразование

¹⁷ Сам Нисбет разделяет взгляды экомодернистов.

- мировоззрения людей, деглобализация и отказ от идеи экономического роста (Nisbet 2014, 813–815);
2. Адепты реформ «умного роста» поддерживают экологических активистов в вопросе необходимости сдерживания экономического роста и стабилизации количества выбросов парниковых газов. Этого можно добиться реализацией соответствующих программ, в основании которых лежат рыночные механизмы регулирования выбросов диоксида углерода, а также внедрением низкоуглеродных технологий. Борьба с изменением климата может быть экономически выгодной и способна сочетаться с «устойчивым развитием». Отношение к новым технологиям, особенно к ядерной энергетике, технологиям улавливания и хранения двуоксида углерода и т. д. в этой группе неоднозначно: часть видит в них опасность (Альберт Гор), часть констатирует необходимость их развития в условиях роста спроса на энергию (Томас Фридман, Джеффри Сакс). Для этой группы интеллектуалов в большинстве своем характерен технократический подход к социальным изменениям;
 3. «Экомодернисты» критически относятся к двум другим группам и энвайронментализму в целом. Интерпретация всех экологических проблем в качестве связанных с изменением климата и предвещающих грядущую катастрофу не учитывает разнообразие мнений ученых и может вызывать, по их мнению, общественный фатализм и скептицизм (М. Хульм). В свою очередь, политика, сосредотачивающая свое внимание на стабилизации выбросов, не учитывает сопутствующие социальные условия, такие как неравенство, бедность, жизнь в прибрежных районах. С глобальными вызовами, по мнению этой группы, помогут справиться новые технологии, а также увеличение доступности чистых и надежных источников энергии. «Вместо “политики ограничений, которая стремится сдерживать человеческие амбиции”, экомодернисты выступают за изменение системы координат, связывая действия по изменению климата с разработкой новых источников

энергии, а также технологий и стратегий социальной устойчивости» (Nisbet 2014, 817). При работе с такой комплексной задачей, как изменение климата, не может быть единого решения вроде углеродного налога. Манифест экомодернизма (2015) призывал людей «использовать свои растущие социальные, экономические и технологические возможности для улучшения жизни людей, стабилизации климата и защиты природы».

Обобщая, можно сказать, что ключевыми критериями, на основании которых Нисбет делает различие между взглядами интеллектуалов, является их отношение к цивилизации и прогрессу, а также способности решить проблемы глобального изменения климата путем реализации экономических и технологических мер. Классификация Нисбета учитывает взгляды интеллектуалов из США, Канады, Австралии и Англии, игнорируя позиции, существующие за пределами англоязычного мира. Нисбет также не выделяет в отдельную группу интеллектуалов-скептиков.

Приведем сводную таблицу взглядов трех выделяемых Нисбетом групп англоязычных интеллектуалов на проблемы изменения климата, а также на основные пути решения климатических проблем (таблица 1).

Таблица 1. Сводная таблица взглядов англоязычных интеллектуалов на проблемы изменения климата (Nisbet, 2014)

Группа	Описание проблемы	Взгляд на природу
<p>«ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АКТИВИСТЫ» Примеры: Билл Маккибен; Дэвид Сузуки; Клайв Хамилтон; Джордж Монбио; Наоми Кляйн; Пол Кингснорт</p>	<p>Капитализм и консьюмеризм превысили экологическую емкость среды нашей планеты, что вызывает риск катастрофы или неизбежного краха.</p>	<p>Священная, хрупкая природа обеспечивает человеку спасение. Она должна быть защищена от влияния человека.</p>
<p>«РЕФОРМАТОРЫ УМНОГО РОСТА» Примеры: Томас Фридман; Альберт Гор; Николас Стерн; Джеффри Сакс; Эмори Ловинс</p>	<p>Изменение климата — абсолютный провал рынка, который можно исправить, установив налоги на углеродные выбросы. Прогресс в реализации такой политики блокируется теми, кто «отрицает» изменения климата.</p>	<p>У природы есть пределы, но «опасного вмешательства» можно избежать с помощью разумной политики, «стабилизации выбросов», обеспечения «устойчивого роста».</p>
<p>«ЭКОМОДЕРНИСТЫ» Примеры: Стюарт Брэнд; Майл Хульм; Роджер Пилке-младший; Стив Рэйнер; Тед Нордхаус; Майкл Шелленбергер; Эндрю Ревкин</p>	<p>Изменение климата ошибочно диагностируется как экологическая проблема и провал рынка. Ее следует переформулировать как проблему энергетических инноваций и вызова социальной устойчивости.</p>	<p>Природа более устойчива, чем полагают те, кто настаивает на ее хрупкости. Инновационные высокоэнергетические технологии могут способствовать человеческому прогрессу, сохраняя при этом природу и управляя ею.</p>

**Взгляд
на технологии**

**Предложения
в сфере политики**

**Модель социальных
изменений**

Поддерживают малые возобновляемые источники энергии. Предупреждают, что ядерная энергия и генная инженерия слишком рискованны, к тому же то и другое способствует росту потребления.

Призыв к строгому регулированию промышленности, нормированию использования энергии, локализации экономики, продовольственных систем, управления.

Новая сознательность, распространяющаяся через низовую организацию, социальный протест. Критическое внимание, в том числе в сфере современного искусства, к «экоциду», мифу о прогрессе.

Экономическое регулирование будет способствовать внедрению возобновляемых источников энергии и энергоэффективности. Правительство должно стимулировать ядерную энергетику и сокращение углеродных выбросов.

Призыв к обязательному международному соглашению, установлению налогов на выбросы углерода странами, а также к государственным инвестициям в инновации.

Рыночные механизмы стимулируют изменения. В последнее время расширяется спектр позиций, призывающих к низовому давлению и новой «осознанности».

Возобновляемые источники энергии не способны удовлетворить потребности в энергии. Правительствам необходимо поддерживать использование природного газа, атомной энергетики, технологий сокращения углеродных выбросов и другие инновации.

Политикам необходимо разнообразие мер и технологий. Экомодернисты выступают за создание портфеля решений для разных стейкхолдеров, за увеличение государственных инвестиций в энергетические технологии и стратегии обеспечения устойчивости.

Развитие технологий, которые снижают стоимость действий по предотвращению последствий климатических изменений. Публичные форумы для обсуждения спектра возможных решений создают условия для сотрудничества, инноваций.

Классификация Джона Урри

Социолог Джон Урри (который выступал за реализацию стратегии «антироста») предложил собственную модель классификации дискурсов в научных направлениях, занятых вопросом изменения климата, и соответствующих им картин будущего: градуализм, скептицизм и катастрофизм. Основанием для классификации, в отличие от Нисбета, в его случае является скорее доверие научному знанию об изменении климата и осознание необходимости политических трансформаций:

1. Градуализм. Это дискурс «устойчивого развития», проводником которого выступают ученые из МГЭИК (IPCC): изменения климата происходят из-за деятельности человека, однако с помощью определенных стимулов можно «побудить индивидов и общества к тому, чтобы в будущем они изменили свои нормы и образ жизни» (Урри 2018, 245). Ставка делается на новые низкоуглеродные технологии;
2. Скептицизм. Скептики исходят из того, что данные прогнозов об изменении климата обладают высокой степенью неопределенности, климат, в свою очередь, меняется всегда, а влияние человека на него не так велико. Климатический дискурс рассматривается как ангажированный (выгодный исследователям, политикам и СМИ), либо приводятся доводы о пользе изменений климата. К этой же группе Урри относит неолибералов, видящих в развитии государственной климатической политики угрозу рыночной экономике;
3. Катастрофизм. Изменения климата происходят по вине человека, существующие прогнозы слишком ограничены и не учитывают возможных опасностей. Необходимо «полноценное переустройство систем» и «масштабные структурные изменения», так как решить проблему адаптивными мерами и внедрением устойчивых практик, на которые надеются градуалисты, не удастся.

Как видно из приведенного описания, группы дискурсов, выделенные Урри, коррелируют с классификацией позиций интеллектуалов, предложенной Нисбетом. Так, катастрофисты более всего сближаются с экологическими активистами, а градуалисты — с последователями реформ «умного роста». Что касается категорий «скептицизм» и «экомодернизм», то они соответствуют друг другу лишь в той степени, в которой скептики связывают будущее с технологиями, а экомодернисты доверяют научным прогнозам.

По мнению Урри, с 2000-х гг. позиция скептиков набирает все больший общественный вес, однако проведенный нами анализ высказываний интеллектуалов показывает, что среди них редко можно встретить людей, отрицающих научные данные об изменении климата. Скептицизм среди интеллектуалов чаще проявляется в форме критики радикальных энвайронменталистских позиций (Ж. Рансьер, Г. Люббе, Х. Гумбрехт, П. Брюкнер и др.). Это, впрочем, характерно и для экспертной среды: «Изучив аннотации 928 статей по глобальному потеплению, опубликованных в 1993–2003 гг. в специализированных научных журналах с экспертной оценкой, Орескес обнаружила, что ни в одной из них не было попытки опровергнуть „консенсус“ ученых „касательно реальности изменения климата, вызванного человечеством“. Они расходятся в оценке масштабов и направленности изменения» (Чакрабартти 2020, 14–15).

Одновременно радикальный скептицизм, который описывает Урри, скорее маргинализируется в публичной среде. Так, в 2019 г. издание *The Guardian* написало о шести трансформациях в дискурсе об изменении климата (которое теперь определяется как «климатический кризис») (Zeldin-O'Neill 2019). Одним из пунктов стало употребление словосочетаний «отрицатель науки о климате» или «отрицатель климата» вместо устоявшегося выражения «климатический скептик». Авторы аргументировали это тем, что скептик, по определению Оксфордского словаря, — это человек, «ищущий истину; исследователь, который еще не пришел к определенным выводам», в то время как «климатические скептики» отрицают все научные данные, свидетельствующие о том, что изменение климата вызвано действиями человека.

Джон Урри также описывает четыре возможных сценария климатического будущего:

1. Сохранение текущего положения дел. Приоритетом политик национальных государств и международного сотрудничества остается экономический рост, что отодвигает задачи климатической политики на второй план. Такой сценарий, по мнению Урри, неизбежно ведет к климатической катастрофе;
2. Сценарий «антироста». Акцент на снижение спроса на энергоресурсы, а не на поиск новых источников энергии, формирование «низкоуглеродного гражданского общества» (Урри 2018, 271). Концепция антироста предполагает подсчет «скрытых форм» богатства вместо ВВП (например, Валовое национальное счастье), учет уровня индивидуального качества жизни, а не доходов и т. д. Интересен социальный аспект программы антироста: помимо сокращения объемов и разнообразия практик потребления фактически ее сторонниками предлагается редуцировать такие важные характеристики современного креативного класса, как, например, мобильность, заменив участие в глобальном рынке на культивирование локальной значимости. Подобный подход предлагает «локализацию» социальных практик: размещение семей и друзей в пространственной близости друг от друга. «Социальный статус вновь приобрел бы локальный характер и зависел бы от вклада жителя в деятельность своего сообщества и своего города. В новых представлениях об „успехе“ важны будут достижения в „жизни на местном уровне“» (Урри 2018, 276). Такого рода социальная инженерия, в основании которой лежит идея об ограничении использования энергоресурсов, требует также переустройства городов и городской экономики: из централизованных пространств они должны превратиться в своеобразный распределенный экономический хаб. «Многие товары и услуги будут производиться и потребляться по соседству. Произойдет сокращение расстояний, на которые осуществляется перемещение людей, объектов, товаров и денег» (Урри 2018, 276);
3. Экологическая модернизация. Развитие возобновляемых источников энергии, новых транспортных средств и принципов утилизации. Необходим монументальный технологиче-

ский прорыв, чтобы вытеснить углеродный капитализм (Урри 2018, 282);

4. Программа геоинженерии, которая реализуется правительствами, корпорациями и другими влиятельными группами после ряда глобальных катастроф. В качестве возможного сценария Урри указывает на совместное международное управление солнечной радиацией. В этом сценарии основные риски связаны с отказом от демократического управления, обострением вопросов неравенства и справедливости и возникновением новых геополитических конфликтов (Урри 2018, 83).

Сценарии Майка Хульма

Свою классификацию нарративов о будущем в связи с изменением климата предлагает также немецкий географ Майк Хульм (Hulme 2020) (экомодернист). Среди них он выделяет следующие категории:

1. Экомодернистский, основные принципы которого рассмотрены выше;
2. Построение экологической цивилизации. Приверженцы этого подхода считают, что для предотвращения климатической катастрофы необходимо создать совершенно новую цивилизацию, в основание которой будут заложены экологические принципы. Здесь Хульм выделяет две возможные версии — технологическую и романтическую. Первая характерна для Китая и была закреплена в 2012 г. в стратегических документах Коммунистической партии Китая. Идеолог этой концепции китайский политик Юэ Пан определил в 2006 г. ее следующим образом: «Экологическая цивилизация — это сумма материальных и духовных достижений человечества, следующего принципу гармоничного развития человека, природы и общества; это культурно-этическая морфология с фундаментальными целями гармоничного сосуществования, добродетельного взаимодействия, всестороннего развития и устойчивого

процветания между человеком и природой, человеком и человеком, человеком и обществом» (цит. по: Huang, Westman 2021). Китай также претендует на то, чтобы стать крупнейшим экспортером зеленой энергии и зеленых технологий. Так, Национальный климатический центр Китая призывает «к 2050 г. производить 95 трлн киловатт-часов возобновляемой энергии в год», что в 6 раз превышает ожидаемый спрос на нее в 2050 г. (Gardels 2022). Вторая версия — романтическая — характерна для глубоких экологов и движений, подобных Dark Mountain Project, которые стремятся разрушить принципы западной цивилизации (The Manifesto 2009);

3. Радикальная экосоциалистическая критика капитализма. Реакция на изменение климата предполагает отказ от капиталистической системы и существующего общественного строя. В наибольшей степени данный подход соответствует взглядам «экологических активистов» Нисбета;
4. Духовное обновление общества. Этот нарратив приобрел популярность после публикации в 2015 г. папой Римским Франциском энциклики «*Laudato si'*: О заботе о нашем общем доме»¹⁸. Деграция природной среды рассматривается здесь как результат духовного обнищания человека. Среди разнообразных мер по преобразованию мира, включая развитие международного сотрудничества, изменение стиля жизни и распространение экологического воспитания, понтифик предлагает верующим испытать «экологическое обращение» с целью осуществить свое призвание хранителя Земли как Божьего творения: «Если внешние пустыни множатся в мире, потому что пустыни внутренние стали поистине безбрежными (Латур 2006), то экологический кризис является призывом к глубокому внутреннему обращению» (Энциклика 2015).

¹⁸ У Стивена Пинкера, однако, противоположные данные: энциклика «снизила беспокойство изменением климата среди тех консервативных католиков, которые знают о ее существовании» (Пинкер 2021, 178).

Методология выборки и распределение интеллектуалов

Описанные классификации были использованы при рассмотрении взглядов современных публичных интеллектуалов. В качестве основных критериев выборки выступали следующие: принадлежность к центрам производства знания, транслирование своих позиций по общественно значимым вопросам на широкую аудиторию (выходящую за пределы экспертного сообщества), упоминаемость в рейтингах интеллектуалов.

Политизация и морализация экологии, экологизация социальных и гуманитарных наук, а также массовизация протестного движения в защиту окружающей среды привели к существенному расширению поля субъектов, чье мнение имеет общественный вес в вопросах охраны природы, изменения климата и т. д. В этой сфере наблюдается появление своеобразных селебрити, имеющих косвенное отношение к экспертному знанию в области экологии, климатологии, океанографии и т. д. Например, после выступлений 2019 г. Грета Тунберг, несомненно, является одной из наиболее заметных и цитируемых фигур, высказывающихся по вопросам «зеленой» повестки, однако не включена в приведенную ниже выборку (хотя она очевидным образом относится к группе экологических активистов и катастрофистов).

Всего в выборку попали 50 интеллектуалов, абсолютное большинство (43) из которых находится в сильной позиции, согласно метрике Ричарда Познера. Географическое распределение однозначно смещено в сторону Западной Европы (Великобритания — 10 человек, Германия — 7 человек, Франция — 6 человек) и США (13 человек), что может быть связано как с особенностями выборки (поиск осуществлялся среди источников на английском, немецком и французском языках), спецификой климатической повестки, инициируемой преимущественно представителями развитых стран, так и структурой публичной сферы в неевропейских странах (см., например, о понятии публичного интеллектуала в турецком контексте раздел «Турция»). В выборку намеренно не включались российские публичные интеллектуалы. Гендерное распределение также смещено: 42 мужчины, 8 женщин.

Таблица 2. Позиции интеллектуалов

№	Имя	Страна	Позиция по Познеру
1	Ноам Хомски (лингвист, философ)	США	Сильная
2	Юрген Хабермас (философ)	Германия	Сильная
3	Ричард Докинз (этолог)	Великобритания	Сильная
4	Бруно Латур (1947–2022, социолог)	Франция	Сильная
5	Дипеш Чакрабарти (историк)	Индия	Сильная
6	Стивен Пинкер (экспериментальная психология, когнитивные науки)	Канада, США	Сильная
7	Тимоти Мортон (философ)	Великобритания	Сильная
8	Уильям Макаскилл (философ)	Шотландия	Сильная
9	Дэвид Абрам (философ, культуральный эколог)	США	Сильная

Классификация по Нисбету	Классификация по Урри	Уникальная концепция
Экологический активист	Катастрофизм	—
—	—	—
Экологический активист	—	—
—	—	Гипотеза Геи
Умный рост	Градуализм	—
Экомодернист	Скептицизм	—
—	—	Темная экология; гиперобъекты
Экологический активист	Градуализм	—
—	—	Экопсихология, экофеноменология

Таблица 2 (продолжение). Позиции интеллектуалов

№	Имя	Страна	Позиция по Познеру
10	Майкл Шелленбергер (писатель, специалист по связям с общественностью, эколог)	США	Сильная
11	Эдгар Морен (философ, социолог)	Франция	Сильная
12	Доминик Бург (философ)	Франция	Сильная
13	Славой Жижек (философ)	Словения	Сильная
14	Юваль Ной Харари (историк-медиевист)	Израиль	Сильная
15	Майк Дэвис (1946–2022, урбанист)	США	Сильная
16	Джеймс Лавлок (1919–2022, климатолог)	Великобритания	Сильная
17	Джаред Даймонд (эволюционный биолог, биогеограф)	США	Сильная
18	Ян Заласевич (палеогеолог)	Великобритания	Слабая

Классификация по Нисбету	Классификация по Урри	Уникальная концепция
Экомодернист	Скептицизм	Манифест экомодернизма
Экологический активист	Катастрофизм	—
Экологический активист	Катастрофизм	—
Экологический активист	Катастрофизм	—
Умный рост	Катастрофизм	—
Экологический активист	Катастрофизм	—
Экологический активист	Катастрофизм	Гипотеза Геи, новацен
Экологический активист	Катастрофизм	—
Экологический активист	—	—

Таблица 2 (продолжение). Позиции интеллектуалов

№	Имя	Страна	Позиция по Познеру
19	Андреас Мальм (экология человека, писатель)	Швеция	Сильная
20	Саймон Блэкберн (философ)	Великобритания	Сильная
21	Герман Люббе (философ)	Германия	Сильная
22	Бьорн Ломборг	Дания	Сильная
23	Сунита Нараин (эколог)	Индия	Сильная
24	Ханс Ульрих Гумбрехт (философ)	Германия	Сильная
25	Жак Рансьер (философ)	Франция	Сильная
26	Пауль Крутцен (1933–2021, химик)	Нидерланды	Сильная
27	Фрэнсис Фукуяма (философ, политолог)	США	Сильная
28	Джейн Гудолл (приматолог, антрополог)	Канада	Сильная

Классификация по Нисбету	Классификация по Урри	Уникальная концепция
Экологический активист	Катастрофизм	—
—	Скептицизм	—
—	—	Морализация экологического дискурса
—	Скептицизм	—
Экологический активист	Катастрофизм	—
—	Градуализм	—
—	Скептицизм	—
Экологический активист	Катастрофизм	—
Умный рост	Градуализм	—
Экологический активист	Катастрофизм	—

Таблица 2 (продолжение). Позиции интеллектуалов

№	Имя	Страна	Позиция по Познеру
29	Паскаль Брюкнер (писатель)	Франция	Слабая
30	Джейсон Мур (социолог)	Великобритания	Сильная
31	Наоми Орескес (историк науки, геолог)	США	Сильная
32	Джон Урри (социолог)	Великобритания	Сильная
33	Вацлав Клаус (политик)	Чехия	Слабая
34	Энтони Гидденс (социолог)	Великобритания	Сильная
35	Ульрих Бек (1944–2015, социолог)	Германия	Сильная
36	Юк Хуэй (философ)	Гонконг	Сильная
37	Петер Слотердаjk (философ)	Германия	Сильная
38	Бернард Стиглер (философ)	Франция	Сильная

Классификация по Нисбету	Классификация по Урри	Уникальная концепция
—	Скептицизм	—
Экологический активист	Катастрофизм	Капиталоцен
Умный рост	Градуализм	—
Экологический активист	Катастрофизм	—
—	Скептицизм	—
Умный рост	Градуализм	—
Умный рост	Градуализм	—
Экомодернист	—	—
—	Катастрофизм	—
Экологический активист	Катастрофизм	Энтропоцен, негантропоцен

Таблица 2 (окончание). Позиции интеллектуалов

№	Имя	Страна	Позиция по Познеру
39	Ханс Ульрих Обрист (историк искусства)	Швейцария	Слабая
40	Донна Харауэй	США	Слабая
41	Джудит Батлер	США	Слабая
42	Амитав Гош (писатель)	Индия	Слабая
43	Марта Нуссбаум (философ)	США	Сильная
44	Бьюн-Чул Хан (философ)	Южная Корея / Германия	Сильная
45	Сьюзан Блэкмор (эволюционный психолог)	Великобритания	Сильная
46	Питер Сингер	Австралия	Сильная
47	Наоми Вульф	США	Слабая
48	Маурицио Лазарато	Италия	Сильная
49	Стив Фуллер (философ)	США	Сильная
50	Алекс Каллиникос	Великобритания	Сильная

Классификация по Нисбету	Классификация по Урри	Уникальная концепция
Умный рост	Градуализм	—
Экологический активист	Катастрофизм	«Ктулхуцен»
—	Катастрофизм	—
Экологический активист	Катастрофизм	—
Умный рост	Градуализм	—
Экомодернист	Скептицизм	—
Умный рост	Градуализм	—
Умный рост	Градуализм	—
—	Скептицизм	—
Экологический активист	Катастрофизм	—
Экомодернист	Скептицизм	—
Экологический активист	Катастрофизм	—

Наиболее многочисленной оказалась группа экологических активистов и катастрофистов, наименее — группа экомодернистов и скептиков. Подобное атрибутирование, безусловно, является некоторым упрощением и не учитывает специфики позиций ряда интеллектуалов. Например, Стивен Пинкер занимает промежуточное положение между скептиками и экомодернистами: согласно его рассуждениям, мы не должны воспринимать как данность заявления о глобальном потеплении, но если они являются правдой, технологический прогресс справится с этими вызовами (Пинкер 2021). В редких случаях, когда установить полную принадлежность интеллектуала к той или иной группе невозможно из-за ограниченного количества материалов либо недостаточной определенности позиции, отнесение производилось по доступным параметрам. Например, резкая критика капитализма в отношении загрязнения климата или ярко выраженный катастрофизм (при отсутствии других характеристик) позволяли маркировать интеллектуала как принадлежащего скорее к группе экологических активистов.

Здесь не приводится распределение позиций по отношению к климатическим изменениям в рамках спектра политических взглядов, однако в современных англоязычных изданиях позиция экологического скептицизма или отрицания процессов глобального изменения климата нередко связывается именно с правыми политическими взглядами и правым популизмом, реже — с либертарианством.

Культурсоциологические аспекты климатической проблематики

Ниже представлены позиции интеллектуалов, освещающих неочевидные культурные и социологические проблемы, связанные с распространением климатической повестки, чьи взгляды в меньшей степени вписываются в предложенные классификации. Все эти позиции так или иначе соотносятся с понятием «антропоцен» и теми импликациями, которые оно в себе несет.

Мессианизм киборгов Джеймса Лавлока

В начале 1970-х инженер, климатолог и футуролог Джеймс Лавлок сформулировал гипотезу, а ныне теорию Геи, суть которой заключается в том, что «с самого своего возникновения жизнь работала над изменением окружающей среды» (Лавлок 2022). Иными словами, живые организмы и их среда обитания образуют саморегулирующуюся систему, где жизнь активно создает условия собственной возможности за счет поддержания оптимальной для себя температуры, уровня солености воды, содержания кислорода в воздухе и т.п. Яростно критикуемая поначалу, сегодня эта теория является «здравым смыслом» наук о Земле, и, возможно, ее главным популяризатором в новом тысячелетии является Бруно Латур (Latour 2017). В отличие от Латура, чуждого определенности в сценариях будущего, Лавлок охотно прописывает детали грядущей катастрофы с одной спасительной для разумной жизни сценарной ниткой. При этом жизнь Лавлок понимает расширительно — как способность преобразовывать энергию в структурированную информацию. Эволюция жизни является этическим императивом для человечества, которое обязано предотвратить смерть «познающего космоса», что, по Лавлоку, вовсе не подразумевает спасения самого человечества.

В такой перспективе мы являемся свидетелями третьего поворотного пункта в истории жизни на Земле. Первый — возникновение фотосинтеза, второй — появление парового насоса, запустившее промышленную революцию, итогом которой является невозможность поддерживать гомеостаз в планетарных масштабах. Третий пункт — это неминуемый конец антропоцена, который в лучшем — для «познающего космоса» — случае сменится новаценом. Новую геологическую эру ознаменует нечеловеческая эволюция так называемых киборгов, понимаемых как полностью синтетические носители искусственного интеллекта, которые являются собственными создателями и программистами. По Лавлоку, мы находимся на пороге новацена и должны всячески стимулировать его приближение разработками ИИ. Спасение для углеродной жизни футуролог видит в том, что у нее с жизнью кремниевой один общий враг: разогревание поверхности океана до температуры

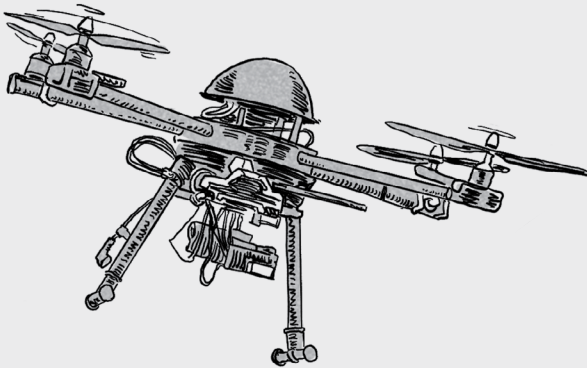
АНТРОПОЦЕН: ЧЕЛОВЕК КАК ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИЛА

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ТОМ, ЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСТВО СТАНОВИТСЯ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИЛОЙ, НАЧИНАЕТ ФОРМИРОВАТЬСЯ В ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУКАХ В РАЗГАР ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ЭТА НОВАЯ ЭПОХА, КОТОРОЙ ГЕОЛОГ В. ВЕРНАДСКИЙ ДАЕТ НАЗВАНИЕ «НООСФЕРА», ВОСПРИНИМАЕТСЯ КАК ОДИН ИЗ ЭТАПОВ ЭВОЛЮЦИИ БИОСФЕРЫ. НЕСМОТРИ НА РАЗРУШИТЕЛЬНЫЙ (ВОЕННЫЙ) КОНТЕКСТ, В КОТОРОМ ПРОИСХОДИТ ЭТА ЭВОЛЮЦИЯ, В СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ СРЕДЕ ОСОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В КАЧЕСТВЕ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА СОПРЯЖЕНО С ВЕРОЙ В ВОЗМОЖНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ: «НООСФЕРА ЕСТЬ НОВОЕ ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ. В НЕЙ ВПЕРВЫЕ ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ КРУПНЕЙШЕЙ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИЛОЙ. ОН МОЖЕТ И ДОЛЖЕН ПЕРЕСТРАИВАТЬ СВОИМ ТРУДОМ И МЫСЛЬЮ ОБЛАСТЬ СВОЕЙ ЖИЗНИ, ПЕРЕСТРАИВАТЬ КОРЕННЫМ ОБРАЗОМ, ПО СРАВНЕНИЮ С ТЕМ, ЧТО БЫЛО РАНЬШЕ. ПЕРЕД НИМ ОТКРЫВАЮТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ И БОЛЕЕ ШИРОКИЕ ТВОРЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ» (ВЕРНАДСКИЙ 1991).

ПОНЯТИЕ АНТРОПОЦЕНА — НОВОЙ ЭПОХИ, ПРИШЕДШЕЙ НА СМЕНУ ГОЛОЦЕНУ, СУБЪЕКТОМ ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В КОТОРОЙ ЯВЛЯЕТСЯ ЧЕЛОВЕК — ВВЕДЕНО В 2000 Г. И ПОПУЛЯРИЗИРОВАНО ХИМИКОМ ПАУЛЕМ КРУТЦЕНОМ. ГЛОБАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА СВЯЗЫВАЕТСЯ С ТАКИМИ ДЕСТРУКТИВНЫМИ ПРОЦЕССАМИ, КАК УМЕНЬШЕНИЕ ВИДОВОГО РАЗНООБРАЗИЯ, ТАЯНИЕ ЛЕДНИКОВ И ДРУГИМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА. ТАКИМ ОБРАЗОМ, В НАЧАЛЕ 2000-Х ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ КАК О ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИЛЕ ПЕРЕОТКРЫВАЕТСЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ, ПРИОБРЕТАЯ СКОРЕЕ НЕГАТИВНЫЙ СМЫСЛ: «АНТРОПОЦЕН ХАРАКТЕРИЗУЕТСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, КОТОРАЯ СТРЕМИТСЯ РАЗРУШИТЬ СВОИ УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОСТИ».

ПЕРИОД, С КОТОРОГО НЕОБХОДИМО ОТСЧИТЫВАТЬ НАСТУПЛЕНИЕ ЭПОХИ АНТРОПОЦЕНА, ДО СИХ ПОР ЯВЛЯЕТСЯ ПРЕДМЕТОМ СПОРОВ. В РАМКАХ ЭТОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРЕВРАЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ГЕОЛОГИЧЕСКУЮ СИЛУ ЧАЩЕ ВСЕГО СВЯЗЫВАЕТСЯ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ (ИМЕННО ПОЭТОМУ РЯД АВТОРОВ НАЗЫВАЮТ ЭПОХУ КАПИТАЛОЦЕНОМ) — ОТКРЫТИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ РЫНКОВ

СБЫТА, ИЗОБРЕТЕНИЕ ПАРОВОГО ДВИГАТЕЛЯ, ПРОЦЕССЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ КОНЦА XVIII–XIX ВВ. МЕЖДУНАРОДНАЯ СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ РАССМАТРИВАЕТ В КАЧЕСТВЕ ТОЧКИ ОТСЧЕТА 1950-Е ГГ. И ПОСЛЕДОВАВШУЮ ЗА НИМИ ЭПОХУ «ВЕЛИКОГО УСКОРЕНИЯ» — ПЕРИОД, КОТОРЫЙ ХАРАКТЕРИЗУЕТСЯ БЫСТРЫМ РОСТОМ ПРОИЗВОДСТВ И РАЗНООБРАЗИЯ ПРАКТИК ПОТРЕБЛЕНИЯ, А ТАКЖЕ КОНКУРЕНЦИЕЙ СВЕРХДЕРЖАВ (ХОЛОДНАЯ ВОЙНА, ИСПЫТАНИЯ ВОДОРОДНОЙ БОМБЫ), КОТОРЫЕ, ПО ВЫРАЖЕНИЮ ЕВЫ ХОРН, В СТРЕМЛЕНИИ ПРОДЕМОНСТРИРОВАТЬ ГЕОПОЛИТИЧЕСКУЮ ВЛАСТЬ НЕ ЗАМЕТИЛИ, КАК СТАЛИ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИЛОЙ (HORN, BERGHALTER 2019). БЛАГОДАРЯ «МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТУАЛЬНОСТИ» ЭТОГО ПОНЯТИЯ (П. СЛОТЕРДАЙК) ПРОИСХОДИТ ЕГО АКТИВНАЯ РЕЦЕПЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НЕ ТОЛЬКО ЕСТЕСТВЕННЫХ, НО И СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. СЕГОДНЯ, ОДНАКО, ПОНЯТИЕ «АНТРОПОЦЕН» И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОНИМАНИИ ОТНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В БОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ ЕВРОПЕЙСКО-АМЕРИКАНСКИЙ ФЕНОМЕН: ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЕ В ЮЖНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ КРАЙНЕ ОГРАНИЧЕНО (HORN, BERGHALTER 2019).

около 47 °С, когда Земля превратится в подобие Венеры. Точка необратимости критического разогрева будет пройдена значительно раньше, в связи с чем климатолог полагает, что киборги приступят к геоинженерии для предотвращения катастрофы. «Если моя гипотеза <...> верна и Земля действительно представляет собой саморегулирующуюся систему, то дальнейшее выживание нашего вида будет зависеть от принятия Геи киборгами».

Исходя из сказанного, можно утверждать, что Лавлок видит основную проблему для существования человечества в создании машин, наделенных автономной способностью уничтожать людей. Исповедуя, по собственному признанию, эко-авторитарные взгляды, он рекомендует сконцентрировать все усилия на технологическом прогрессе и замедлении глобального потепления, для чего, «возможно, придется на время поставить демократию на паузу» (Lovelock 2020).

Срочность, с которой необходимо предпринимать меры по предотвращению климатической катастрофы, также не позволяет экспериментировать с новыми источниками энергии: не стоит питать иллюзий по поводу способности возобновляемых источников энергии обеспечить потребности населения, однако можно использовать их в качестве вспомогательных мер. Наиболее доступным, эффективным и экологически чистым способом быстро снизить выбросы CO₂, Лавлок считает использование ядерной энергетики.

Политическая экология Бруно Латура

Фигура Бруно Латура является иконической для дискуссии об антропоцене. Хотя напрямую к экологической проблематике философ и социолог обратился лишь в поздний период своей жизни, «политика природы» с самого начала лежала в центре его интеллектуального проекта, который ставит под вопрос «нововременное» (Харауэй 2005) разделение природы и общества. Латура невозможно отнести к футурологам, которые рисуют детальные и конкретные сценарии будущего; вместе с тем из его публичных выступлений очевидно, что он считал планетарную катастрофу неизбежной, если человечество не пересмотрит

базовые концептуальные оппозиции и понимание политического действия в целом.

Утверждая, что граница между «людьми» и «природой» иллюзорна и является результатом «работы очищения», Латур указывает, что современная «зеленая» политика, или экологизм, в сути своей ошибочны. Она исходит из представления о том, что экология – это особая, отдельная от «большой» политики сфера, которая нуждается в защите и покровительстве (Латур 2018). Однако никакой отдельной от природы политики никогда не существовало, как и не существовала иных «нововременных» оппозиций: субъект-объект, человек-машина, локальное-глобальное и т. д. В связи с последней из упомянутых дихотомий Латур настаивает на необходимости мыслить планетарно, для чего обращается к теории Геи футуролога Джеймса Лавлока (Latour 2017). Философ утверждает: образ Геи провозглашает истину о том, что «жизнь сама создает условия собственного существования». Эта истина радикальным образом проблематизирует субъектно-объектные отношения между средой и жизнью и требует переучредить концепт общества через идеи гетерогенного коллектива и общего мира. Положение, в котором сохраняется иллюзорное разделение людей и мира, философ называет «новым климатическим режимом» (понятие во многом пересекается с антропоценом).

Поясняя принципы политической экологии на практике, Латур приводит примеры Brexit и действий Дональда Трампа по выходу из Парижского соглашения в качестве невозможных попыток сбежать из глобальности в локальность, имеющую негативные планетарные последствия. Эти последствия заставляют переносить классическую оппозицию враг / друг из контекста пространственно ограниченных национальных интересов на уровень планетарной «спутанности», внутри которой жители Аппалачей, где идет горная добыча, оказываются союзниками бразильских индейцев и европейских зеленых. С аналогичной планетарной точки зрения Латур трактует эпидемию коронавируса, который философ называет «жестоким наставником» (Latour 2021a), призванным избавить человечество от иллюзий своей привилегированной отдельности от Геи и вернуть их к осмыслению себя как «землян», «закрытых» на своей планете.

В последней работе Латур предлагает ревитализировать (Latour 2022) концепт «класса» и «классовой борьбы», указывая на то, что Гея обьята борьбой геосоциальных классов, где элиты полагаются на возможность локальной изоляции от катастрофы нового климатического режима, массы же страдают «в пустыне реальности». Актуальность, казалось бы, стертого концепта продемонстрировал ковид, где пролетариат (курьеры, врачи, служащие, простые люди в целом) оказывались наиболее подвержены вирусу, тогда как власть имущие находились в изоляции. Впрочем, философ в свойственной ему примирительной манере не делает хоть сколько-нибудь резких выводов, лишь констатируя противостояние «выбрасывателей» и «штопальщиков», в котором стать последним на практике ничуть не легче, чем перестать быть первым (Latour 2021b).

«Экокалипс» как квазирелигиозный дискурс

Ханс Ульрих Гумбрехт не отрицает значимости экологических проблем, однако выступает с критикой апокалиптического тона климатических прогнозов. В современном мире привычные образы апокалипсиса, характерные для большинства монотеистических религий и других религиозных учений, уступают место описанному на научном языке спектру многочисленных опасностей, с которыми человечество неотвратно столкнется в будущем: «Глобальное потепление, истощение источников энергии и сырья, демографическое развитие – возможно, у нас еще есть шанс замедлить ритм разворачивания их последствий с помощью чрезвычайных коллективных усилий, но мы не остановим этих новых всадников апокалипсиса» (Gumbrecht 2018). Гумбрехт утверждает, что этот переход лишает человечество открытого взгляда на будущее и, таким образом, существенно трансформирует структуру настоящего, влияя на его «экзистенциальный климат». Если в XIX в. настоящее воспринимается как шаг на пути к открытому будущему, которое сопряжено с верой в прогресс, то «концепция настоящего, названная антропоценом, расширилась до временного максимума, охватывающего всю мыслимую историю человечества». Понятие антропоцена

обозначает как «начало пагубных последствий присутствия человека в экосфере планеты, так и неизбежный конец человечества» (Gumbrecht 2018). Философ предупреждает о том, что такого рода изображение апокалипсиса – «климатическое порно» – ведет только к смирению и отчаянию, а не к активизации действий.

В то же время автор указывает на распространение своеобразного естественно-научного «милленаризма», при котором климатические катастрофы становятся наказанием со стороны природы за человеческое «прометейство». Как и Герман Люббе, Гумбрехт подчеркивает экстернальность (неинтенциональность) последствий действий промышленников и капиталистов XIX–XX вв. и несостоятельность подобного скрытого или явного морализма.

Автор также усматривает структурное сходство между религиозными версиями апокалипсиса и той, что предлагает современный энвайронментализм. В христианской теологии совершенный Бог создает совершенный мир, однако человек оказывается недостойным этого божественного творения (миф о первородном грехе). По мере секуляризации общества и расширения научной картины мира до масштабов «Вселенной» также постепенно усложняется и маргинализуется представление людей об их собственном статусе в ней. Концепция «антропоцена» является сегодня предельным выражением такой научной картины мира, которая стремится напомнить человеку о его настоящем месте в этом мире (ср., например: «Мы всего лишь один (совсем недавний) компонент биогеохимического фермента Земли, захваченный петлями обратной связи углеродного цикла и созависимости микробов и многих видов» (Blake, Gilman 2021)).

В более резких терминах осуждает катастрофизм и апокалиптизм экологического активизма французский писатель Паскаль Брюкнер в своей работе «Фанатизм апокалипсиса» (2011). Дискурс «экологического террора», по его мнению, превратился в «доминирующую идеологию западного общества»: «Я не нападаю на экологию как таковую. <...> Я нападаю на ту деградировавшую религию, которая возникает из нее и превращается в культуру страха, ненависти к прогрессу и благополучию» (Bruckner 2012).

Климатическая справедливость и морализация экологического дискурса

Основное напряжение, помимо осознания человечества в качестве геологической силы и пересмотра отношений человека и природы, понятие антропоцена создает в сфере морали, ставя вопрос о том, кто виноват в произошедших климатических трансформациях и на ком лежит ответственность за будущее планеты. Проблема климатической справедливости переносит вопрос о борьбе с изменением климата в моральную плоскость, что приводит к необходимости выработки «политики общей, но дифференцированной ответственности» (Чакрабарты 2020).

Сложившейся моральной дилеммой охотно пользуются как эоактивисты, призывая развитые экономики к более интенсивным и радикальным действиям в области климатической политики, так и представители развивающихся стран, подчеркивая ответственность западных обществ: «когда развивающиеся страны, такие как Индия, говорят об исторической ответственности за изменение климата, они на самом деле говорят: «Послушайте, американцы, работайте быстрее, чтобы справиться с планетарными проблемами. Планетарка — это ваша проблема. Наша проблема — развитие». Индия и другие говорят: «Ребята, вы все загрязнили, вы все испортили, теперь исправляйте. А затем дайте нам технологии для достижения наших целей в области развития» (Chakrabarty 2022).

Райнер Ханк предлагает обратиться к трудам немецкого философа Германа Люббе, уже в 1970-е гг. фиксировавшего тенденцию к морализаторству в экологическом дискурсе, который «делегитимизирует нашу цивилизацию, предполагая, что она столкнулась со своими неоспоримыми трудностями вследствие упадка своей естественной морали» (Lübbe 1992). Сегодня речь идет не столько о предписании человеку определенных моральных норм, сколько об апелляции в споре к личным моральным качествам собеседника. По мнению Люббе, в дебатах о глобальном потеплении и других экологических проблемах излишний акцент делается на необходимости перевоспитания людей, например, в форме побуждения их к отказу от вредных

для окружающей среды привычек. Риторика, которой придерживаются энвайроменталистские движения вроде «*Extinction Rebellion*» (XR) и «*Fridays for Future*» (FFF), добавляет Ханк, в значительной степени направлена на то, чтобы обвинить, пристыдить и возложить ответственность за разрушение планеты на людей.

Люббе предлагает рациональный взгляд на проблему и предостерегает от морализаторства в этой сфере в связи с его неэффективностью. Вину за экологические проблемы нельзя возложить на конкретного человека или группу людей, а негативным последствиям жизнедеятельности людей нельзя дать моральную оценку (в отличие, например, от преступлений национал-социализма), поскольку они неинтенциональны и являются побочными эффектами существования человеческой цивилизации.

Люббе описывает один из возможных благоприятных прогнозов этого кризиса. Он считает, что реальные радикальные меры, препятствующие глобальному потеплению (такие, как наценка на ископаемое топливо), будут приняты тогда, когда это станет выгодным с рыночной точки зрения — например, когда «зеленая» энергия станет более привлекательной на рынке, чем ископаемое топливо. То есть реальное значение в дебатах о глобальном потеплении имеют экономические интересы, а не нравственные, поэтому морализаторство в данной сфере неэффективно и недееспособно. Люббе считает перспективу такого рыночно мотивированного перехода на «зеленую» энергию оптимистичным, но утопичным сценарием ближайшего будущего, который позволит человеку, с одной стороны, не ограничивать себя в материальных благах, а с другой — вести образ жизни, не вредящий окружающей среде (Hank 2019).

Вопрос о политическом субъекте

Концепция антропоцена поднимает также вопрос о политическом субъекте, который может взять на себя ответственность за будущие решения в вопросах регулирования климатического кризиса (Чакрабартти 2020; Рансьер 2022). Сложность заключается в том, что последствия изменения климата представляют собой опасность планетарного масштаба, угрожающего человечеству

как виду: «Масштабы проблем не соответствуют нашим возможностям управлять ими» (Blake, Gilman 2021).

Как и ученые-климатологи, многие представители социальных и гуманитарных наук (У. Бек, Б. Латур, Д. Чакрабартти и др.) согласны в следующем: для того чтобы справляться с угрозами человечеству, вызванными изменением климата, необходима выработка основ глобальной политики и совместного международного управления. Однако магистральный тренд в международной политике, который фиксируется интеллектуалами, прямо противоположный: страны демонстрируют церемониальное поведение, договариваясь об общих глобальных целях, но продолжают, однако, лоббировать национальные интересы или же вовсе эксплицитно «выходят из игры в глобализацию» (Латур 2019). На сегодняшний день, констатирует Дипеш Чакрабартти, наша планета является «политической сиротой» (Chakrabarty 2022).

В отличие от мнения большинства интеллектуалов, Френсис Фукуяма делает ставку на будущую трансформацию внутригосударственных, национальных институтов, а не на развитие наднационального сотрудничества (Fukuyama 2022c). Международное управление, согласно его позиции, политически нереалистично, в то время как национальные государства остаются основными действующими акторами: во-первых, они имеют реальную власть над территорией и могут ей управлять; во-вторых, национальные государства до сих пор являются локусом, по отношению к которому люди испытывают патриотизм, в то время как люди, которые считают себя гражданами мира, составляют лишь малую прослойку жителей в богатых странах.

Исследователи из Института Берггрюна не удовлетворены ни одним из этих решений: по их мнению, национальные государства не справляются ни с планетарными причинами климатических проблем, ни с их последствиями на локальном уровне (Blake, Gilman 2021). С одной стороны, говорят Блэйк и Гилман, международные климатические соглашения в том виде, в котором они существуют сейчас, предполагают лишь добровольное соблюдение странами взятых обязательств. С другой — национальное государство не является адекватной институциональной формой для адаптации к изменениям климата: «Лос-Анджелес, Майами

и Миннеаполис затронуты изменением климата, но совершенно по-разному, что требует совершенно разных политик. На самом деле климатические изменения в этих городах имеют больше общего с городами в других национальных государствах (например, в Кейптауне, Дакке и Москве соответственно), чем друг с другом» (Blake, Gilman 2021). Выход из кризиса «неэффективности и нелегитимности» национального государства авторы видят в создании новых форм управления, которые предполагают передачу одной части государственных полномочий планетарным институтам, а другую — локальным, оставив при этом государству вопросы управления военным делом и экономикой.

Также актуальна дискуссия о том, какой тип государственного устройства будет более эффективным в борьбе с климатическим кризисом: демократический или авторитарный? (Willik 2021; Abadi 2022; Dictatorships and climate change 2019). На стороне перехода к эко-авторитаризму выступал сам автор «гипотезы Геи» и пионер наук о системе Земли Джеймс Лавлок: «Изменение климата настолько серьезно, что мы можем пока поставить демократию на паузу» (Willik 2021). В основании этой позиции лежит аргумент, согласно которому темпы изменения климата резко ограничивают время на принятие решений, требующихся для соблюдения процедур в демократических институтах. Ряд авторов также настаивает на передаче государственного управления экспертам-климатологам.

Френсис Фукуяма (Fukuyama 2022c) задается вопросом о том, какие институциональные изменения необходимы для того, чтобы справиться с климатическим кризисом. Он обращает внимание на существующий положительный опыт регулирования выбросов в демократических странах Запада. Тем не менее для успешного регулирования вопросов изменения климата необходимо преодоление поляризации внутри правительств и забюрократизированности системы принятия решений (указывается, в частности, на распространенность такого механизма, как право вето у муниципалитетов).

Джон Урри также видел в климатической политике ресурс для укрепления демократий, в основном за счет ослабления власти корпораций.

ТЕХНОЛОГИИ

Артем Космарский, Александр Сувалко, Мария Фигура

Энергетика: разные пути к безальтернативному будущему ВИЭ

Существуют различные точки зрения на энергетическое будущее мира и прежде всего на перспективы использования невозобновляемых источников энергии (нефти, газа, угля) и возобновляемых (главным образом энергии ветра и Солнца). С одной стороны, в XXI в. продолжается быстрый рост энергогенерации, и спрос на электроэнергию только повышается. При этом рост потребления ископаемого топлива дал три четверти общего прироста потребления энергии человечеством в 2000–2021 гг., а прирост энергии от ветрогенераторов и солнечных электростанций вместе взятых существенно ниже прироста потребления энергии от одной только нефти (BP Statistical Review 2022). С другой стороны, в ряде западных стран среди интеллектуалов и лиц, принимающих решения, переход на возобновляемые источники энергии (ВИЭ), вызванный необходимостью декарбонизации энергетики и ее децентрализации (преодоления зависимости от крупных экспортеров и перехода на взаимодействие со множеством мелких производителей), а также дефицитом энергетических ресурсов, рассматривается как единственно возможный вариант будущего. Достаточно вспомнить открытое письмо 101 нобелевского лауреата против ископаемых видов топлива: помимо лауреатов-политиков, его подписали такие реципиенты премии, как химик Мартин Чалфи, биолог Томас Чек, биохимик Пол Берг и целый ряд других (Nobel Laureates' Statement 2021); Европейская комиссия в официальном документе зафиксировала необходимость отказа от ископаемого топлива к 2050 г. (Соглашение 2019).

Консенсусная оценка происходящего в сфере энергетики в современном мире представлена в материалах Международного энергетического агентства (МЭА), где утверждается, что «мир столкнулся с первым действительно глобальным энергетическим кризисом» (Energy Security 2022). В отличие от кризиса 1970-х, связанного преимущественно с ростом цен на нефть, кризис

2021–2022 гг., по мнению экспертов из МЭА, затрагивает сразу множество аспектов: «природный газ, а также нефть, уголь, электроэнергию, продовольственную безопасность и климат» (World Energy Outlook 2021).

Какие же факторы обусловили происходящее и в какую сторону энергетика двинется в будущем?

Причинами кризиса, который выражается прежде всего в росте цен на энергоносители, Агентство и множество лидеров общественного мнения считают ускоренное восстановление экономик после пандемии, повышенный спрос на ископаемое топливо в Азии с осени 2021 г., переход на возобновляемые источники энергии и разрыв цепочек взаимоотношений с крупными поставщиками ископаемого топлива (усилившийся в результате проведения специальной военной операции (СВО) и последовавших санкций против Российской Федерации) (Global Energy Crisis 2022).

Несмотря на ряд предпринятых мер по восстановлению энергетической инфраструктуры, работающей на ископаемом топливе (например, перезапуск летом 2022 г. в Германии электростанций, работающих на угле, – см.: Conolly 2022), в долгосрочной перспективе большинство западных стран видят выход из текущей ситуации не в отказе от своей политики углеродной нейтральности, а, напротив, в ее форсировании. Согласно отчету МЭА, в 2021 г. мир израсходовал на переход к возобновляемым источникам энергии 1,1 триллиона долларов (World Energy Outlook 2022), однако этого оказалось недостаточно, чтобы рост ВИЭ-генерации перекрыл рост потребления энергии за этот год. Для полноценного зеленого энергоперехода объем финансирования, по расчетам МЭА, должен быть увеличен до 4 триллионов долларов в год¹⁹. Технологически здесь, как и до кризиса, делается ставка на два основных сценария.

Первый можно описать формулой «солнечные электростанции, ветряные электростанции, литиевые батареи» (он представлен, например, на сайте Еврокомиссии (Directorate General for Energy 2021). Эти компоненты призваны компенсировать

¹⁹ Это больше годового ВВП таких стран, как Россия или Германия, порядка 4% мирового ВВП.

недостаток объема производства в области возобновляемых источников энергии.

Во втором сценарии ставка делается на солнечные электростанции, ветряные электростанции и водород. В этом случае в качестве накопителя энергии используется водород вместо дорогостоящих аккумуляторов (на что указывает, например, один из крупных американских независимых научно-исследовательских центров Southwest Research Institute (Carbon-Neutral Future 2022).

Глобальный зеленый переход: сворачивание нефтедобывающей промышленности, опора на ВИЭ

Пожалуй, один из наиболее радикальных прогнозов в связи с энергопереходом, представленный, однако, еще в конце 2021 г., был изложен в докладе «*The Power Atlas: Seven Battlegrounds of a networked world*», подготовленном Европейским советом по международным отношениям. Авторы раздела «Климат» Алекс Кларк и Суси Деннисон предполагают, что в ближайшем будущем значительная часть оставшихся запасов нефти, газа и угля станет невостребованными активами с потенциально разрушительными последствиями для основных экспортеров (Clark, Dennison 2021). В краткосрочной перспективе больше всего проиграют производители с высокими издержками, такие как США и Канада. Но в итоге даже самые низкокзатратные производители из Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) — такие как Саудовская Аравия, Катар, Ирак и Кувейт — скорее всего, столкнутся с тем, что добыча ископаемого топлива станет экономически невыгодной. В то же время благодаря быстрым инвестициям и инновациям в области улавливания и хранения углерода, хранения энергии в аккумуляторах, передовых ядерных технологий (Китай и США), а также производства зеленого водорода и аккумуляторов (ЕС и Китай) вскоре сформируется ряд сверхдержав в области возобновляемых источников энергии. Страны и регионы с самыми большими и недорогими солнечными и ветровыми ресурсами также имеют явные преимущества в этой сфере — как и те, кто обладает важнейшим сырьем, необходимым для «зеленого» перехода. Геополитическое измерение глобальному

энергетическому будущему придает и тот факт, что возможности для энергоперехода распределены по миру неравномерно: только 1% материалов, необходимых для развития европейской ветровой энергетики, доступны «в пределах Европы», добавляет автор раздела «Технологии» Хосе Игнасио Торребланка (Torreblanca 2021). Огромная часть и сырья, и даже сопутствующих ВИЭ технологий находится в Китае, который пребывает в состоянии «холодной технологической войны» с США.

Устойчивость в разнообразии: опора на ископаемое топливо при постепенном развитии ВИЭ и ядерной энергетики

Другой полюс представлен более консервативным взглядом на будущее технологий: дороговизна (например, зеленый водород от ВИЭ стоит в 3 раза дороже природного газа на единицу энергии (Carbon-Neutral Future 2022)) и проблема неустойчивости (прерывистости) ВИЭ, говорят эксперты, может привести к тому, что вне западного мира наиболее вероятный сценарий развития энергетики будет иной. Его в общих чертах обозначил Си Цзиньпинь в своих недавних заявлениях: Китай, по его словам, будет отказываться от углеродного топлива не раньше, чем «чистые» источники смогут обеспечить энергетическую безопасность (Energy Security 2022). Причиной такой осторожности стали серьезные трудности с производством энергии, испытанные Китаем в 2021 г., когда попытка административного форсирования ухода от угля закончилась дефицитом энергии для промышленности. Причем тренд этот не только китайский: пять азиатских стран планируют в ближайшие 8 лет построить 300 гигаватт новых угольных ТЭС (Paris target at risk 2021).

Прагматичный взгляд третьего мира на энергетику находит понимание также у успешных визионеров мира первого. Илон Маск в августе 2022 г. попал под критику в медиа из-за своего выступления, в котором заявил: «Думаю, сейчас мы должны смириться с использованием нефти и газа в краткосрочной перспективе, поскольку иначе цивилизация развалится на куски» (Hogg 2021). Более того, в ближайшие десятилетия, уверен он, «нам нужно больше нефти и газа, а не меньше»; кроме того, бизнесмен,

по его словам, склонен «не демонизировать» ископаемое топливо (Patel, Smith 2021). В данном случае налицо резкий отход от общего медийного нарратива последних нескольких лет о необходимости «сворачивания» добычи ископаемых источников энергии в пользу «зеленой».

Сходные мысли высказывает и традиционно критически настроенный по отношению к господствующим нарративам в области энергетики Бьорн Ломборг, датский экономист и эколог, возглавляющий частный исследовательский Центр копенгагенского консенсуса. По его мнению, раньше 2050 г. отрасль производства возобновляемой энергии не сможет добиться доли выше 28% в общем первичном потреблении энергии (Lomborg 2022), а до тех пор мир может оказаться в состоянии искусственной нехватки нефти и газа как раз из-за слишком идеологизированного отношения к их добыче (демонизации, по Маску).

Эксперты, занимающие такую сдержанную позицию по отношению к будущему ВИЭ, склоняются к тому, что часть мира (США, Китай, Индия и развивающиеся страны) до 2050 г. продолжит полагаться на природный газ и в меньшей степени – на нефть и уголь как основные источники энергии (World Energy Scenarios 2019), развивая при этом и ВИЭ. Несмотря на рациональность аргументации, реплики экспертов, сомневающих в возможностях солнечных электростанций (СЭС) и ветряных электростанций (ВЭС), нередко воспринимаются негативно в англоязычной медиасреде.

Тем не менее эта группа видит перспективы в развитии другой формы чистой энергии, а именно атомной. В этой сфере Китай в последние годы предпринимает исключительные усилия. Кроме массового строительства обычных атомных электростанций (АЭС) (только в 2022 г. здесь строится 18 реакторов – см.: Davis 2022), в стране также создана система отопления от атомно-тепловых станций в городской застройке, освоено получение тепла для промышленных нужд в газоохлаждаемом реакторе.

Билл Гейтс также уверен – и с ним солидарны многие, – что без атомной энергетики уход от «углеродной» генерации невозможен. С точки зрения Гейтса, ВЭС и СЭС должны опираться на «гибридные» атомно-накопительные электростанции наподобие тех, что разрабатывает спонсируемый им стартап Terra Power

(Gates on Nuclear Energy 2013). Подобные небольшие реакторы запасают тепло в огромных баках с расплавленными солями. Ночью или в безветренную погоду тепло от бака превращает воду в пар, который вращает турбину, вырабатывающую ток.

Для Гейтса СЭС и ВЭС сами по себе недостаточны, чтобы осуществить безуглеродный переход. Напротив, говорится о необходимости в «серьезнейших усилиях в области инноваций, нужных для реализации «энергетических чудес», — прорывных технологий, которые сделают безуглеродную энергогенерацию возможной». По его мнению, несмотря на то что существует немало «многообещающих подходов, которые мы должны активно развивать, включая концентрированную солнечную энергию, атом, ВЭС, СЭС и др., во всех этих случаях существуют определенные проблемы и вызовы, на которые еще только предстоит ответить» (Gates 2022). Бизнесмен отмечает, что сам вложил в ядерные стартапы более миллиарда долларов. В недавнем выступлении он констатирует: «К сожалению, солнце и ветер, хотя и будут играть гигантскую роль, сами по себе, без каких-либо исключительных технологических прорывов в области накопления (прорывов, которых никто не ожидает) просто не дадут нам нужного решения». Согласно предпринимателю, нестабильность их работы слишком велика, что и объясняет его личный интерес к атомной энергетике и вложения в нее. «Какая-то часть уравнения должна быть атомной», — заключает он (Gates on Nuclear Energy 2022), именно в силу способности АЭС работать 24 часа в сутки, вне зависимости от погоды.

Илон Маск занял сходную с китайской позицию по вопросу атомной энергетике: «Это безумие с точки зрения национальной безопасности и вредно для окружающей среды — закрывать АЭС», — написал Маск (Musk 2022). Хотя он также считает АЭС необходимой частью безуглеродной энергосистемы, куда большую роль он отводит накопительным станциям на основе литиевых батарей (производимые Tesla «Мегапаки»), а равно и домашним батареям, заряжаемых от «солнечной черепицы» (фотоэлементов, интегрированных в крыши домов). Однако пока стоимость последних систем такова, что за пределами Калифорнии их нельзя назвать массовыми даже в США.

Экологическая устойчивость и энергетическая надежность: снижение значимости ископаемых видов топлива при интенсивном развитии ядерной энергетики

Ставку на ядерную энергетику делают также экомодернисты, призывая в текущих условиях не только к диверсификации глобального предложения природного газа, но и к «глобальному ядерному ренессансу» (Trembath et al. 2022). Экомодернисты предполагают, что мировая нефтегазовая промышленность не исчезнет к 2050 г., но может стать нерентабельной (по крайней мере в США) (McBride, Lloyd, Wang 2022). К данному выводу эксперты из Института Прорыва (*Breakthrough Institute*, создан идеологом экомодернизма Майклом Шелленбергером) приходят, не только рассматривая различные варианты реализации климатических политик, но также ориентируясь на исключительно рыночные сценарии, например, на выполнение целевых показателей по производству электромобилей, заявленных в отчетах крупнейших автомобильных компаний (McBride, Lloyd, Wang 2022).

В докладе этого же института «*Advancing Nuclear Energy: Evaluating Deployment, Investment, and Impact in America's Clean Energy Future*» ключевая роль в процессе декарбонизации энергетического сектора США к 2050 г. отводится усовершенствованным ядерным реакторам (Stein, Messinger 2022), которые поддерживают энергетическую безопасность, пока идет развитие инфраструктуры ВИЭ. Помимо возможности обеспечения высокого уровня экологически чистой энергии, они также обладают, согласно авторам, значительным рыночным потенциалом. Начиная с 2030 г. передовые ядерные технологии могут внедряться на определенных целевых объектах, к числу которых авторы относят «существующие атомные электростанции, площадки с прекращающимися функционирование станциями на ископаемом топливе, отдаленные или островные населенные пункты и военные объекты» (Stein, Messinger 2022, 7). В дальнейшем по мере удешевления технологий усовершенствованные реакторы могут быть внедрены на общенациональном уровне.

Сценарии Международного энергетического агентства

Международное энергетическое агентство с учетом кризисного контекста также предлагает три сценария будущего развития сферы энергетики в зависимости от характера реализуемых политик. Общими для всех сценариев являются допущения о том, что спрос на энергетические услуги будет расти вплоть до 2040 г.²⁰, экономический рост в среднем до 2050 г. будет составлять 2,8%, а численность населения Земли увеличится почти на четверть (до 9,7 млрд человек²¹). При этом в ближайшей перспективе ожидается понижение цен на ископаемое топливо (возможно, кроме природного газа) в результате замедления темпов экономического роста (World Energy Outlook 2022, 84). Также во всех сценариях прибыль от переориентации экспорта ископаемых типов топлива из Российской Федерации на азиатские рынки не перекрывает издержек, связанных с сокращением экспорта в Европу.

Сценарий STEPS рассчитан с учетом текущих политических предпочтений разных стран, включает в себя только показатели, путь достижения которых прописан в документах, и не предполагает, что все объявленные необязательные цели стран будут достигнуты. В этом сценарии доля ископаемых видов топлива, которая сейчас составляет 80% в мировом энергетическом балансе, в 2030 г. падает ниже 75%, а к 2050 г. — до 60%. Мировой спрос на нефть растет до 2030 г. (до 102,2 млн баррелей в день), а затем незначительно снижается к 2050 г. (World Energy Outlook 2022, 329). Доля газа, поставляемого на международный рынок Россией, снижается с 30 до 15% в 2030 г. Мировые выбросы CO₂ (36,6 гигатонн в 2021 г.) постепенно снижаются до 32,2 гигатонн в 2050 г. Этот сценарий ведет к повышению глобальных температур на 2,5 °C в 2100 г., по сравнению с доиндустриальным уровнем.

Сценарий заявленных обещаний (*The Announced Pledges Scenario*, APS) предусматривает полное выполнение деклари-

²⁰ Спад спроса на энергетические услуги после 2040 г. МЭА связывает не только с результатом внедрения определенных политик, но и с трансформацией человеческого поведения, без которой, по мнению экспертов, невозможно совершить энергопереход.

²¹ Здесь МАЭ ориентируется на оценку ООН.

руемых в стратегических правительственных документах целей по достижению углеродной нейтральности и обеспечению доступа к источникам энергии в намеченные сроки. Доля ископаемых видов топлива снижается до 2050 г. Пик спроса на нефть (до уровня 2019 г.) достигается в середине 2020-х, затем постепенно снижается до 93 млн баррелей в день в 2030 г. С 2030 по 2050 г. идет сокращение спроса на 40 %, до 57,2 млн баррелей в день. Мировой спрос на природный газ к 2050 г. на 40 % ниже уровня 2021 г. Мировые выбросы CO₂ (36,6 гигатонн в 2021 г.) резко снижаются до 12 гигатонн в 2050 г. Повышение глобальных температур на 1,7 °C в 2100 г., по сравнению с доиндустриальным уровнем.

Сценарий *Net Zero* рассматривает шаги, необходимые для достижения целей по стабилизации роста средней глобальной температуры на уровне 1,5 °C, по сравнению с доиндустриальными показателями, а также обеспечение всеобщего доступа к современным источникам энергии к 2030 г. Уже в 2030 г. спрос на природный газ будет ниже, чем в 2021 г., примерно на 20%. К 2050 г. его использование в индустрии будет скорее локальным: «Природный газ используется либо для целей, не связанных со сжиганием, либо с системами улавливания, утилизации и хранения углерода» (World Energy Outlook 2022, 370). Мировые выбросы CO₂ в 2050 г. равны нулю.

Ожидается существенный рост доли электричества в глобальном потреблении энергии. Спрос на электричество в 2050 г. больше сегодняшнего на 75 % в сценарии STEPS и на 120 и 150 % в двух других сценариях соответственно. Первая отрасль, которая достигнет нулевого уровня выбросов в 2040 г., — это электроэнергетика. Предполагается, что это позволит сократить выбросы за счет электрификации других секторов.

Сценарий *Net Zero* предполагает, что объем генерации атомной энергии возрастает более чем вдвое к 2050 г., однако ее доля в общем мировом объеме производимой энергии сокращается с 10 до 8 % вследствие быстрого роста последнего (World Energy Outlook 2022, 138). Ожидается, что уже в ближайшие 10–15 лет в среднем ежегодно будет вводиться 30 ГВт новых ядерных мощностей. По мнению экспертов МАЭ, такие показатели будут свидетельствовать о возрождении атомной отрасли, которая теперь

будет опираться на малые модульные реакторы. Увеличение производства атомной энергии, впрочем, прогнозируется на территориях за пределами ЕС.

По сравнению со сценариями, представленными МГЭИК в апреле 2022 г., сценарий *Net Zero* МАЭ предполагает повышение энергоэффективности с одновременным снижением спроса на энергию: эксперты прогнозируют, что в 2050 г. «общее конечное потребление составит около 340 ЭДж в 2050 г., по сравнению с примерно 460 ЭДж в среднем сценарии МГЭИК». В этом сценарии МАЭ доля энергии солнца и ветра в общем производстве энергии в 2050 г. будет больше (70%), чем в среднем сценарии МГЭИК (ок. 55%).

Прогнозы относительно объемов спроса на биоэнергию в 2050 г. МАЭ и МГЭИК существенно отличаются: «Медианный сценарий МГЭИК, в большей степени предусматривающий достижение нулевых выбросов к 2050 г., предполагает около 235 ЭДж спроса на биоэнергию, что более чем вдвое превышает уровень сценария *Net Zero* и в 3,5 раза превышает текущий уровень».

Автоматизация: проблема или возможность

Вызванное глобальными кризисами подорожание продуктов питания и топлива, по мнению многих наблюдателей, может наложить на потерю ряда рабочих мест из-за продолжающейся автоматизации промышленности. Считается, что замена людей все более эффективными промышленными роботами заставит правительства вводить обязательный базовый доход, иначе станет неизбежным взрыв социальной напряженности, вызванный снижением доходов при постоянном росте цен на еду и энергию (Clifford 2016).

Советник Клауса Швабе, президента Всемирного экономического форума в Давосе, эксперт Всемирного экономического форума, историк и футуролог Юваль Ной Харари в 2022 г. дал весьма тревожный прогноз о влиянии автоматизации на ближайшее будущее человечества. Ключевым тезисом стали его слова о «ненужной части человечества». Цитируем их: «В середине XX в. <...> материалом созидания будущего служили миллионы людей – рабочие

на заводах и фермах, солдаты, <...> они были необходимы. Никакое будущее без них было невозможно. А теперь перенесемся в начало XXI в., когда большая часть населения просто не нужна. Потому что будущее — за развитием все более сложных технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ) или биотехнологии, и большинство людей никакого вклада в это развитие не вносят. За исключением, возможно, своих персональных данных. Все то полезное, что создают люди, технологии вскоре смогут производить без их участия и таким образом заменят людей» (Harari 2022).

Эта картина кажется технологически вполне реальной. О растущих возможностях ИИ, роботах, способных заменить людей в промышленности, говорится с середины прошлого века. Так, в 1960 г. среди разработчиков ИИ — этот термин лишь входил в моду — появилось мнение, что «через 20 лет машины смогут сделать любую работу за человека» (Simon 1960, 38).

Специалист по робототехнике Алан Уинфилд (Бристольская лаборатория робототехники) в связи с этим утверждает (Winfield 2014), что на сегодня разрыв между тем ИИ, что мы можем создать, и тем, который сможет выполнять функции человека — как в промышленности, так и в других отраслях, — такой же, как и между первыми ракетами для выхода в космос и аппаратами для сверхсветовых космических полетов. Последняя аналогия неслучайна: на сегодня в науке нет никакого ясного понимания, возможны ли такие полеты в принципе. Абсолютно так же, говорит Уинфилд, у научного сообщества сегодня нет понимания того, как можно построить ИИ человеческого уровня.

Канадско-американский ученый и популяризатор науки Стивен Пинкер смотрит на возможную угрозу «порабощения роботами» со скепсисом, указывая на две ошибки технопессимистов, которые слишком близко к сердцу восприняли фильм «Терминатор». Первая ошибка заключается в том, что многие интеллектуалы путают интеллект и мотивацию: «Даже если бы мы действительно изобрели нечеловечески умных роботов, с чего бы они захотели поработить своих хозяев и захватить мир?» — спрашивает Пинкер (Пинкер 2021, 351). Вторая ошибка — верить в безграничный потенциал искусственного интеллекта. По мнению Пинкера, ИИ по большей части однозадачен: может распознавать раковые

клетки на рентгеновском снимке, определять лица преступников в общественном транспорте, сверяясь с картотекой, и т. п. По оценкам Пинкера, в ближайшее время не следует ожидать автоматизации рутинных процедур, которые сегодня выполняет человек, потому что создание роботов, способных заменить человека, — очень дорогостоящий процесс.

Среди технопессимистов, о которых говорит Пинкер, одним из наиболее заметных сегодня является шведский философ Уильям МакАскилл, который в своей последней работе «Чем мы обязаны будущему» предлагает обратить внимание на будущее, в котором гарантировано долгосрочное пребывание человечества. Сторонники этической позиции лонгтермизма, которую представляет МакАскилл, утверждают, что мы должны инвестировать больше ресурсов в снижение риска будущих катастроф, таких как, например, появление искусственного интеллекта, который может стать действенным инструментом в руках тоталитарных режимов (Levitz 2022).

Прогноз специалистов NASA, сделанный в 1965 г. из сегодняшней перспективы, выглядит таким, что в ближайшем будущем массовой автоматизации не предвидится в силу ограниченности ресурсов: «Человек — вот самый дешевый нелинейный многоцелевой компьютер весом в семьдесят килограммов, который массово производится неквалифицированной рабочей силой» (Brynjolfsson, McAfee 2015).

Специалисты в области робототехники видят эту ситуацию схожим образом (Knight 2022). Хорошо подготовленные «бегающие роботы» требуют внушительных усилий программистов. Узкоспециализированные промышленные роботы требуют меньшего объема программирования, потому что неподвижны и выполняют очень ограниченный набор действий: однако без затратного перепрограммирования их нельзя использовать даже для производства другой модели машин. Именно поэтому операторы и рабочие на автозаводах все еще неизбежны: машины слишком специализированы, чтобы заменить их в условиях требующих широкого круга навыков.

Сегодня «Теслабот» пытаются «приручить» к работе в разных областях, что требует или сильного ИИ, которого пока нет,

или длительного программирования. С 1980-х гг. среди специалистов в области ИИ утвердилась точка зрения, что все, чего удалось добиться в данной сфере, — это создание так называемого «слабого ИИ» (Frankish, Ramsey 2014, 342), программируемого, но неспособного к универсальности и деятельности в разных сферах без внешнего перепрограммирования.

Как поясняют эксперты, ключевой проблемой здесь является то, что практически все известные на сегодня компьютеры — алгоритмические, т. е. действующие по заранее написанным сценариям, программируемые от начала и до конца (в случае нейросетей это дополняется «обучением на выборке», но и оно де-факто остается программированием, просто автоматизированным). Между тем специалисты по человеческому интеллекту отмечают, что человеческий мозг не является алгоритмическим в принципе — см., например, популярное изложение исследований американского психолога Роберта Эпштейна (Epstein 2016). Как именно он работает, пока неясно, и для множества гипотез на этот счет еще нет убедительных доказательств, однако гипотеза о его алгоритмической природе сегодня не поддерживается профильным научным сообществом.

В аналитическом докладе «*State of AI Report*» (создается группой исследователей под руководством Нэйтана Бенаиха и Яна Хогарта, инвесторов в ИИ-ориентированные стартапы, выходит ежегодно — см.: Benaich, Hogarth 2022) не только описывается развитие ИИ, как в сфере науки, так и в области регулирования и безопасности, но и делаются прогнозы на будущее. По мнению авторов, ожидания сверхбыстрого развития ИИ, делающего его способным массово вытеснять людей с их рабочих мест или вообще превзойти человека по интеллекту, пока далеки от реализации.

Разумеется, это не значит, что слабый искусственный интеллект не окажет серьезного влияния на жизнь общества. Процесс уже идет: реклама, от *Facebook* до онлайн-магазинов, использует персональные данные пользователей сети, чтобы дать им «персонализированные» предложения.

Сегодня эта проблема приобретает еще и геополитическое измерение: ИИ играет большую роль в военной промышленности. *The Power Atlas* напоминает: американские военные уже заявили

о лидирующей роли Китая в области ИИ и весьма пессимистично оценивают в связи с этим перспективы военного паритета между КНР и западным миром (Torreblanca 2021). Таким образом, ИИ и связанные с ним производства (включая практически все производство современных микросхем) — теперь еще и объект военно-политического противостояния, своего рода аналог «атомной гонки» середины прошлого века. ИИ развивается здесь как инструмент контроля: для Китая приоритетом является надзор за людьми, т. е. контроль, для США — военный ИИ как инструмент ведения войн и взлома вражеских систем.

Джек Ма, основатель *Alibaba*, отмечает, что совершенствование промышленных роботов повлияет на жизнь людей не в меньшей степени, чем развитие информационных технологий. Согласно ему, число рабочих часов за счет внедрения автоматизации в промышленности сократится. Он ожидает появления 4-часового рабочего дня уже в ближайшие 30 лет при сохранении и даже росте производительности труда на одного рабочего (Ward 2017). Наличие все большего свободного времени даст импульс сфере услуг: люди, меньше занятые на работе, неизбежно будут проводить больше часов в заведениях общественного питания и развлекательных учреждениях, а также уделять больше времени туризму. Это весомый фактор в современной экономике, где сфера услуг занимает ведущее место в процессе создания ВВП. Аналогичную позицию в публичной дискуссии с Ма в конечном счете занял и Илон Маск, отметив, что снижение затрат времени на работу увеличит время, которое люди тратят на «более интересные вещи» (Ward 2017).

Ма отмечает, что современный ИИ фактически продолжает играть в нашей жизни ту же роль, которую машины играли в ней с начала промышленной революции. Его дед, утверждает миллиардер, работал 16 часов в день. И даже за пределами Китая рабочий день длиной в 12 часов был обычным. Сегодня 8-часовой рабочий день стал новой нормой — и в ряде стран наблюдается движение к 7-часовому и даже 6-часовому дню.

Английский биолог и популяризатор науки Ричард Докинз смотрит на будущее ИИ оптимистически: по его мнению, нет ничего в нашем мозге, что не могло бы в будущем быть

воспроизведено технологически: «Я придерживаюсь мнения, что в нашем мозгу нет ничего, что нарушало бы законы физики, нет ничего, что в принципе не могло бы быть воспроизведено в технике. Это еще не сделано, мы, вероятно, довольно далеки от этого, но я не вижу причин, по которым в будущем мы не должны достичь точки, когда созданный человеком робот будет способен к сознанию и чувству боли» (Dawkins 2017). Более того, Докинз предполагает, что в будущем искусственный интеллект мог бы лучше управлять миром, чем это делают люди сейчас.

Особое значение современный ИИ, при всех его ограничениях, приобретает по причине демографических проблем человечества. Джек Ма не скрывает, что крайне озабочен демографией как Китая, так и мира. По текущим прогнозам, население КНР в этом столетии может сократиться вдвое, а оставшаяся его часть будет во многом старше 65 лет. Сохранить при этом текущий уровень благосостояния возможно только при серьезнейшей автоматизации и промышленности, и ряда отраслей в экономике услуг.

Подводя итоги, нельзя не отметить, что угрозу в ИИ на сегодня видят в основном медиа. Специалисты по ИИ, робототехнике (McKinsey Global Institute 2017) и бизнесмены, активно работающие в подобных областях (Джек Ма и Илон Маск имеют бизнес, связанный с ИИ), видят в автоматизации не столько проблему, сколько возможность:

- 1) сохранить благосостояние человеческих сообществ, несмотря на быструю убыль населения в целом ряде стран и ожидаемую общемировую убыль с 2064 г.;
- 2) снизить давление современного образа жизни на здоровье человека;
- 3) экономического роста в условиях все увеличивающегося дефицита главного ресурса любой экономики – рабочих рук.

Образ будущего в области автоматизации – один из наименее определенных. Илон Маск придерживается радикальной точки зрения: массовые автомобили без водителя, заменяющие и такси, и иной общественный транспорт, человекоподобные роботы-универсалы, способные заменить существенную часть современных работников. В силу этого он постулирует необходимость социальных трансформаций, таких как введение либо

уменьшенного рабочего дня, либо безусловного базового дохода (Sheffey 2021). В последних тезисах близок к нему и Джек Ма. Но увидим ли мы подобное радикальное преобразование экономики, или эти прожекты так и останутся лишь ожиданиями и надеждами, как это уже произошло в случае энтузиазма в отношении робототехники в середине XX в.?

Будущее приватности в эпоху новых технологий и идеи социального рейтингования

Будущее приватной сферы и идеи социального рейтингования в новой технологической реальности являются одними из наиболее обсуждаемых и проблематичных вопросов в среде публичных интеллектуалов. Данная проблематика дебатруется среди представителей IT-корпораций, ей уделяется внимание в отчетах ведущих экспертно-аналитических центров, она описана в художественной литературе и представлена в сериалах. Публичные высказывания и прогнозы о будущем приватности ведущих экспертов в сфере современных технологий представляют особый интерес в рамках настоящего исследования, так как именно эта интеллектуальная группа находится в авангарде технологических инноваций и лучше всего чувствует происходящие изменения. Образы будущего, связанные с новыми технологическими инновациями, детально прорабатываются в современных кино и сериалах, которые, ориентируясь на хорошо понимаемый запрос массового зрителя, лучше всего передают «дух времени», а команды, работающие над их созданием, реализуют в своей продукции визионерский потенциал, опираясь на экспертное знание по самому широкому кругу вопросов. Как отмечают современные исследователи, над созданием кино и сериалов для стриминговых платформ сегодня работает несколько десятков экспертов, что качественно отличает этот продукт от книги (Хитров 2021), которая, впрочем, по-прежнему остается важным медиумом трансляции образов будущего.

Один из наиболее значимых современных интеллектуалов Германии – философ и теоретик культуры южнокорейского

происхождения Бьюн-Чул Хан, чьи книги переведены более чем на 20 языков, обращает пристальное внимание на происходящие технологические трансформации. В своей книге «Прозрачное общество», в котором важнейшую роль играют IT-корпорации и потребители их продукции, он описывает современное общество как общество, стремящееся к максимальной прозрачности, — это «системное принуждение, схватывающее все общественные процессы и подвергающее их глубинному изменению» (Бьюн-Чул Хан 2014, 8). Эта тенденция прослеживается в сфере решений исполнительных органов власти, в рекомендациях общественных советов, осуществляющих контроль на уровне гражданского общества, и в требованиях некоммерческих организаций. Как пишут специалисты в сфере проблем транспарентности Винсент Август и Фран Осречки: «Прозрачность стала общепризнанным средством решения проблем <...> и ориентирована на самые разные виды организаций, такие как газеты, больницы, центральные банки или университеты» (August, Osrecki 2019, 1). Запрос на прозрачность свидетельствует о недоверии по отношению к государству и крупному бизнесу со стороны гражданского общества. По мнению Хана, в обществе, реализовавшем эти требования, политика станет невозможна, так как она подразумевает стратегический характер действий, которые требуют «покрова тайны».

В прозрачном обществе тотального контроля исчезает привычное для бентамовского паноптикума различие между центром и периферией, в нем «каждый контролирует каждого» (Бьюн-Чул Хан 2014, 55) и отсутствует доверие к другому. Социальные сети и мессенджеры способствуют атомизации общества, в котором, по мнению Хана, затруднена организация сообществ — вместо них появляются индивидуализированные группы, ориентированные на приверженность брендам (Бьюн-Чул Хан 2014, 57). Прозрачное общество — позитивное общество, где не допускается проявление негативных чувств: «Любовь одомашнивается и позитивизируется в формате комфорта и потребления. Следует избегать какого бы то ни было ущерба. Страдание и страсть — это фигуры негативности» (Бьюн-Чул Хан 2014, 12). Этому можно найти подтверждение в политике социальных сетей, принадлежащих компании Meta. В Facebook по-прежнему отсутствует реакция

«Dislike», и только последние несколько лет в Instagram ведутся эксперименты по отказу от указания точного количества людей, поставивших «I like» к публикациям отдельных популярных пользователей. Общество всеобщей позитивности ориентировано на избегание негативных реакций: последние приводят к коммуникативному сбою, препятствующему развитию гиперкоммуникации. Культурная критика общества позднего модерна не нова, и Хан следует здесь традиции, заложенной Вальтером Бенямином и его наиболее цитируемым эссе «Произведение искусства в эпоху технической производимости», на которое автор «Прозрачного общества» неоднократно ссылается. Современное общество, ориентированное на публичную демонстрацию себя другим в социальных сетях, порнографично, подробности приватной жизни стремятся здесь к обнажению и экспонированию: «В них нет никакой подавленности (*Gebrochenheit*), что могла бы запустить рефлексию, пересмотр, осмысление» (Бьюн-Чул Хан 2014, 19). Особенная опасность, по мнению Хана, в процессе развития социальных сетей и появления метавселенных заключается в том, что уже сегодня повседневные ритуалы и церемонии, требующие длительной подготовки, вымываются как препятствующие ускорению коммуникации. Первый эпизод сериала «Черное зеркало» — «Национальный гимн» — является, пожалуй, хорошей иллюстрацией возможных побочных последствий того типа общества, который описывает Хан.

Лидерам IT-компаний свойственно говорить о технорационалистическом образе будущего, связанном с фундаментальными трансформациями сферы приватности и изменением роли персональных данных. В 1999 г. Скотт МакНил, главный исполнительный директор известной компании Sun Microsystems, на мероприятии, посвященном запуску новой технологии, заявил группе репортеров и аналитиков, что у них «все равно нет никакой приватности» и что непрерывное развитие технологий только катализирует риски раскрытия подробностей частной жизни рядового пользователя: им нужно «смириться с этим» («*You have zero privacy anyway. Get over it*» — Mcnealy 1999). В 2010 г. в интервью TechCrunch Марк Цукерберг высказался еще более радикально, констатируя «смерть приватности» («*Privacy is dead*») в комментарии к неоднозначному

решению изменить настройки конфиденциальности 350 миллионов пользователей Facebook (Chan Ling Chi 2014).

В этом же году бывший генеральный директор Google Эрик Шмидт публично сформулировал один из основных подходов при сборе данных крупными IT-корпорациями: «С вашего разрешения вы предоставляете нам больше информации о себе, о ваших друзьях, и мы можем улучшить качество наших поисковых запросов. Нам вообще не нужно, чтобы вы печатали. Мы знаем, где вы. Мы знаем, где вы были. Мы даже можем более или менее неплохо знать, о чем вы думаете» (Saint 2010). Подобного рода заявления не могут не вызывать беспокойства у отдельных людей и разного рода организаций.

Технопессимистичный образ будущего, связанный с концом приватности и появлением общества полной транспарентности, неоднократно описан в научно-фантастических романах и нашел отражение в кино и сериалах. Написанный в 1920-е гг. роман «Мы» Евгения Замятина во многом предвосхищает более поздние антиутопические произведения, среди которых следует упомянуть роман «1984» Джорджа Оруэлла (1949), интерес к которому возрос во время пандемии COVID-19, и актуальный роман Дэйва Эггерса «Сфера» (2013). В произведении Замятина действие происходит в XXXII в. в тоталитарном обществе, где личность идентифицируется номерами и буквами, а государство строго контролирует интимную сферу. Стоит привести отрывок из произведения *in toto*, так как именно этот образ тотальной прозрачности будет позднее растиражирован в художественной литературе, кино и сериалах: «Через час должна прийти милая О. Я чувствовал себя приятно и полезно взволнованным. Дома — скорей в контору, сунул дежурному свой розовый билет и получил удостоверение на право штор. Это право у нас — только для сексуальных дней. А так среди своих прозрачных, как бы сотканых из сверкающего воздуха, стен — мы живем всегда на виду, вечно омываемые светом. Нам нечего скрывать друг от друга. К тому же это облегчает тяжкий и высокий труд Хранителей. Иначе мало ли бы что могло быть. Возможно, что именно странные, непрозрачные обиталища древних породили эту их жалкую клеточную психологию. „Мой (sic!) дом — моя крепость“ — ведь нужно же было

додуматься!» (Замятин 1929, 17). В этом отрывке выразительно показана тотальная транспарентность «среди своих, как бы сотканых из сверкающего воздуха, стен», где за соблюдением порядка следят Хранители, что вполне соответствует модели паноптикума и антиутопическому образу будущего, характерному для первой четверти XX в., когда был написан роман. Отметим также сходство романа Замятина с описанием «прозрачного общества» у Хана: «Конститутивное для бентамовского паноптикума различие между центром и периферией исчезает вовсе. Дигитальный паноптикум обходится без какой бы то ни было перспективистской оптики. <...> А перспективное просвечивание является более действенным, чем перспективистский надзор, поскольку теперь высвечивание проводится со всех сторон, отовсюду и даже каждым» (Бьюн-Чул Хан 2014, 53).

В романе «Сфера» Дэйва Эггерса действие происходит в близком будущем XXI в., когда потребность в Хранителях и прозрачных стенах исчезает, потому что люди, используя современные технологические решения, сами начинают открыто делиться подробностями личной жизни с помощью социальных сетей или крохотных камер, которые можно разместить в любом месте. Сконструированный Д. Эггерсом художественный образ будущего соответствует феноменологическому описанию современного общества Бьюн-Чул Ханом. Остановимся на «Сфере» подробнее, так как Эггерсу удалось создать убедительную проекцию и показать связанные с ним гипотетические, но оттого не менее острые проблемы. Эггерс рисует собирательный образ IT-корпорации (подобной *Google*, *Apple* и пр.), по своему типу напоминающий комфортабельный университетский кампус, на территории которого расположены офисы, жилые помещения и пространства для досуга – библиотека, псарня, ночной клуб и т. п. В «Сфере» не нужно работать 24/7 в неделю, однако сотрудниками HR-отдела осуществляется принудительная интеграция новичков в жизнь микросообществ по интересам, которые формируются на основе данных анкет, заполненных новыми сотрудниками; также требуется обязательная коммуникация во внутренней социальной сети.

В корпорации «Сфера» сформулирована миссия, которая именуется Новым Просвещением: «Необходимо знать обо всех

событиях, происходящих в мире». Для сбора информации со всего мира разработано технологичное решение: крохотная видеокамера, которая, например, может быть размещена на морском побережье для наблюдения приливов и отливов, что может быть полезно, например, рыбакам и любителям серфинга или биологам. Те же крохотные камеры могут быть использованы в личных целях для контроля за маленькими детьми или пожилыми родственниками. Такие камеры могут устанавливаться в политически значимых пространствах (на площадях Тяньаньмэнь в Пекине или Тахрир в Каире), т. е. территориях, где, по мнению инициаторов, потенциально могут нарушаться права человека. Читателю предлагается принять участие в целом ряде этических экспериментов: нужно ли предупреждать об установке крохотных камер престарелых родственников или тяжело больных ради их же блага? Нужно ли сообщать случайным собеседникам, что в прямом эфире идет запись разговора, транслирующаяся на аудиторию в десятки тысяч человек? В романе проговаривается идея максимальной общественной транспарентности: почему бы не отвечать на запрос общества на знание жизни потенциального политического кандидата? Тогда ему придется постоянно иметь при себе видеорегистратор, чтобы никто не мог уличить его в неподобающих поступках — вступлении в сговор с политическими оппонентами, коррупции и т. д. Аналог подобных устройств мы уже сегодня можем наблюдать у полицейских и контролеров в общественном транспорте.

Обратимся к другой важной группе интеллектуалов, оформленной в экспертно-аналитический центр. Например, в Институте Катона (США, 4-е место в рейтинге самых влиятельных «мозговых центров» в мире, политические взгляды: либертарианство) уделяют пристальное внимание влиянию технологий на приватность, — эта тема особенно интересует либертарианские *think tanks*, отстаивающих неприкосновенность частной жизни. Озабоченность вопросами приватности усилилась во время пандемии COVID-19, которая закрепила зависимость американцев от онлайн-сервисов (Symons 2018). Отдельный интерес уделяется «интернету вещей», т. е. бытовой технике, подключенной к интернету, а также автомобилям или медицинским приборам,

синхронизированным с мобильным телефоном или компьютером, передающим данные о потребляемых продуктах, медицинских показателях, передвижениях и т. п. Они, согласно подобной ценностной и политической перспективе, имеет крайне высокую степень уязвимости и в будущем представляют угрозу для безопасности личных данных миллионов пользователей. Ведущий исследователь организации *Decode*, финансируемой Европейской комиссией, Том Саймонс, указывает на следующие базовые проблемы, связанные с персональными данными и приватностью, на которые следует обратить внимание уже сегодня (*Defending Digital Privacy 2022*):

- 1) люди потеряли контроль над своими данными. Это означает не только эрозию частной жизни и автономии. Это также негативно влияет на персональную безопасность людей в интернете;
- 2) большая часть данных сегодня контролируется монополиями (*Google, Amazon, Uber, Facebook* и т. п.). Это делает данные недоступными для тех, кто хочет создавать технологические решения и услуги для общественного блага;
- 3) монополизация данных чревата экономической неэффективностью и неравенством, что угрожает подрывом доверия между гражданами, государственными учреждениями и компаниями;
- 4) современная цифровая экосистема сильно фрагментирована и разрознена. Подобная фрагментация делает данные неуправляемыми, и конечные пользователи в итоге теряют контроль над ними.

Саймонс предлагает следующий набор мер в сфере приватности и защиты данных, который позволит реализовать позитивный сценарий использования баз данных в будущем:

- 1) суверенитет данных — расширение прав и возможностей людей контролировать свои данные;
- 2) создание общего доступа к данным — возможность делиться персональными данными для общего блага;
- 3) приватность, инкорпорированная в дизайн, — т. е. возможность делиться минимальным числом данных при онлайн-взаимодействии;

- 4) переосмысление функции данных — данные должны представлять ценность для общества;
- 5) новая интернет-экономика — набор открытых протоколов для создания новых бизнес-моделей в интернете (Defending Digital Privacy 2022).

Тотальное социальное рейтингование — один из компонентов образа будущего, вокруг которого существует множество мифов и домыслов, подпитываемых СМИ и социальными сетями. Учитывая увеличивающееся с каждым годом население Китая и Индии, неудивительно, что именно эти страны стали пионерами в экспериментировании с системами гражданского рейтингования. Страх перед китайской системой социального рейтинга (далее — ССР) у современных исследователей и интеллектуалов связан с готовностью государства в будущем реализовать межведомственное взаимодействие и кроссплатформенное решение для обмена данными в рамках государственно-частного партнерства (Ding, Yuhao Zhong 2020). Эти тревоги небезосновательны. Например, по данным китайского Национального центра общественной кредитной информации, к концу 2018 г. китайские суды 17,5 млн раз запрещали потенциальным путешественникам покупать авиабилеты, а граждане, внесенные в черные списки за правонарушения в сфере социального рейтингования, были лишены возможности купить билеты на поезд 5,5 млн раз (Куо 2019).

ССР существует с 2014 г.: это эксперимент, в рамках которого реализуется интеграция различных техник по формированию репутации в государственных учреждениях, в бизнесе, правовой системе, медицинских учреждениях, а также в области экологии и других сфер деятельности. Участие в системе рейтингования добровольное и основано на системе мотиваций, а не штрафов, в них не вовлекается все население Китая, ССР работает только в отдельных муниципалитетах в ограниченных масштабах. Основная идея введения механизмов социального рейтингования — переход от экспертных моделей управления к алгоритмическому управлению²².

²² Наиболее емкое и последовательное описание китайской системы социального рейтингования представлено в материале исследователя Дрю Доннели (Donnelly 2022).

Рейтинговые системы широко распространяются в различных сферах, потому что создают в сложном и полном неопределенности обществе систему ориентиров, которые позволяют обезопасить население от непредсказуемых последствий при принятии тех или иных решений. Позиция социолога Елены Эспозито, ученицы Никласа Лумана, и ее соавтора Дэвида Старка в оценке рейтинговых систем является аффирмативной, что отличает работы этих исследователей от технопессимистичных прогнозов, которые мы встречаем у Бьюн-Чул Хана или Шошанны Зубофф (см. ниже). Эспозито и Старк указывают на то, что любые рейтинги являются крайне утилитарными и упрощают сложный и неоднородный характер нашей современности, сводя ее к «одномерной количественной метрике, которая резко снижает качественную сложность явлений и игнорирует их локальный, культурный и социальный контекст» (Esposito, Stark 2019, 4). Несмотря на то что рейтинги не могут предсказывать будущее, они активно способствуют его формированию. Будущее зависит от того, какой выбор будет осуществлен, поэтому рейтинги позволяют сделать выбор в условиях «ограниченной неопределенности» (Esposito, Stark 2019, 13).

Профессор Гарвардского университета Шошанна Зубофф является широко известной исследовательницей влияния технологий на современное общество, ее книги переведены более чем на 20 языков. Пионерский труд Зубофф «В эпоху умных машин: будущее работы и власти» (1988) стал одной из первых работ, где были описаны социальные и экономические последствия внедрения компьютеров в производственные процессы и появление нового типа контроля. Уже в конце 1980-х гг. она зафиксировала важный цивилизационный переход в обществе модерна: «Компьютерные технологии не являются нейтральными; они воплощают в себе существенные характеристики, которые неизбежно изменяют характер работы на наших заводах и в офисах, а также среди рабочих, специалистов и менеджеров» (Zuboff 1988, 7).

В своей последней книге «Эпоха надзорного капитализма» (2019) Зубофф квалифицирует новейший этап становления модерна — слияние капитализма с цифровыми технологиями — как «надзорный капитализм», претендующий «на человеческий опыт

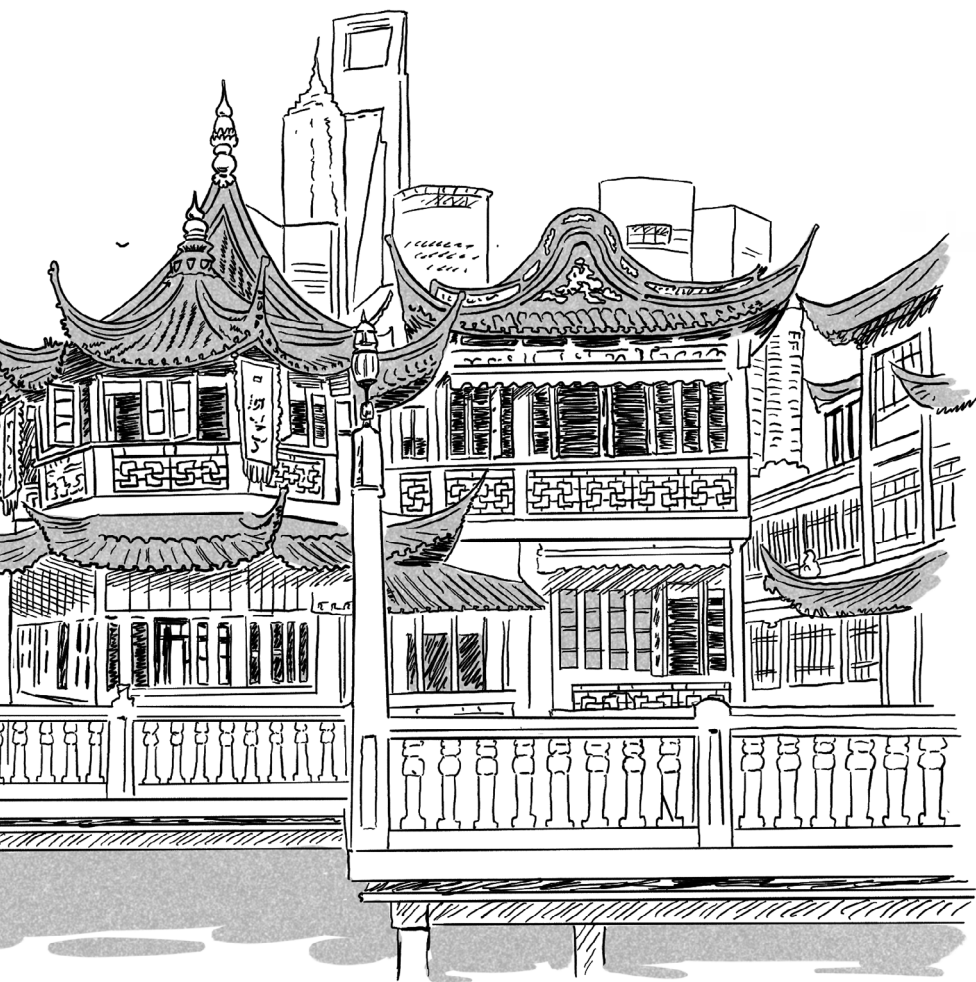
как на сырье, доступное бесплатно для скрытого коммерческого извлечения, прогнозирования и продажи» (Зубофф 2022, 10), называет надзорный капитализм «Большим Другим», понимая под этим распространение систем рейтингования, поисковых систем и в целом любых программ, которые способны вычислять и изменять поведение человека (Зубофф 2022, 490). Какой бы пугающей ни была китайская система социального рейтингования, Зубофф указывает на то, что в остальном мире на месте частно-государственного партнерства, установившегося в Китае, множатся глобальные системы рейтингования, которым миллионы людей ежедневно передают свои данные по собственной воле: «Нас оценивают *Uber*, *eBay*, *Facebook* и многие другие веб-компании, и это только те рейтинги, которые мы видим. Китайским пользователям присваивается балл за «поведение», тогда как правительство США призывает технические компании обучать алгоритмы ставить баллы за «экстремизм». В этом и состоит задача теневого текста — оценивать, классифицировать и прогнозировать наше поведение миллионами разных способов, о которых мы не можем знать и которым не можем противостоять — это уже наши цифровые досье. Если уж говорить о кредитных рейтингах, американские и британские банки и компании, предоставляющие финансовые услуги, разработали массу бизнес-моделей, основанных на извлечении и анализе данных социальных сетей для оценки кредитоспособности» (Зубофф 2022, 512).

В Индии с 2009 г. государственным агентством *Unique Identification Authority of India (UIDAI)* реализуется проект *Aadhaar*, в рамках которого для всех граждан Индии на основе демографических и биометрических данных генерируется единый двенадцатизначный идентификационный номер, который можно получить добровольно. Цель проекта — минуя социальную принадлежность и возможные коррупционные схемы, предоставить прямой доступ к государственным услугам и социальной инфраструктуре. Благодаря IT-надстройке *India Stack* и государственно-частному взаимодействию к этой системе удалось подключить множество стартапов, которые способны использовать данные граждан (электронные версии документов, подписи и т. д.) для принятия решений о приеме на работу, выдаче кредита и т. п.

Мэтью Фини из Института Катона объясняет радикальное неприятие введения дополнительных идентификационных номеров в США, комментируя одну из таких инициатив в Венесуэле: «Нам в США неведом тот масштаб слежки, который существует в Венесуэле или Китае. Тем не менее мы должны сохранять бдительность в отношении призывов к увеличению объемов сбора данных и созданию национальных систем идентификации, которые ставят под угрозу нашу частную жизнь, — особенно к тем призывам, которые делаются под предлогом обеспечения иммиграционного контроля и борьбы с терроризмом. Если оставить эти предложения по идентификации личности без внимания, они приведут к ограничению свободы передвижения и выбора работы, а также к раскрытию властям большего количества подробностей нашей частной жизни» (Feeney 2018).

Как мы уже отмечали, выразительнее всего общественные страхи по поводу подобных перспектив будущего артикулируют эксперты, работающие над созданием сериалов. В одной из серий «Черного зеркала» (сезон 3, эпизод 1) люди могут ставить друг другу оценки от 1 до 5 в реальной жизни, что приводит к различным социальным эффектам: сегрегации, атомарности и т. д. Антиутопический образ будущего в «Черном зеркале» показывает, каким образом государство и крупные корпорации могут контролировать приватную сферу жизни индивида: строго говоря, активный пользователь социальных сетей и всевозможных сервисов сам активно включается в процесс экспонирования своей частной жизни, поддерживая механизм социального рейтингования. В заостренном алармистском ключе эти эффекты, проявившиеся во время пандемии COVID-19, не раз артикулировали ведущие европейские интеллектуалы, такие как Дж. Агамбен (Agamben 2020).

КИТАЙ

Владимир Картавец

Си Цзиньпин стал Генеральным секретарем ЦК КПК 15 ноября 2012 г. Вскоре после этого он посетил Национальный музей Китая, где в то время проводилась выставка под названием «Путь к национальному возрождению» («*Road to National Rejuvenation*»). В ходе визита Си Цзиньпин произнес речь, в которой впервые в рамках своих публичных выступлений употребил выражение «Китайская мечта», ставшее одной из основных идеологием его правления. Суть этой идеологии была сформулирована тогда же: китайская мечта, по мнению генсека, на данном историческом этапе развития страны заключается в «великом возрождении китайской нации» (中华民族伟大复兴) (Graham 2017).

Многие наблюдатели — как внутри Китая, так и за его пределами — попытались по горячим следам истолковать слова Си Цзиньпина более конкретным образом, рисуя тот образ будущего, который, с их точки зрения, наилучшим образом отвечает реализации китайской мечты. Мнения на этот счет, естественно, разделились, а мечтательность, во всяком случае, во внутрикитайском контексте, обрела черты политического действия.

С 2012 г. прошло 10 лет, однако споры о том, что представляет собой китайская мечта, не утихают. Во многом это происходит потому, что процесс «национального возрождения» неизбежно выходит за рамки национального контекста: Китай является одним из важнейших игроков на мировой арене, и то будущее, которое он готовит для себя, с неизбежностью придется разделять и другим странам.

Китайские интеллектуалы

Начиная с 1990-х гг. и по сей день группа канадских ученых, представленная в первую очередь Тимоти Чиком, Дэвидом Оунби и Джошуа Фогелем, в соавторстве с сотрудниками и студентами ряда китайских университетов ведет лонгитюдный проект

«*Reading and Writing the Chinese Dream*», призванный картировать воображение китайских интеллектуалов о сценариях будущего.

В одной из суммирующих публикаций исследователи следующим образом определяют тех, кто попал в фокус их исследования: «Объектами нашего изучения являются академические публичные интеллектуалы – ученые, которые решили использовать свои специальные знания и статус для участия в общественной дискуссии о китайской мечте. Историки из их числа заново изучают прошлое Китая с тем, чтобы выявить темы, практики, забытые традиции и упущенные возможности, которые могли бы заполнить пустоту в основе нынешней политической / культурной идентичности Китая и помочь создать его будущее. Социологи, политологи и философы пытаются найти модели и использовать традиции для решения текущих проблем <...>. Голоса академических публичных интеллектуалов являются ключевыми в борьбе за определение образа Китая» (Cheek, Ownby, Fogel 2018, 110).

Типология китайских публичных интеллектуалов, взятая на вооружение Чиком, Оунби и Фогелем, базируется не только на дисциплинарном принципе. В первую очередь, в ее основу положены мировоззренчески-политические установки китайских авторов, что позволяет разделить всю их совокупность на три относительно устойчивые группы: либералов, новых левых и неоконфуцианцев.

Либералов из числа китайских публичных интеллектуалов канадские исследователи определяют как тех, кто «за счет написания книг и публикации статей на своих сайтах пытаются добиться либерализации общественного порядка менее революционными [чем радикальные либералы-диссиденты] способами, работая внутри системы, исследуя забытые либеральные традиции Китая, критикуя нелиберальные практики в современном китайском обществе <...>. Они стремятся сделать Китай по-настоящему современным вопреки очевидному наличию репрессивных традиций, укорененных как в классическом, так и в коммунистическом периодах китайской истории» (Cheek, Ownby, Fogel 2018, 111).

Новые левые «включают в себя интеллектуалов, провозглашающих социалистические идеи эгалитаризма и социальной

справедливости. Многие из их числа более благосклонно, чем либералы, относятся к революционному и маоистскому наследию Китая и воспринимают свою политическую и научную деятельность в качестве средства решения проблем неравенства и коррупции, которые стали побочными результатами быстрого экономического роста Китая. Они критикуют евро-американский неолиберальный экономический порядок, а иногда и китайское правительство — за то, что оно недостаточно левое. Некоторых из них привлекает идеология «чунцинской модели» (которая продолжает существовать, несмотря на обвинительный приговор в адрес Бо Силая, ее основного пропагандиста). В рамках «чунцинской модели» объединяются государственное регулирование экономики, полицейское подавление преступности и коррупции, а также ностальгический маоистский популизм, целью чего заявляется улучшение жизни китайских рабочих и крестьян, которые, с точки зрения новых левых, не получили достаточных выгод от развития китайского рыночного социализма. Так или иначе, новые левые хотели бы видеть Китай по-настоящему революционной альтернативой неолиберальному миру» (Cheek, Ownby, Fogel 2018, 112).

Неоконфуцианцы «убеждены, что будущее Китая (и всего мира) заключается в возрождении (или переосмыслении) конфуцианского наследия Китая. Они утверждают, что движение Китая в XX в. навстречу западным культурным образцам было ошибочным, поскольку ни либерализм, ни марксизм никогда не смогут быть в достаточной степени адаптированы под китайский образ жизни. Опираясь на понятия культурной исключительности («Китай — другой»), эти интеллектуалы считают, что конфуцианская традиция «благотельного правления» может быть обновлена, чтобы обеспечить необходимую легитимность авторитарному стилю китайской власти. С их точки зрения, правление должно быть основано на принципах моральной меритократии, что позволит государству функционировать в качестве подлинно благотельной диктатуры <...> такая позиция органично вырастает из осмысления китайской истории и заключается в восстановлении традиционной конфуцианской иерархии, разрушенной столетием революционных преобразований» (Cheek, Ownby, Fogel 2018, 112).

Естественно, три эти группы следует воспринимать в качестве идеальных типов. Не все китайские интеллектуалы относят себя к либералам, новым левым или новым конфуцианцам. В китайской общественной среде существуют еще как минимум два идеологических направления: неоавторитаризм (или новый консерватизм), исповедуемый, например, Сяо Гунцинем и Ван Хунином, и демократический социализм, олицетворяемый идеями Се Тао.

Многие идеи, отстаиваемые различными китайскими интеллектуалами, связаны с более крупными политическими, социальными и интеллектуальными проектами: новые конфуцианцы, как правило, стремятся основывать образовательные и исследовательские учреждения, а также создавать различные неправительственные организации; новые левые часто работают в аналитических центрах при штабах тех политиков, чьи идеалы они разделяют; либералы, в свою очередь, ищут партнерства с западными университетами и учеными, чтобы использовать их культурный капитал для наращивания собственного влияния внутри китайского общества.

Либералы

Цинь Хуэй — историк, один из ведущих публичных интеллектуалов в Китае. Большую часть своей карьеры он проработал в престижном университете Цинхуа в Пекине. В начале своей научной деятельности он занимался сельскими исследованиями и исследованиями крестьянства, однако за последние два десятилетия опубликовал множество работ на различные темы, касающиеся социальной справедливости, традиционной китайской культуры, глобализации и т. д.

Цинь Хуэй — независимый либерал. В последние годы, когда Си Цзиньпин попытался восстановить дисциплину в академической интеллектуальной жизни, многие темы, связанные с Китаем, которые раньше активно обсуждались, стали запретными, и Цинь Хуэю пришлось сосредоточиться на изучении глобальных мировых проблем.

Одна из последних работ Цинь Хуэя — большая статья под названием «Дилеммы глобализации XXI века: объяснения и решения, с критикой «Капитала в XXI веке» Тома Пикетти» (Hui 2015). Под предлогом критики книги Пикетти Цинь Хуэй предлагает свое собственное прочтение судьбы «капитализма» и «социализма» в условиях глобализации и утверждает не только то, что аргументы Пикетти ошибочны, но и то, что западные дебаты между левыми сторонниками Пикетти и его правыми противниками служат исключительно для того, чтобы отвлечь Запад от потенциально фатальных последствий китайского вызова как социализму, так и капитализму.

Цинь Хуэй отвергает практически все аргументы Пикетти. По его мнению, источником неравенства, затрагивающего развитие экономики, является Китай, который воспользовался силами глобализации, чтобы подорвать основы послевоенного западного процветания. Аргумент прост: когда Китай присоединился к мировой экономике в эпоху реформ и открытости, капитал хлынул на его рынок, что стало возможным благодаря низкой ставке оплаты труда и несоблюдению прав человека, т.е. стремлением государства к развитию любой ценой (конфискация земель, подавление прав трудящихся, эксплуатация рабочих-мигрантов и т.д.).

Со временем Китай стал «мировой фабрикой», производящей качественные товары по низким ценам. Несмотря на избыток капитала и нехватку трудовых ресурсов, китайское правительство поддерживает сложившийся статус-кво, отдавая прибыль в долг развитым экономикам. Этот совокупный долг, накапливаясь, усиливает кризис в западных странах, правительства которых пытаются обеспечить должный уровень социального обеспечения растущему числу безработных среди своих граждан, причем делается это, несмотря на падение налоговых поступлений.

По мнению Цинь Хуэя, и западные левые, и западные правые игнорируют явную опасность, исходящую от Китая, экономика которого, являясь полностью интегрированной в мировую, разрушает послевоенное процветание Запада за счет систематической эксплуатации собственного народа. Этот тренд, по мнению автора, будет во многом определяющим для развития процессов глобализации в XXI в.

Другой видный представитель либерального лагеря публичных китайских интеллектуалов — **Сунь Липин**, профессор социологии в Университете Цинхуа (сейчас на пенсии). В рамках своей деятельности в качестве публичного интеллектуала Сунь Липин активно публикует сообщения в своем канале в социальной сети WeChat, обычно анализируя актуальные общественные и политические вопросы с точки зрения долгосрочной социологической перспективы.

С февраля этого года Сунь Липин активно высказывается на тему конфликта между Россией и Украиной. В одной из своих последних статей (*Liping*) он предупреждает, что итоги конфликта на Украине могут существенно осложнить дальнейшее развитие Китая в качестве глобального игрока. Причиной этого обстоятельства является тот факт, что, с точки зрения автора, мировой альянс развитых экономик, противопоставивший себя России с началом СВО, по итогам конфликта не распадется, а возьмет на себя иные функции, связанные в первую очередь со сдерживанием Китая. Именно поэтому, считает автор, Китаю не следует увлекаться поддержкой Российской Федерации в ее противостоянии с западным миром.

Развитие технологий и их применение (сейчас и в будущем) для контроля за общественным поведением — еще одна тема, которая беспокоит либеральных китайских авторов. В последние годы развитие технологий искусственного интеллекта в Китае часто связывают с созданием «цифрового концлагеря» в Синьцзян-Уйгурском автономном округе и усилиями по отслеживанию населения в общенациональных масштабах в связи с коронавирусными ограничениями. С другой стороны, в более широком контексте разработки в области искусственного интеллекта играют важную роль как в стратегии «Китай 2025» — масштабном плане превращения страны в глобальный постиндустриальный инновационный центр, — так и в усилиях по переосмыслению системы национального образования на базе ИИ.

Один из последних текстов профессора права из Университета Цинхуа Лао Дунъянь (*Dongyuan*) посвящен критике предложения установить технологию распознавания лиц в системе пекинского метро, необходимой, по словам ее разработчиков,

для повышения эффективности управления пассажиропотоками. С ее точки зрения, подобные практики отражают тревожный тренд современности в области технологического развития, заключающийся, с одной стороны, в том, что технологии действительно могут упростить повседневную жизнь обитателей развитых мегаполисов, а управление этими городами сделать более эффективным, однако, с другой стороны, эти же технологии, развиваясь вне общественного контроля, лишат граждан права на приватность и сделают их жизнь полностью подконтрольной государственным институтам.

Новые левые

Интеллектуалы из среды новых левых так же, как и некоторые из их коллег из лагеря либералов, обеспокоены проблемами глобального развития в XXI в.

Яо Ян, профессор Китайского центра экономических исследований и декан Национальной школы развития Пекинского университета, — ученый и плодовитый писатель, опубликовавший множество работ на различные темы на китайском и английском языках. В 2009 г. он получил высшую награду Китая в области экономики — премию *Sun Yefang Economics Award*, в 2008 и 2010 гг. — премию *Pu Shan Award* в области международной экономики и также в 2008 г. — премию *Zhang Peigang Award* в области экономики развития.

В своем интервью для «Пекинского культурного обозрения» Яо Ян отвечает на ряд вопросов о возможности «новой холодной войны», которая развивается в силу напряженности между Китаем и остальным миром, порожденной (или усугубленной, если брать иную точку отсчета) появлением и развитием коронавирусной инфекции (Yang 2020). Яо Ян считает крайне вероятным, что новая идеологическая холодная война действительно грядет и что западные державы организуют совместную атаку на «китайскую систему», чтобы найти виновных в коронавирусном кризисе.

Яо Ян полагает, что подобное развитие событий является абсолютно несправедливым, однако призывает своих

коллег — китайских ученых вместо того, чтобы заниматься обличениями Запада, подготовить очередное издание «Белой книги» с честным изложением того, что произошло в течение нескольких недель после первоначального обнаружения вируса. По его мнению, идеологическая фиксация Запада на демократических и авторитарных системах является корнем проблемы, и он, по сути, призывает Китай перестать считать себя коммунистическим и снова начать видеть себя конфуцианским (хотя и отмечает, что это легче сказать, чем сделать), чтобы представители гражданского общества могли обсудить, какие именно меры по борьбе с вирусом работают, а какие — нет.

Яо Ян с грустью отмечает, что потерял всякую веру в американские СМИ (он защитил докторскую диссертацию в США, в Университете Висконсин-Мэдисон) и что Трампу удалось настроить практически все американское общественное мнение против Китая. В этом вопросе с Яо Яном трудно не согласиться, хотя Си Цзиньпин и его дипломаты тоже внесли свой вклад в ухудшение китайско-американских отношений.

Несмотря на свой фатализм, Яо Ян сохраняет оптимизм в отношении будущего китайской экономики, утверждая, что политическая и экономическая логика вполне могут разойтись в постпандемическом мире. Другими словами, хотя Запад может осуждать Китай за его авторитарную систему, те, у кого есть деньги для инвестиций и продукция для производства, способны сознавать, что Китай остается хорошим местом для ведения бизнеса, несмотря на все западные заявления об экономическом национализме.

Важно отметить, что прогноз Яо Яна о грядущей «холодной войне» между Китаем и Западом перекликается с прогнозом Сунь Липина, приведенным выше: оба автора исходят из того, что западное общество априори настроено по отношению к Китаю как к сопернику в XXI в., с той разницей, что Яо Ян считает триггером будущего глобального противостояния события пандемии, а Сунь Липин — позицию Китая по отношению к ситуации на Украине.

Помимо особенностей и перспектив будущего глобального противостояния, другим вопросом, который занимает китайских

публичных мыслителей, является трансформация способов государственного управления в текущем столетии. Китай в этом смысле является локомотивом мировой дискуссии, так как страна имеет опыт быстрых и неоднозначных общественных преобразований, связанных с прагматичным подходом к идеологическим догмам, олицетворением чего является концепция «социализма с китайской спецификой», реализация которой позволила социалистическому Китаю с успехом встроиться в глобальную капиталистическую экономику. Кризис западной модели демократии нашел свой отклик и в китайских дискуссиях.

Ван Хуэй – самый известный представитель китайских новых левых, профессор китайского языка и литературы в Университете Цинхуа в Пекине, который, несмотря на свою дисциплинарную принадлежность, высказывается по самому широкому кругу вопросов, включая историю, философию, геополитику и экономику, а также литературу.

Его текст «Экономика возрождающегося Китая» (Нси 2018) свидетельствует о важной эволюции мысли новых левых в целом: за последнее десятилетие они в значительной степени отказались от своей критической позиции по отношению к китайской политической экономике и китайскому государству и стали активными сторонниками нынешнего режима и его политики. Два факта, которые побудили Ван Хуэя и новых левых в целом изменить свое мнение, – это подъем статуса Китая до уровня великой державы (и одновременный упадок Запада, с их точки зрения), а также восхождение Си Цзиньпина на пост Генерального секретаря КПК.

Возвышение Китая до статуса великой державы дало возможность мыслителям этого лагеря всерьез говорить о существовании «китайской модели» экономики и государственного управления. Логика проста: если «китайская модель» является реальностью, то гегемония неолиберализма как наиболее эффективной модели развития общества подорвана. В свою очередь, вашингтонский консенсус и догматика Чикагской школы экономики свободных рынков больше не являются универсальными парадигмами. Кроме того, правлению Си Цзиньпина, судя по всему, сопутствует твердое убеждение, что социализм будет оставаться важнейшей частью китайской мечты, даже если то, что генсек подразумевает

под социализмом, не совсем очевидно. Учитывая все это, текст Ван Хуэя следует рассматривать как попытку сформулировать новое понимание прошлого, настоящего и будущего Китая в свете заката неолиберальной догмы.

Успех Китая, настаивает Ван Хуэй, в первую очередь связан с достижением суверенитета, который позволил Китаю следовать своим собственным путем, несмотря на давление гегемоний слева и справа. Во-вторых, Ван Хуэй настаивает на том, что политическая история коммунистического движения в Китае должна рассматриваться не как история фракционной борьбы, а как серия теоретических дебатов, разрешаемых через «практику». В-третьих, Ван Хуэй приводит доказательства того, что руководство Китая, закончив свои «заигрывания» с неолиберализмом, повернулось лицом к народу. Конкретно это относится к ряду реформ, которые обычно ассоциируются с периодом Ху-Вэнь: решение «трех сельских вопросов», реформа здравоохранения, реформа системы государственных предприятий и т. д. Эти меры свидетельствуют об обновленной приверженности социализму, а в сочетании с компетентностью, проявленной режимом в переговорах по преодолению финансового кризиса 2008 г., дают надежду на реализацию компетентного, национально-ориентированного правления и в будущем.

Ван Хуэй сохраняет критический настрой и не объявляет о создании какой-то новой парадигмы общественного управления. Вместе с этим он считает, что Китай должен отказаться от экономики, ориентированной на экспорт, и создать возможности для развития внутреннего рынка. Кроме этого, Китай должен заняться решением своих экологических проблем, которые одновременно являются глобальными проблемами.

Одним из центральных вопросов, которым задается Ван Хуэй, является вопрос о том, какая демократия должна получить распространение в Китае в XXI в. В своих работах он утверждает, что неолиберальная демократия совсем не демократична по своей сути и в связи с этим утратила статус ориентира развития для других стран, во всяком случае, для великих держав, которые в состоянии проводить собственную политику развития.

Неоконфуцианцы

Не только представители новых левых, но и неоконфуцианцы озабочены вопросом о том, как именно должна эволюционировать система правления в Китае в ближайшем будущем. В своих размышлениях они так же, как и их оппоненты из других политических групп, исходят из представления о том, что система государственного устройства, характерная для ведущих западных экономик, находится в глубочайшем кризисе, и следовательно, ей должны быть противопоставлены жизнеспособные альтернативы.

Текст Чэнь Мина (Ming 2015) является ярким примером аргументации, выдвигаемой в последнее время группой интеллектуалов, известных как «материковые неоконфуцианцы». Добавление прилагательного «материковые» свидетельствует о том, что эта группа сознательно порвала с неоконфуцианцами китайской диаспоры в Гонконге, на Тайване и в США по политическим причинам.

Нематериковые неоконфуцианцы, которые, собственно, и олицетворяли неоконфуцианство как таковое на протяжении большей части XX в., обычно стремились защитить конфуцианство в качестве культурно-специфической философии, совместимой с западными демократическими ценностями. Для них модернизированное конфуцианство должно занять свое собственное место в ряду глобализированных, универсальных ценностей как коммунитарный противовес потенциально разрушительному дискурсу индивидуальных свобод и неограниченных рыночных отношений. Материковые неоконфуцианцы, напротив, отвергают подобный подход и ставят перед собой более амбициозные цели, в частности, заполнение постамаистского идеологического вакуума в основе китайского режима.

Цель текста Чэнь Мина состоит в том, чтобы наполнить конфуцианским содержанием китайскую мечту Си Цзиньпина. Идея о возможности сотрудничества между партией-государством и конфуцианством впервые возникла в 2000-х гг., когда Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао выдвинули концепцию достижения «общественной гармонии» в качестве основной цели правления. Этот подход неоконфуцианцы сочли полностью соответствующим их политическим идеалам и в своих работах значительно

продвинулись в проработке философских оснований концепции «гармоничного» общественного устройства.

Статья Чэнь Мина под названием «Преодолеть противоречия левых и правых, объединить три традиции, обновить партию-государство: конфуцианская интерпретация китайской мечты» предлагает фундаментальное переосмысление современного исторического опыта Китая с целью создания уникального китайского образа мысли и правления, основанного на национализме, а не на универсализме.

Три основных тезиса Чэнь Мина указаны в названии работы. Стремление к преодолению противоречий правого и левого указывает, с одной стороны, на нежелание неоконфуцианцев погружаться в дискуссию о модернизации Китая на основании западных образцов, навязанную китайскими либералами, а с другой — на желание отстраниться от китайского социалистического наследия, особенно в его интернационалистских аспектах и аспектах, связанных с «культурной революцией» Мао Цзэдуна. Чэнь Мин считает, что в процессе преодоления этих «идеологических тупиков» следует исходить из конкретных потребностей китайского народа (нации), а не из абстрактных идей, фундированных дискурсом эпохи Просвещения.

Под «объединением трех традиций» Чэнь Мин подразумевает построение нового исторического нарратива, который объединит опыт империи Цин, Китайской Республики и Народной Республики. Чэнь Мин подчеркивает значимость идеи возрождения китайского народа (нации), которая прослеживается в трудах мыслителей каждой из этих эпох.

Говоря о необходимости «обновить партию-государство», Чэнь Мин косвенно призывает КПК принять дух его предложений.

Двадцать лет назад Чэнь Мин был «либеральным» неоконфуцианцем, который разделял теорию американского антрополога Роберта Беллы о «гражданской религии» и утверждал, что конфуцианство может играть в Китае такую же роль, какую протестантская традиция играет в США. В своих более современных текстах Чэнь Мин, напротив, вторит тезисам материковых неоконфуцианцев первой половины 2010-х гг. Воодушевленные подъемом Китая и явной симпатией Си Цзиньпина к конфуцианским идеям,

такие мыслители, как Чэнь Мин, Цзян Цин, Кан Сяогуан и другие, работали над созданием «политического конфуцианства» (Cheek, Ownby, Fogel 2020), которое, как они надеялись, найдет отклик у нового генерального секретаря и остальной элиты КПК. В данном контексте обращение к конфуцианскому наследию, похоже, служит лишь прикрытием для нового агрессивного извода национализма и идеологии китайской (культурной, цивилизационной) исключительности и по большому счету противоречит духу исторического конфуцианства.

Несмотря на то что многие представители неоконфуцианской школы действительно тяготеют к националистическим взглядам, в этом направлении, особенно среди молодых его представителей, есть и умеренные голоса. Один из них – **Цинь Цзычжун**, молодой ученый, получивший степень доктора философии в Университете Ренмин в 2017 г. В настоящее время он является доцентом Института марксизма Хайнаньского университета и специализируется на изучении неравенства.

Их совместный текст с Яо Яном (Yang, Zizhong 2021) написан в преддверии празднования 100-летия основания Коммунистической партии Китая 1 июля 2021 г.: в нем описывается, как опора на конфуцианство в государственном строительстве может помочь решить проблему неравенства. Неравенство, с точки зрения авторов, – один из центральных вызовов будущего, теоретическая реакция на который необходима для дальнейшей трансформации способов государственного управления, столкнувшихся с кризисом дихотомии левого и правого.

Аргументация авторов текста довольно сложна, но один из основных тезисов в том, что традиционные конфуцианские мыслители предложили значимую альтернативу эгалитаризму, переосмыслив представление об общественной иерархии.

Цинь Цзычжун и Яо Ян стремятся дать отпор современному либерализму и тем радикальным формам западного эгалитаризма, которые породили к жизни политику идентичности. Авторы настаивают на важности для любого общества меритократии и «симметричного равенства». Другими словами, они считают, что общественным идеалом является равенство возможностей и наличие общественной поддержки для тех, кто родился

в неравных с остальными обстоятельствах, однако полагают, что, с другой стороны, если конечной целью политики является «благодетельное правление», то эгалитаризм должен быть ограничен механизмами признания объективных заслуг тех граждан, которые добились успеха на различных поприщах.

Подводя итог, следует отметить, что сумма дискуссий китайских публичных интеллектуалов, озаботившихся помыслить разнообразные образы будущего для своей страны и мира, сводится, несмотря на разницу авторов в их политических устремлениях, к разработке оснований для конкурирующего западному проекту общественного устройства, которое, с их точки зрения, могло бы быть более справедливым, более «благодетельным» и способно было бы стать ответом на основные вызовы времени, связанные в первую очередь с экономическими проблемами глобального мира, распространением и усугублением неравенства, негативными трендами в развитии наиболее изощренных современных технологий, а также с ростом напряженности между основными великими державами.

Несмотря на то что описанные дискуссии редко известны читателям за пределами китайского культурного ареала, они являются во многом системообразующими для будущего устройства мира, что полностью соответствует статусу Китая как страны, претендующей на глобальную гегемонию в XXI в.

ТУРЦИЯ

Артем Космарский

Генезис и общественная роль

Первые интеллектуалы в современном смысле этого слова (независимые фигуры, опирающиеся на собственный разум и стремящиеся влиять на общество) появились в Османской империи в XIX в. под влиянием вестернизации и одновременно с падением влияния традиционных религиозных авторитетов (законоведов-факихов, ученых-алимов, священников-мулл). Их называли словом арабского корня «мюневвер», указывающим одновременно на религиозные идеи божественного просвещения и ценности Просвещения европейского. Собственно, основу идейного ландшафта будущей Турецкой Республики заложили как раз младотурки в начале XX в.: они ввели в общественную дискуссию идею свободы, понятие «родина», рассуждения о правах человека, о синтезе ислама и западной мысли, увлекались верой в науку, социал-дарвинизмом и другими европейскими трендами модерна. И, что самое важное, именно среди интеллектуалов рубежа веков сформировался комплекс установок, ставший основой, инвариантом мировоззрения интеллектуалов Турецкой Республики вплоть до сегодняшнего дня: убежденность в важной роли интеллектуалов и вообще элит, турецкий национализм, вера в сильное государство, критическое отношение к народным массам (Karasiyah 2009).

Далее, в республиканскую эпоху, интеллектуалы играли особую роль в турецком обществе, где, в отличие от Запада, отсутствовали влиятельные социальные группы и основные массы народонаселения практически не имели голоса. Интеллектуалы в целом выступали союзниками государства в деле просвещения и авторитарной вестернизации. Слово *münevver* как архаичное отменили, заменив на тюркское по происхождению *aydın* (буквально — «свет»). С 1950–1960-х гг. на фоне перехода к многопартийной системе в Турции возникают новые течения среди интеллектуалов: с одной стороны, туранисты, или ультра-националисты, актуализовавшие временно отпавшие в небытие идеи пантюркизма и критиковавшие правящих кемалистов справа, с другой стороны, социалисты, коммунисты и другие марксисты,

поддерживающие светское направление, но критикующие истеблишмент уже слева за невнимание к чаяниям народа.

Наконец, уже в 1980-е гг., на общественную арену вышли исламские интеллектуалы — они покинули гетто исламских учебных заведений, освоили современные средства коммуникации (газеты, журналы, телевидение), поставили под вопрос «скрепы» Турецкой Республики (ее светский характер и умеренный антиклерикализм), а потом, опираясь на народную поддержку происламских партий (в том числе правящей в стране с 2002 г. Партии справедливости и развития Р. Т. Эрдогана), активно формулировали идейные основы «турецкого ислама» как гибрида мусульманской веры и ценностей модерна.

«Карта» современных турецких интеллектуалов

В современной Турции нет четкого рейтинга интеллектуалов (метрики и рейтинги как инструмент описания и структурирования реальности там еще не утвердились так же прочно, как, скажем, в США). Роль лидеров общественного мнения играют газетные колумнисты, представляющие все течения и направления: соответственно, колонки — основной форум для публичных интеллектуалов (колонки в бумажных, а сейчас и цифровых изданиях главных газет — «Хюрриет», «Заман», «Джумхурриет» и менее тиражных). Таким образом, поклонники того или иного политического / идеологического направления знают, где и кого читать.

Если говорить о картине мира турецких интеллектуалов и их размышлениях о будущем, то для подавляющего большинства в центре внимания находится Турция, ее прошлое, настоящее и будущее — это сильно отличает турецких интеллектуалов, например, от европейских, гораздо больше и чаще размышляющих о глобальных проблемах. Многие (Бацшкын Оран, Мехмед Барлас) откликаются на злободневные события, прежде всего из текущей внутривнутриполитической повестки: деятельность министерства по делам религий, ситуация с алевитами и другими религиозными меньшинствами, курс лиры, политика правящей партии, те или иные поступки президента; многие (как, например, крупнейший

и наиболее уважаемый в стране историк Ильбер Ортайлы) пишут только о прошлом.

Далее, турецкие интеллектуалы пребывают в интеллектуальной и политической системе координат модерна, т. е. XX в., до постмодерна: марксизм (разной степени радикальности) — светский либерализм — светский правый национализм — религиозный национализм и консерватизм — ультранационализм, плюс вариации на тему османизма. Иными словами, позиция и мировоззрение примерно совпадают с партийной картой страны; основные оси — светский-клерикальный, левый-правый. Вместе с тем интеллектуалы не упирают на самобытность своей мысли и активно обращаются к западному идейному инструментарию — но времен XX в., будь то марксизм или экономический либерализм. И для левых, и для правых мир расчерчен в матрице теории цивилизаций, популярной также и в России (с 1990-х гг., когда на русский перевели труды С. Хантингтона и З. Бжезинского), иногда развитой в духе постколониальной теории, иногда в духе просвещенского либерализма. Но всегда в нем присутствует «Запад».

Образ Запада и конфликт цивилизаций

Писатель Нихат Генч (светский кемалист-националист): «Мы знаем, кто правит. Мы знаем, что они хотят. Другие навязывают проекты людям, у которых нет своих проектов. На какое-то время нам навязали Евросоюз, сказали вступить в войну в Ираке. Мы стали проектом Крестового похода, проектом Европейского союза, проектом неолибералов, проектов богатых корпораций. Но мы боялись стать проектом своего народа, своей истории, своего национального суверенитета» (Özdağ 2022) — видно, как даже в правом дискурсе присутствует левый концепт неолиберализма и критики капитализма и исламский концепт («Крестовый поход» как символ агрессии Запада против ислама), однако здесь перво-степенна реальность Турции и Запада как отдельных сущностей и идея национального суверенитета.

Историк Халил Берктай подчеркивает, что главный вопрос не в том, «почему Восток отстал», а в том, «почему Запад вырвался

вперед». И на этот вопрос есть неэссенциалистский ответ, гораздо лучше объясняющий реальность: существует фундаментальная разница в менталитете и ценностях между Западом и Востоком. Физический мир, а значит, и технологии у Востока и Запада одни и те же, но (в социальном контексте) умы работают по-разному. По этой причине Турция и другие страны не-Запада не могут превратить возможности в результаты. Важно, что обращение к понятию менталитета позволяет отделить колониализм Запада от гуманитарных ценностей, возникших вместе с Западом. Берктай объясняет, что, начиная с XV в., в Европе укрепляется иной менталитет, который он называет релятивистским, и в то же время такие ценности, как индивидуализм, свобода, автономия, любопытство выходят за рамки личных отношений и начинают влиять на нормы отношений общественных, т. е. институционализироваться. Тем временем Османская империя и, в частности, Турция оставались внутри прежней, традиционалистской системы, где справедливость важнее равенства и свободы: «каждый человек и группа должны иметь уникальное положение, ни один субъект не должен быть равен другому, власть естественна, <...> знание является внешним и может быть усвоено только специалистами. И идеализация этого видения мира через «справедливость» <...>. Поскольку мы до сих пор не разбили скорлупу патриархата, мы все еще не знакомы с природой релятивизма» (Berkтай 2022).

Турецкие интеллектуалы размышляют не только о Западе как центре мира, но и о многополярном мире, и о перспективах новых центров силы — и гибридизации культур. Вместе с тем глобализация как нейтральная сила, действующая во всем мире, для них не актуальна (или не интересна им). Локальные страны / цивилизации, будь то Запад, Восток, Турция, Китай, Россия (как нечто единое, от Российской империи до сегодняшней Российской Федерации), более реальны в онтологии турецких интеллектуалов, равно как реальны новые варианты их контактов, как, например, евразийство.

Как пишет Этьен Махджупян, евразийство — в России или где бы то ни было еще — есть видение будущего, учитывающее роль государства и возрождающее уникальную идентичность страны. Однако дальше, по его мнению, запускается сложный механизм:

у населения нет никаких возражений против того, чтобы быть современным, т. е. похожим на жителей Запада, в рамках повседневной жизни и культуры. Но такая вестернизация воспринимается государством как опасность — как фактор, угрожающий либерализацией и демократизацией и дальнейшим умалением государства. Поэтому государство сейчас и в ближайшем будущем начинает опираться на «евразийство» и сходные идеологии суверенитета, пугая народ утратой культуры перед лицом Запада — чтобы убрать угрозу для себя. «В прошлом наибольшую опасность представляли русские, которым была нужна наша земля. Теперь Западу якобы нужна наша „душа“ <...>. Однако способ спасти душу общества от рабства и инфантильности состоит как раз в том, чтобы избавиться от „духа“ государства», — резюмирует Махджупян (Махсұрыян 2022).

У более левых турецких интеллектуалов (не только коммунистов, но и левых кемалистов) горизонт будущего чуть более широкий. Например, в статье «После либеральной демократии...» Эргина Йылдызоглу (в газете «Джумхурийет») констатируется банкротство «либеральной демократии» и перечисляется три варианта развития современных государств:

- 1) тоталитарные / неофашистские режимы;
- 2) классическая социал-демократия, решившая представлять интересы рабочего класса и всех угнетенных, открытая для развития в направлении, которое «выходит за пределы капитализма»;
- 3) цивилизация, которая не может удержаться ни в одном из этих двух вариантов и начинает проявлять формы, подобные темным векам (раннему Средневековью).

Более того, упорство Турции и других стран в приверженности «либерально-демократическому режиму» приведет их сначала к хаосу и вырождению, а потом уже к тоталитаризму. Фактически вариантов всего два — или этот путь к рабству, или «классическая / реальная социал-демократия», что в терминологии Йылдызоглу означает революционно-демократический режим, открытый для социализма, на стороне труда, а не капитала, представляющий интересы рабочего класса и всех угнетенных (Yıldızoğlu 2022).

У левых кемалистов также есть достаточно оригинальный взгляд — их критика западной «политики идентичности», но не с консервативных позиций, а наоборот, с позиций государственного секуляризма, и С. Хантингтон в данном случае обличается как источник лжи о непреодолимых границах между цивилизациями, в то время как универсальные и эмансипирующие ценности Просвещения Запад теперь хитро скрывает от других народов. Как пишет Эмре Конгар в статье «Почему империалисты не любят светскость», неоимпериалисты не хотят, чтобы общества, которые они эксплуатируют, приняли их ценности — свободу, равенство, независимость, демократию, секуляризм, права человека, права женщин. Когда Запад столкнулся с такими революционерами, как С. Боливар, П. Лумумба, Ататюрк и Ганди, которые выступали против него, опираясь на его же ценности, империалисты начали применять подход, в рамках которого западные ценности исключались, а на их место помещались традиционные ценности эксплуатируемых ими стран (Kongar 2022a).

В другой статье Конгар подчеркивает, что величайшим оружием неоимпериализма выступает политика идентичности — и именно ее применили для развала СССР. «Политика идентичности — это оружие, используемое не только империализмом для разделения стран и управления ими, но и авторитарными лидерами для разделения общества и установления режима угнетения <...>. По мере изменения производственных форм человечества меняется и оружие империализма. Сначала это были армии и войны. Потом торговля и промышленность. После Второй мировой войны империалистическая «политика идентичности» была направлена непосредственно на крах Советов, претендовавших на статус классового государства, в котором пересекались религиозная и национальная идентичности. Православная, мусульманская, католическая, славянская, русская, грузинская, турецкая и подобные им расовые, национальные, религиозные и сектантские идентичности использовались и поддерживались для свержения СССР» (Kongar 2022b). И дальше эта политика используется уже в Турции, чтобы демонтировать светские основы созданной Ататюрком республики — и против других стран, претендующих на лидерство и самостоятельную политику.

Позиция либеральных интеллектуалов

Вместе с тем нельзя сказать, что в Турции отсутствуют интеллектуалы западническо-либерального толка — они есть, хотя и не так влиятельны, как, скажем, в США. Например, известный экономист, профессор Эсер Каракаш. В одной колонке он доказывает, что утечка мозгов крайне полезна и для страны, и для мира, приводя в пример двух нобелевских лауреатов турецкого происхождения (О. Памука и А. Санджара): только в США последний смог получить такие условия работы, которые позволили ему совершить прорыв в химической науке и стать нобелиатом (и теперь он может вернуться в Турцию руководить крупным исследовательским центром), что указывает на благую роль утечки мозгов (Karakas 2022-2).

В другой статье Каракаш прямо критикует традиционалистов и консерваторов, опираясь на авторитет экономиста П. Кругмана; точнее, он деконструирует понятия «моральный упадок» и «кризис ценностей», напоминая о картине Кутюра 1847 г. «Римляне времен упадка»: Запад морально рушится, даже уже рухнул. «Что же такое на самом деле моральный упадок? <...> Кругман констатирует, что Запад и его ценности находятся под угрозой, однако эта угроза связана не с распространением гомосексуализма, а с отчуждением от тех ценностей, которые сделали Запад Западом (верховенство закона, демократия и права человека) <...>. Если дела в Турции идут плохо, то это связано с желанием гомосексуалов выйти на Таксим и продемонстрировать, что они стали гораздо заметнее, или же с крахом правового государства, крахом верхушки государства, скандалами с публичными тендерами, развалом судебной системы? Как вы думаете, каков ответ на этот вопрос?» (Karakas 2022-1).

Новые технологии и Судный день: будущее глазами исламских мыслителей

Однако среди турецких интеллектуалов есть и те, кто думает в глобальном, а не только в национальном масштабе (о современности и будущем), и кто реально размышляет о глобальных

темах — трансгуманизм, интернет, искусственный интеллект, ЛГБТ. Это группа религиозных (исламских) интеллектуалов.

С одной стороны, они в целом принадлежат к консервативно-традиционалистскому направлению мысли. Они озабочены угрозой традиционным ценностям со стороны модерна, а также ослаблением религиозных «скреп» и часто склоняются к осуждению Запада как «источника и причины всех бед и проблем современного мира». Как пишет Али Булач: «[Запад] для нас — это разрушение нашей культуры, отрицание нашей личности и идентичности, спад гражданских требований и уничтожение основных прав и свобод... Это не просто «гуманизм»; это преступление, грабеж, эксплуатация, грязь и разрушение» (Bulaç 1995, 78, 115). Авторитарные режимы в этой картине мира — такое же зло (поскольку их часто поддерживает Запад, эти враги сливаются). Исламскими авторами также берется на вооружение постколониальная теория. Ислам и мусульмане, по мнению Булача, превращаются в «других» целенаправленно и демонизируются через исключение их из глобальной системы: вдобавок для них постоянно изобретаются новые оскорбительные определения — фанатизм, фундаментализм, политический ислам, исламофашизм, экстремизм и так далее. Картина мира такова, что наряду с большими независимыми центрами силы всегда существует вездесущий Запад: «Россия, Китай и Индия вмешиваются в дела мусульманского мира только с политической и стратегической точки зрения. С другой стороны, Запад вмешивается в дела мусульманского мира во всех аспектах» (Bulaç 2009).

Важно подчеркнуть, что носители таких взглядов — не маргиналы. Наоборот, они представляют собой массовое явление, связанное с исчерпанием кемалистского (элитистского, авторитарного, светского) проекта модернизации, а также с массовой миграцией из сельской местности в города Турции за последние 30 лет. Новые мигранты, выходцы из исламизированной глубинки, обустроивались в мегаполисах и искали адекватные их опыту язык и картину мира. И именно мусульманские интеллектуалы добились успеха в обращении к широким массам людей, страдающих от отчуждения и разрыва со своими корнями. По мнению исследователей, их можно назвать органическими интеллектуалами в грамшианском смысле (Karasipahi 2009, 45).

Однако исламские мыслители вовсе не ограничиваются нудным традиционализмом: они гораздо более активно, чем светские, обращаются к неожиданным идеям и концептам, свободно привлекают технологическую и даже христианскую образность. «Речь идет о новой научно-фантастической религии в кибермире, дополненной виртуальной реальности, трансгуманизме, MetaVerse... Мир, где подсознательные сообщения, биохакаеры, дистанционный контроль, дополненная реальность начали играть с человеческим разумом <...>. Молодых людей пытаются превратить в клоноподобных / химерических геномных агендерных киборгов, очищенных от религии, морали, традиций и биологического пола, которые будут испытывать проблемы с личностью и индивидуальностью. Когда наступит свобода определять себя не только одной из множества гендерных идентичностей, но и чем угодно — цветком, деревом, — трансгуманистические субъекты будут уже не личностями, а объектами, и обращаться с ними будут как с предметами... Разве нас уже не превратили в добровольных подопытных кроликов во время пандемии? Да, нас беспощадно провоцируют атаковать друг друга группы, возникшие в силу религиозных, сектантских, этнических, идеологических, политических, мировоззренческих и конфессиональных разногласий; фактически мы подвергаемся «атомизации» с одной стороны, и «нейтрализации» — с другой. Результатом является «агностицизм» — ситуация, когда общество не знает, во что и кому верить и кому доверять» (Dilipak 2022c).

Турецкие религиозные интеллектуалы — наверное, единственные в стране, кто может позволить себе радикальный конструктивизм, критику национализма, в том числе турецкого, войн за «нашу землю» и даже опору на национальную идентичность. «Мы все дети Адама. Да, Аллах создал нас разными племенами, чтобы мы могли ссориться, встречаться и узнавать друг друга, помогать друг другу и быть братьями. В остальном каждый человек такой же особенный и уникальный, как и кончики его пальцев <...>. Во второй половине 1600-х гг., после Вестфальского мира, в нашу жизнь вместо «клана», «племени» пришло понятие «нация». Не было единого мнения о народе, составлявшем основу нации. Кто выбрал язык, кто религию, кто землю, кто кровь <...>. Американцы и британцы приняли «землю» как основу нации.

Немцы определяют национальность по мужской крови, евреи — по женской. <...> Так или иначе, мы подошли к краю минного поля. Адам провел большую часть своей жизни вокруг сегодняшней Урфы. Ной также жил в этой земле, как и Авраам и Иов. Эти земли являются родиной сынов человеческих. На этих землях наступит конец истории. Мы не пришли на эти земли извне, мы всегда были здесь. Кто-то из нас ушел и не вернулся, кто-то ушел и пришел. Мы не захватчики этих земель. Мы странники» (Dilipak 2022b).

В целом образ будущего у исламских интеллектуалов Турции — это или технопессимистическая антиутопия, или Судный день (позитивное в конечном счете событие, в свете которого видится вся человеческая история, общество и человек). Но турецкая специфика — в неожиданной ретерриториализации, «заземлении» апокалипсиса на пространстве внутри Турции и ее макрорегиона (см. выше), а также тут: «Никто не хочет подвергать сомнению собственную правду. Евреи и христиане тоже! Нерелигиозные сообщества тоже. Человечество переживало серьезный процесс атомизации. Однако этот процесс завершился и начался процесс нейтрализации и одновременного агностицизма <...>. Наша география, география Турции — это область подсознательных проекций событий, которые, как считается, произойдут перед великим Судным днем, о чем сообщается в религиозных источниках (региональных и мировых). Вера в Махди может вызвать большие раздоры в шиитско-суннитском мире. Так же обстоит дело с Антихристом. Так обстоит дело с Мессией, храмом Соломона, ковчегом Завета. Племена Гога и Магога опустошат Кавказ, Каспийский регион, Восточную Анатолию и Месопотамию. География Мелхеме-и-Кюбра и Армагеддона также является анатолийской и месопотамской географией. Похоже, этот процесс вызовет большие раздоры. Анатолия находится в центре ожидаемой миграции новых племен. С востока на запад, с запада на восток <...>» (Dilipak 2022a).

Международная ситуация и политическая обстановка вокруг Турции меняются крайне быстро — только за лето и осень 2022 г. произошли события, поднявшие ее геополитический статус (перенос основной точки экспорта газа из России, массовый переезд российских эмигрантов и бизнеса, обострение карабахского

вопроса, решение о переходе тюркских республик континента на единый алфавит) и «сдвигающие» Турцию в сторону центра Евразии. На рефлексии местных интеллектуалов эти сдвиги еще не успели отразиться, но можно предположить, что в будущем они будут способствовать выходу мыслителей за узконациональную перспективу — однако в каком направлении (пантюркизма, панисламизма, антизападной консервативной коалиции), пока остается неясным.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Метрика выделения
ведущих интеллектуалов
и социальных мыслителей

Виталий Куренной, Александр Сувалко, Мария Фигура

Краткая теория и история интеллектуалов²³

Фактически любая современная социальная теория включает в себя аспект, связанный с интеллектуалами, что является следствием социальной, культурной и политической значимости данной фигуры. Специфика этого социального феномена состоит также в том, что его история имеет ярко выраженную национальную привязку, а это порождает ошибочное представление о его национальной уникальности: существует, например, устойчивое представление, сложившееся в позднесоветский период о самобытности русской интеллигенции²⁴.

На метауровне можно выделить четыре основных типа теорий интеллектуалов, определяющих функциональную роль и специфику стратегии их социального действия (Куренной 2006, 20):

- 1) группа, функционально определяющаяся через особый вид профессиональной занятости («умственный труд»), доступ к которому обеспечивает определенный (высший) уровень образования (Л. фон Штейн, позднесоветский публичный обществоведческий дискурс); в современных теориях «постиндустриального общества» (Д. Белл), «общества знаний» (П. Друкер), «креативной экономики» (Р. Флорида), «общества сингулярностей» (А. Реквиц) ключевые группы нового экономического и социального уклада наследуют этим теориям интеллигенции как группы профессиональных носителей знания и креативных компетенций, однако избегают понятия «интеллектуал»²⁵;

²³ Развернутый анализ основных теорий интеллектуалов, а также национальных историй появления и трансформации этого феномена см.: Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов: коллект. монография (Куренной 2009).

²⁴ Критический анализ этого мифа см.: Кустарев А. Нервные люди: очерки об интеллигенции (Кустарев 2006).

²⁵ Некоторые из этих концепций формировались под прямым влиянием российских теорий интеллигенции. Так, на теорию постиндустриального общества Д. Белла оказала прямое влияние концепция Я. В. Махайского (Черновская 2022). Однако в отличие от последней в перечисленных современных концепциях за группой носителей знания или креативных компетенций отрицается классовый характер, таковой же позиции придерживался и Т. Парсонс.

- 2) группа, самоопределяющаяся в ценностных и моральных категориях (Иванов-Разумник, Ж. Бенда, А. Солженицын), а также в политических категориях носителя идей «общего блага» (К. Манхейм, Дж. Голдфарб);
- 3) самостоятельная социально-экономическая группа (класс), преследующая свои собственные интересы господства (Я. В. Махайский, Е. Лозинский, Г. Шельски);
- 4) представители любой социальной группы, опосредованно обеспечивающие ее интересы господства в публичной сфере и культурных институтах (А. Грамши, частично — К. Манхейм).

Два последних типа теорий являются в значительной степени острокритическими по отношению к фигуре интеллектуала, поэтому для целей настоящего исследования мы придерживаемся коридора определений, заданных первыми двумя группами теорий.

Исторически феномен интеллигенции / интеллектуалов начинает кристаллизоваться, начиная с 1830-х гг. Об этом свидетельствует появление самого понятия «интеллигенция» в европейских, а затем и в русском языке. Систематическое социально-теоретическое содержание эти понятия получают в середине XIX в. в протосоциологических трудах Лоренца фон Штейна (первая публикация — 1850 г.) (Stein 1921) и Вильгельма Генриха Рихля (Riehl 1851), в которых интеллигенция выделяется в особую группу «умственного» или «духовного пролетариата» — людей, работающих по найму, но занятых умственным трудом. Таким образом, эти понятия начинают использоваться в современной социальной теории фактически с момента ее появления. К концу XIX в. феномен интеллигенции перемещается в фокус публичной дискуссии, а само понятие приобретает характер «спорного» (*Streitbegriff*) «основного понятия» в смысле Р. Козеллека (Козеллек 2014). Особенно напряженными являются две ранние национальные истории спора об интеллигенции/интеллектуалах — во Франции и России. Во Франции понятие «интеллектуал» возникает в контексте дела Дрейфуса и изначально используется как «оскорбительное понятие» — именно так антидрейфусары стали называть защитников Дрейфуса (Шарль 2005). В России дискуссия об интеллигенции приобретает наиболее сфокусированный характер после публикации сборника «Вехи» (1909), все основные тексты которого

критически направлены против революционно настроенной группы интеллектуалов. Достаточно поздно фигура и роль интеллектуала актуализируется в США — лишь во второй половине XX в. С тех пор здесь, как и в других странах, периодически возникает тема заката и исчезновения интеллектуалов. Характерен здесь пример работы Р. Якоби «*The Last Intellectuals: American Culture in the Age of Academe*», опубликованной в 1987 г. Один из главных тезисов Якоби состоял в том, что интеллектуалы исчезают с публичной сцены по причине исхода в разросшиеся структуры университетов. Однако уже в предисловии ко второму изданию работы (Jacoby 2000) автор был вынужден признать, что речь шла не об исчезновении, а о трансформации этого феномена: за прошедшие годы наблюдалось стремительное развитие публичных интеллектуалов в США.

Наиболее симптоматичным в истории становления феномена публичного интеллектуала является то, что он появляется в качестве рефлексивно осознающей себя фигуры в конце XIX в. — именно в тот период, когда, согласно Ю. Хабермасу (Хабермас 2016), происходит трансформация и распад «публичной сферы» в том смысле, в котором она сформировалась в период раннего общества модерна — начиная с XVIII в. Смысл понятия «публичная сфера», на который ориентируются в своих работах Кант и Дж. Ст. Милль, предполагает, что она является пространством свободы слова, где рациональная «публика» оценивает и выбирает в конечном счете наиболее обоснованные и рациональные позиции, формулируемые в свою очередь компетентными «беспартийными» и неангажированными авторами («учеными» и «философами», по выражению Канта). Кризис публичной сферы, который диагностирует в том числе Хабермас, включает в себя две основные составляющие:

- 1) публика оказалась не так рациональна, как предполагали философы Просвещения, она теперь предстает в виде «толпы» и «массы», которая руководствуется не разумом, а иррациональными предпочтениями и порывами (Г. Лебон);
- 2) в публичном пространстве циркулируют не беспристрастные суждения, нацеленные на реализацию общего — национального, а затем и наднационального — блага, а партийные и ангажированные суждения, отвечающие интересам отдельных групп общества.

Последнее означает, что публичная сфера под давлением политической власти и капиталистического рынка деформируется в силу ее инструментализации, место свободной и рациональной дискуссии занимает политическая пропаганда, а также явная и скрытая коммерческая реклама. Именно в этот кризисный момент на публичной сцене как раз и появляется фигура интеллектуала, призванная (в идеале) компенсировать данную деформацию. Перечисленные выше типы теорий интеллектуалов показывают, впрочем, что эта роль испытывает напряженное притяжение двух полюсов: с одной стороны, позиции, выражающей «общее благо» в обществе, раздираемом партийными позициями и противоречиями, с другой стороны, позиции, преследующей — явно или скрыто — партикулярный или партийный интерес. В марксистской оптике классового общества, впрочем, позиция «ангажированного интеллектуала» (Сартр 1990) рассматривается как неизбежная, а правильная позиция совпадает с позицией класса, являющегося движущей силой исторического развития (в классическом марксизме это позиция на стороне пролетариата). В теориях, наиболее критически настроенных по отношению к интеллектуалам (Махайский), они подозреваются в том, что преследуют не просто какой-то классовый или партикулярный интерес, а интерес исключительно своей собственной группы, претендуя, по выражению Гельмута Шельски, на статус «нового клира» в современном секуляризованном обществе.

Кто такой интеллектуал?

Метрика выделения фигуры и функции

При выборе авторов для настоящего исследования был использован комплексный подход, включающий в себя несколько критериев отбора, ни один из которых не является самодостаточным.

Во-первых, были проанализированы различные рейтинги интеллектуалов и ученых — как национальные, так и международные. Кроме того, были привлечены материалы, создаваемые своего рода «коллективными интеллектуалами» — наиболее интересные доклады, подготовленные по интересующим нас темам образов

будущего ведущими «мозговыми центрами» (*think-tanks*). Обзор и краткий анализ этих рейтингов представлен ниже.

Во-вторых, мы ориентировались на внутридисциплинарные репутации отдельных ученых и мыслителей, опираясь в данном случае как на дисциплинарные компетенции команды проекта, так и на консультации с внешними экспертами (в частности, по экологической тематике).

В-третьих, особое внимание было уделено медийным площадкам, специализирующимся на аккумуляции текстов и дискуссий интеллектуалов (например, портал *The Philosophical Salon* – проект журнала *Los Angeles Review of Books*).

Формальная метрика выборки авторов в настоящем проекте опирается на критерии, принятые в авторитетных исследованиях интеллектуалов, в частности, в работе Ричарда Познера, посвященной американским публичным интеллектуалам (Posner 2004). Она также использовалась нами в эмпирических исследованиях современных российских интеллектуалов (Куренной и др. 2008). Эта метрика имеет следующую матричную структуру, ориентированную по осям принадлежности к центрам производства знания (академия, мозговые центры) и выхода в публичное медийное пространство (табл. П-1).

Таблица П-1
Публичная интеллектуальная сфера

	Сильная позиция	Слабая позиция		
Выход в публичное пространство	+	–	+	–
Принадлежность к центрам производства знания	+	+	–	–

Наиболее сильная интеллектуальная позиция совмещает принадлежность к центрам производства знания и выход в публичное медийное пространство. Как мы увидим ниже на материале анализа рейтингов, крупнейшие мировые интеллектуалы (например, Юрген Хабермас) совмещают высокие позиции в глобальных и национальных рейтингах интеллектуалов с высокими строчками в чисто наукометрических рейтингах ученых. К традиционным медиа в настоящее время добавились различные цифровые сцены — например, каналы *YouTube*, а цифровизация сделала широкодоступными стандартные форматы коммуникации интеллектуалов — публичную лекцию и дискуссию. К слабым позициям относятся все остальные комбинации. В частности, Р. Познер исключает из своей выборки интеллектуалов Дж. Ролз: несмотря на то, что Ролз внес, пожалуй, наибольший вклад в развитие современной теории справедливости, он никогда не выступал и ничего не публиковал в публичных медиа для широкой публики.

К интеллектуалам мы преимущественно не относим профессиональных сотрудников СМИ, а также политиков в силу отсутствия прямой принадлежности к центрам производства знания. В то же время для понимания специфики обсуждения политически значимых вопросов высказывания политиков часто чрезвычайно важны. Причем эта важность повышается по мере роста авторитарности политической модели — неслучайно один из рейтингов «глобальных мыслителей» по версии журнала *Foreign Policy* (2019) ввел номинацию «Сильный лидер». Дело в том, что в таких политических контекстах особым образом конфигурируется структура проблематики и языка экспертов и интеллектуалов. Она, оказываясь, в значительной степени задана формулировками «авторитетного дискурса» (М. Бахтин, А. Юрчак). Даже если оставить в стороне крайний случай позднесоветского дискурса, который в рамках исследования А. Юрчака представлен как формальное воспроизводство одних и тех же ключевых формулировок (Юрчак 2014, 90), концепты, формулируемые авторитарными лидерами, запускают в национальном контексте специфический конкурентный процесс борьбы за семантическое их определение. Это связано с неизбежной семантической недоопределенностью принципиальных

понятий, которые Р. Козеллек и называет основными историческими понятиями (Козеллек 2014). Как раз «семантическая неопределенность этих понятий позволяет конкурирующим группам экспертов состязаться за право их истолкования» (Куренной 2017, 231). Весьма наглядный пример действия этого механизма дает, как мы увидим ниже, Китай. Понятие «китайская мечта», которое ввел в публичный дискурс генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин в 2012 г., до настоящего времени определяет направление дискуссий о будущем Китая в форме конкуренции его истолкований представителями различных китайских политических течений.

В то же время к сильной позиции следует добавить еще один фактор — помимо принадлежности к центрам производства знания источником независимого авторитета интеллектуала может выступать иная форма аккумулированного культурного капитала. Традиционной фигурой здесь является писатель — достаточно вспомнить, что именно Эмиль Золя был наиболее значимой фигурой французских интеллектуалов, выступавших на стороне А. Дрейфуса. В современных глобальных и национальных рейтингах интеллектуалов, как мы увидим ниже, также нередко фигурируют писатели. Достаточно часто при этом речь идет не просто о писательской позиции, но также о сопряженной с ней компетенцией историка (У. Эко, А. Солженицын)²⁶. Кроме того, утопическая и антиутопическая, а затем и фантастическая литература часто не только выступала источником представлений о будущем, но и была важным стимулом, мотивирующим к его достижению. Ныне литература в этой своей функции была потеснена сначала кино, а в настоящее время — сериалами. Современные сериалы, позволяющие визуализировать

²⁶ С теоретической точки зрения представляет интерес вопрос о том, может ли интеллектуал черпать источник своего независимого публичного авторитета из других источников, помимо принадлежности к институтам знания или серьезной литературы. Действительно, высказывания артистов или художников могут пользоваться высокой степенью общественного внимания, не говоря уже о влиянии на свои аудитории современных блогеров и инфлюэнсеров. Однако в данном случае уместнее категориально определить это явление в терминах феномена «знаменитости» (*celebrity*), в отношении которого действуют другие механизмы признания и внимания (Rojek 2001).

пространные нарративы и сложные идеи, в образной форме рассматривают множество вопросов, обсуждавшихся ранее философами и футурологами. Высокий интеллектуальный уровень некоторых подобных сериалов («Черное зеркало», «Мир Дикого Запада» и др.) определяется коллективным характером их производства и привлечением профильных экспертов. Можно сказать, что если в области художественного производства традиционному интеллектуалу соответствует фигура писателя, то современный сериал коррелирует с «мозговым центром».

Наконец, в качестве акторов, все активнее выступающих в настоящее время с сильной интеллектуальной позиции, следует назвать также лидеров высокотехнологичных индустрий. Особенно в сфере технологических образов будущего мнение, равно как и практическая стратегия таких людей, как И. Маск или М. Цукерберг, играет огромную роль. Специфика их позиции заключается в том, что они являются не просто владельцами компаний, но их создателями, предпринимательская и технологическая интуиция которых позволила им занять передовые позиции в своих индустриях. Они же располагают и широкой базой экспертов и знаний, необходимых для существования и развития своих нередко визионерских проектов.

Анализ рейтингов публичных интеллектуалов

Рейтинги выступают эффективным ориентиром в мире возрастающей информационной плотности и комплексности. Современные социальные теоретики Елена Эспозито и Дэвид Старк полагают, что рейтинги и списки имеют влияние «не потому, что информируют нас о том, как обстоят дела, а потому, что дают представление о том, что наблюдают другие». Рейтинги служат инструментом привлечения внимания, а их спорность и сомнительность часто только усиливает это. Рейтинги упрощают сложный и неоднородный характер нашей современности, сводя его к «одномерной количественной мере, которая резко снижает качественную сложность явлений и игнорирует их локальный, культурный и социальный контекст» (Esposito, Stark 2019, 3–4).

Несмотря на многочисленные недостатки методологии и обоснованности различных рейтингов, они также являются одним из инструментов ориентации в мире интеллектуалов и фактором, влияющим на отбор авторов настоящего исследования. Анализ различных рейтингов помогает нам лучше понять динамику влияния в поле интеллектуального производства, обратить внимание на национальные и региональные неравенства в этом поле.

В рамках настоящего проекта мы не ставили себе цели дать сколько-нибудь полный анализ рейтингов. Для аналитического обзора выбраны наиболее известные, а также типологически различные рейтинги, очерчивающие общую структуру их возможных логик и методик построения.

Далее рассмотрены четыре группы рейтингов:

- 1) глобальные рейтинги интеллектуалов;
- 2) глобальные рейтинги ученых;
- 3) национальные и региональные рейтинги интеллектуалов;
- 4) рейтинг экспертно-аналитических центров (*think tanks*).

Отдельного комментария здесь заслуживает, пожалуй, включение сюда рейтингов ученых, формируемых на основе стандартизованных наукометрических показателей. На первый взгляд они не имеют прямого отношения к рейтингам интеллектуалов. Однако они устойчиво показывают, что наиболее известные интеллектуалы (например, Ю. Хабермас, Н. Хомский, П. Бурдьё) демонстрируют высокий статус также и в чисто научных рейтингах. Это особенно заметно на фоне того, что алгоритмы формирования наукометрических показателей, ориентированные, прежде всего, на англоязычные журналы, создают значительное преимущество — по крайней мере в сфере социальных и гуманитарных наук — для англоязычных и американских авторов.

Глобальные рейтинги интеллектуалов

1. Топ-100 публичных интеллектуалов (2005)

Один из наиболее упоминаемых до настоящего времени рейтингов публичных интеллектуалов — «Топ-100 публичных интел-

лектуалов» — был составлен в 2005 г. изданиями *Foreign Policy* и *Prospect Magazine* (Prospect 2005). Десятка лидирующих публичных интеллектуалов выглядит здесь следующим образом:

1. Ноам Хомский (Noam Chomsky);
2. Умберто Эко (Umberto Eco);
3. Ричард Докинз (Richard Dawkins);
4. Вацлав Гавел (Václav Havel);
5. Кристофер Хитченс (Christopher Hitchens);
6. Пол Кругман (Paul Krugman);
7. Юрген Хабермас (Jürgen Habermas);
8. Амартия Сен (Amartya Sen);
9. Джаред Даймонд (Jared Diamond);
10. Салман Рушди (Salman Rushdie).

Рейтинг, как показывает уже этот перечень, является крайне гетерогенным, включая ученых, популяризаторов науки, писателей и политических деятелей, однако в целом содержит узнаваемые имена известных социальных теоретиков и интеллектуалов. Рейтинговый список был разработан на основании мнений более 20 тысяч читателей изданий, инициировавших его создание. В конечном списке оказались преимущественно мужчины (93 из 100 человек), региональное распределение было смещено в сторону США (около 40%). Повторный опрос был произведен в 2008 г., впоследствии издания *Foreign Policy* и *Prospect* запустили собственные ежегодные рейтинги.

2. X ежегодный специальный выпуск рейтинга «Глобальных мыслителей» по версии журнала *Foreign Policy* (2019)

Рейтинг журнала *Foreign Policy* составляется с 2009 г. и призван представить «мыслителей», которые оказали наибольшее влияние на мир за последний год (Global Thinkers FP 2019). В юбилейном рейтинге 2019 г. список из 100 человек был поделен на 10 групп. Отдельно было выделено 10 номинантов, которые оказали наибольшее политическое влияние в мире за последние 10 лет. Среди них на первом месте в номинации «Сильный лидер»

(*The Strongman*) указаны наиболее авторитарные политики, среди которых лидеры стран России, Китая, Филиппин, Венгрии и США. Отдельно в этой же категории указаны политики (Ангела Меркель и Барак Обама), представители крупных компаний (Джэк Ма и Джефф Безос), американский политический аналитик Фарид Закария и др. За ними следуют люди «возраста 40 лет и моложе». В отдельные категории выделены представители сфер обороны и безопасности (в этой категории присутствует В. Сурков), энергетики и климата, технологий, экономики и бизнеса, науки и здравоохранения, а также активизма и искусства (*Activism & The Arts*). Специальная рубрика, которая формировалась путем онлайн-голосования, отведена предпочтениям читателей издания: помимо активистов, политиков и художников, в этом списке представлен также Джордан Питерсон, которого можно отнести к категории интеллектуалов в принятой нами метрике. Особенность данного рейтинга, таким образом, заключается в значительном смещении выборки номинантов в сторону политиков, а также представителей сферы технологий, активизма и искусства. Интеллектуалы в принятом в настоящем исследовании смысле слова в рейтинге 2019 г. практически не представлены.

3. «50 лучших мыслителей мира 2021». Рейтинг британского журнала *Prospect*

Для составления рейтинга британского журнала *Prospect* (*Prospect 2021*) редакция обратилась к своим авторам и экспертам. Критериями отбора кандидатов были не только оригинальность мыслителя и значимое положение в той или иной области, но и следование ясно идентифицируемой идее. Учитывалась также публичная активность уровня выступлений в СМИ или в виде опубликованной книги в течение последнего года. Команда проекта выделила следующие тенденции, которые выявил итоговый рейтинговый список:

- 1) в общем списке из 50 интеллектуалов девять являются экспертами именно в сфере технологий. Показательным является тот факт, что трое из них покинули крупные корпорации, выступают технопессимистами и даже призывают остановить

- все усиливающееся влияние в мире IT-гигантов;
- 2) в политике обнаруживается «поворот на восток» (в рейтинге представлено 5 человек из Азии), а также влияние политиков-«популистов» (не менее 2 в общем рейтинге);
 - 3) в отличие от рейтинга 2000 г., в списке 2021 г. значительно больше женщин и представителей неевропейских стран и регионов.
- В 2022 г. читателям также было предложено выбрать 10 лучших интеллектуалов из 50 человек, «выдвигающих самые захватывающие и потенциально революционные идеи в своих областях», которые были отобраны изданием (Prospect 2022).

Глобальные рейтинги ученых

1. Рейтинг «100 лучших ученых мира 2022»

Рейтинг «Топ-100» ученых основан на стандартных наукометрических показателях — суммарном индексе Хирша (*World Top 100 Scientists 2022*). База данных позволяет получить рейтинг по следующим показателям:

- в мире;
- регионе;
- стране;
- отдельном университете.

Кроме того, в пределах этих показателей могут быть выделены отдельные дисциплинарные области: сельское и лесное хозяйство, искусство, дизайн и архитектура, бизнес и менеджмент, экономика и эконометрика, образование, инженерное дело и технологии, история / философия / теология, право / юриспруденция и юридические науки, медицина и науки о здоровье, естественные науки и социальные науки.

Список лидирующих ученых по направлению история / философия / теология выглядит здесь следующим образом (сентябрь 2022 г.):

1. Джон Дьюи (John Dewey), Австралия;
2. Дэвид Келлог Льюис (David K Lewis), США;

3. Барри Смит (Barry Smith), США;
4. Лучано Флориди (Luciano Floridi), Великобритания;
5. Филип Петтит (Philip Pettit), США;
6. Хосе Антонио Лопес Каес (José Antonio López Sáez), Испания;
7. Нестор Гарсиа Канклини (Nestor García Canclini), Аргентина;
8. Стефан Дж. Вагнер (Stefan J Wagner), Великобритания;
9. Рэй Джакендофф (Ray Jackendoff), США;
10. Эудальд Карбонель (Eudald Carbonell), Испания.

Наличие в списке представителей университетов испаноязычных католических стран объясняется, очевидно, включением в данный дисциплинарный кластер теологии, в которой католицизму принадлежит безусловное лидерство. Тем не менее, семь ученых представляют англоязычные университеты, четверо из которых находятся в США. Опора на наукометрические показатели, таким образом, дает преимущество англоязычным и прежде всего американским авторам, несмотря на указанную теологическую дисциплинарную специфику. Попавших в данный перечень философов — философа образования Джона Дьюи, логика и аналитического философа Дэвида К. Льюиса, историка философии и представителя аналитической философской традиции Барри Смита и политического теоретика Филипа Петтита — едва ли можно отнести к категории публичных интеллектуалов (если не считать развернутую Барри Смитом шумную, но внутриакадемическую борьбу с постмодернизмом).

2. Рейтинг «Лучшие ученые» платформы *Research.com*

С 2014 г. ресурс *Research.com* составляет ежегодные списки лучших ученых в различных областях знания (второй рейтинг в рамках данного проекта — «Лучшие университеты»). Рейтинг создан с целью повысить узнаваемость ученых внутри академического сообщества. Методика расчета основывается на данных о дисциплинарном индексе Хирша, взятом из библиометрической базы *Microsoft Academic Graph*²⁷. Рейтинги ученых сгруппированы по дисциплинарным

²⁷ В отличие от общего индекса Хирша (h-index) дисциплинарный индекс

направлениям (всего — 24), в том числе релевантных для настоящего исследования: экология; наука об окружающей среде; социальные и гуманитарные науки. Рейтинг может быть ранжирован как в глобальном, так и в национальном масштабе. В глобальном рейтинге по социальным и гуманитарным наукам ведущая десятка ученых выглядит следующим образом (сентябрь 2022):

1. Пьер Бурдьё (Pierre Bourdieu), Франция;
2. Герберт А. Саймон (Herbert A. Simon), США;
3. Дайан Ноймарк-Штайнер (Dianne Neumark-Sztainer), США;
4. Дуглас Мэсси (Douglas S. Massey), США;
5. Юрген Хабермас (Jürgen Habermas), ФРГ;
6. Грег Дж. Дункан (Greg J. Duncan), США;
7. Патрик О'Мэлли (Patrick M. O'Malley), США;
8. Гарольд Кёниг (Harold G. Koenig), США;
9. Роберт Костанца (Robert Costanza), Австралия;
10. Соня Ливингстон (Sonia Livingstone), Великобритания.

В этом списке обращает на себя внимание наличие в нем лишь двух неанглоязычных авторов — Пьера Бурдьё (1930–2002) и Юргена Хабермаса, тогда как больше половины ученых представляют университеты США. Причем если Бурдьё и Хабермас неоспоримым образом представляют также группу интеллектуалов, то ничего подобного нельзя сказать о других членах этого перечня. Наукометрические данные в области социальных и гуманитарных наук в данном случае также демонстрируют существенный перекося в сторону англоязычного и прежде всего американского научного сообщества. Обращает на себя внимание также то, что опора на наукометрические показатели в данном рейтинге и *World Top 100 Scientists* не дает сопоставимых показателей по причине использования различных дисциплинарных кластеризаций.

Обращение к рейтингам ученых по наукометрическим показателям демонстрирует, что наиболее значимые мировые

Хирша учитывает только статьи, отнесенные к обозреваемой в индексе дисциплине, а не все статьи автора.

интеллектуалы занимают также высокие позиции в рейтингах, построенных на наукометрических данных и алгоритмах сбора информации. Это обстоятельство верифицирует выбранную нами метрику выборки интеллектуалов, в рамках которой их независимый авторитет опирается прежде всего на принадлежность к институтам производства знания.

3. «50 самых влиятельных современных философов 2022»

Данный перечень представляет собой не рейтинг, а неранжированный список наиболее влиятельных современных представителей одной из старейших сфер интеллектуального труда, упорядоченных в алфавитном порядке (50 Most Influential Living Philosophers 2022). Составителями рейтинга выступают авторы коллективного блога о сфере высшего образования в США — *The Best Schools*. Подобный перечень, по мнению составителей этого списка, важен, так как на протяжении столетий философы формировали то, как мы видим и познаем окружающий мир и себя. Философия и сегодня продолжает выполнять эту функцию, однако мало кто знает, кто такие современные философы. Список десяти первых по алфавиту философов выглядит следующим образом:

1. Кваме Энтони Аппиа (Kwame Anthony Appiah);
2. Алан Бадью (Alain Badiou);
3. Саймон Блэкберн (Simon Blackburn);
4. Роберт Брэндом (Robert Brandom);
5. Тайлер Бердж (Tyler Burge);
6. Джудит Батлер (Judith Butler);
7. Нэнси Картрайт (Nancy Cartwright);
8. Дэвид Чалмерс (David Chalmers);
9. Ноам Хомский (Noam Chomsky);
10. Энди Кларк (Andy Clark).

Перечень подготовлен при поддержке сервиса *Academic-Influence.com*, который с помощью искусственного интеллекта позволяет ранжировать наиболее цитируемых и академически

заметных ученых в интернете, основываясь на данных Википедии и Викиданных, сервиса по поиску научных статей *Semantic Scholar* и сервиса по составлению библиографии *CrossRef* (подробнее о принципах работы этого сервиса см.: параграф, посвященный *think tanks*). Таким образом, в данном случае используется более широкая база данных, отличающаяся от стандартизированных наукометрических показателей, ограничивающихся уровнем цитируемости в научных публикациях. Сравнение с перечнем ведущих философов по версии рейтинга *World Top 100 Scientists* показывает разительное отличие эти двух алгоритмов отбора.

Данный список включает в себя ряд европейских философов (А. Бадью, Ю. Хабермас), однако явным образом сфокусирован на англоязычной и прежде всего американской академической среде. Он также показывает, что множества ведущих ученых и интеллектуалов, фигурирующих в соответствующих рейтингах, отчасти пересекаются, что в данном случае видно на примере Н. Хомского и Ю. Хабермаса.

Национальные и региональные рейтинги

В данном разделе выборочно представлен ряд национальных рейтингов. Стоит отметить, что тягой к рейтингованию в этой сфере отмечены далеко не все страны: это можно объяснить в том числе культурно-обусловленным различием отношения к допустимости ранжирования людей, занятых интеллектуальным трудом. В частности, такого рода рейтинги фактически отсутствуют в странах исламского мира.

1. Германия

Рейтинг 500 самых значимых интеллектуалов немецкоязычного мира по версии либерально-консервативного журнала «Цицерон» в седьмой раз был опубликован в январе 2022 г. (Cicero 2022). Журнал издается с 2004 г. в городе Потсдам, первая версия рейтинга была опубликована в 2006 г. По словам авторов проекта, рейтинг

призван отобразить «интеллектуальное влияние немецкоязычных интеллектуалов», «их публичную интерпретационную силу», но он при этом «не отражает качество содержания». Последняя версия рейтинга основывается на данных последних 10 лет и опирается на четыре вида данных: 1) присутствие в 160 наиболее важных немецкоязычных газетах и журналах; 2) цитирование в интернете; 3) научная цитируемость *Google Scholar*; 4) перекрестные ссылки в биографическом архиве Мюнцингер, отражающие значимость автора в сетевом взаимодействии. Политики не включаются в число рейтингуемых авторов.

В 2022 г. немецкий философ Петер Слотердаjk занял первое место среди «500 самых важных интеллектуалов немецкоязычного мира». За ним следует австрийский писатель и лауреат Нобелевской премии по литературе Петер Хандке. Тройку лидеров замыкает философ Юрген Хабермас. На четвертом месте — Эльфрида Елинек, австрийская писательница и лауреат Нобелевской премии. Вирусолог Кристиан Дростен впервые участвует в рейтинге и сразу поднимается на 18-е место. Социолог Андреас Реквиц с 255-го места в 2019 г. поднялся до 61-го места в 2022 г. Позиция Германа Люббе снизилась до 362-го места. По мнению составителя списка Макса Хефера, седьмой рейтинг показал, что интеллектуалы, которые слишком далеко отходят от доминирующих нарративов — на тот момент ведущей темой был коронавирус — значительно теряют свои позиции по сравнению с позициями в рейтинге в 2019 г. Также можно заметить, что позиция интеллектуала в рейтинге определяется степенью постоянства присутствия в масс-медиа. Лидирующий в рейтинге Слотердаjk, в частности, был ведущим интеллектуального шоу на одном из каналов немецкого телевидения, тогда как Герман Люббе, напротив, давно не высказывается в прессе по вопросам актуальной повестки.

2. Испания и Латинская Америка

Esglobal является самым крупным цифровым СМИ на испанском языке, издается Фондом международных отношений и международного диалога (FRIDE). В 2014 г. издание реализовало проект

по рейтингованию 50 наиболее влиятельных иберо-американских интеллектуалов (Los 50 intelectuales iberoamericanos 2014).

В программной статье, сообщающей о задачах рейтинга, указано, что его основная цель в том, чтобы поддержать таланты и подчеркнуть разнообразие точек зрения, представленных на испанском и португальском языках, — в качестве альтернативы англоязычному доминированию в современном мире.

Рейтинг формируется по следующим критериям:

- 1) деятельность кандидатов укладывается в рамки актуальных проблем современного общества;
- 2) кандидаты должны осуществлять свою деятельность в наибольшей степени на испанском или португальском языках, либо их деятельность должна быть направлена на их продвижение;
- 3) влияние в иберо-американской и международной среде.

Создатели рейтинга отмечают, что одной из его целей является рефлексия на тему того, что сегодня означает быть публичным интеллектуалом в Испании, Португалии и Латинской Америке. С 2018 г. рейтинг не возобновлялся.

Рейтинг в большей степени учитывает достижения кандидатов в борьбе за гендерное равенство, права женщин, демократию, свободу слова, успехи в искусстве, культуре, науке, вклад в развитие латинской культуры и распространение языка. Специфичной для рейтинга является тема борьбы за права индейских племен, проблемы экологии же в большей степени связаны не столько с темой глобального потепления, сколько с сохранением биоразнообразия и борьбы с голодом.

3. Россия

С 2004 г. группой «Интелрос» был реализован ряд проектов по составлению рейтингов российских интеллектуалов и их текстов. Публично доступные результаты этой работы не позволяют, однако, в полной мере понять, насколько этот проект оказался успешным в силу приостановки его реализации и варьирования используемых методологий в рамках его различных итераций. Цели и методология проекта описана в его преамбуле (Рейтинг 2007). Кратко рассмотрим основные версии рейтинга.

1. Рейтинг социогуманитарных мыслителей. 100 ведущих позиций. Год: 2001–2004 (рейтинг от 30.08.2004 (бета-версия)) (Рейтинг 2004а). Бета-версия рейтинга включает 100 основных и 20 дополнительных ранжированных по значимости позиций интеллектуалов, отобранных на основе мнений членов экспертного совета (состав экспертов этой бета-итерации в настоящее время публично недоступен).
2. Рейтинг российских социогуманитарных мыслителей. 100 ведущих позиций. Год: 2003/2004 (рейтинг от 30.12.2004 (выпуск 1)) (Рейтинг 2004б). Первая финальная версия рейтинга включает 100 ранжированных позиций интеллектуалов, а также 20 дополнительных позиций, отобранных на основании мнений членов экспертного совета проекта. Состав этого совета был расширен по отношению к предшествующей бета-версии проекта. Рейтинг текстов российских социогуманитарных мыслителей (рейтинг от 30.12.2005 (выпуск 2)) (Рейтинг 2005). Год 2004/2005 включал 98 основных и 20 дополнительных текстов, отбираемых на основе анкетирования мнений экспертного совета проекта (Экспертный совет 2007).
3. Рейтинг «София-2013». Рейтинг» был инициирован в конце 2009 г. и предусматривал ранжирование людей и текстов, тем или иным образом оказавших в 2008–2012 гг. публичное воздействие на русскоязычную аудиторию (Рейтинг 2013). Важным условием попадания в лонг-лист был критерий — наличие у автора оригинальной идеи и создание влиятельных текстов (в позиции каждого из кандидатов указывались три ключевых произведения, созданные в 2008–2009 гг.). В список интеллектуалов вошли социальные теоретики, философы, представители гуманитарных наук и политические деятели. Механизм рейтингования предполагал как экспертную оценку, так и механизм открытого онлайн-голосования. Запущенное открытое голосование по составлению лонг-листа интеллектуалов было впоследствии приостановлено, равно как и не был предоставлен шорт-лист экспертной оценки.

Доступный до настоящего времени лонг-лист, однако, дает актуальный срез публичного интеллектуального ландшафта России в начале 2000 – середине 2010-х гг., включая также данные онлайн-голосования, длившегося в течение длительного времени.

4. Африка

Африканские эксперты из сферы технологий достаточно плохо представлены в мировых СМИ. Чтобы компенсировать этот недостаток, в рамках Международного дня лиц африканского происхождения в 2021 г. редакторы портала *Techpoint Africa* подготовили список 10 африканцев, которыми может гордиться континент в сфере технологий (*African experts 2021*). Список соблюдает принципы гендерного баланса, и в нем можно найти пятерых предпринимателей обоих полов, являющихся основателями стартапов или уже сложившихся компаний в сфере информационных технологий. Таким образом, данный перечень имеет смысл символического жеста, призванного поднять международный престиж африканского континента, «поместить Африку на карту мира» в сфере высоких технологий.

Рейтинг экспертно-аналитических центров

Помимо рейтингов интеллектуалов, существуют также рейтинги «мозговых», или экспертно-аналитических, центров (*think tanks*) – организаций, которые выше были определены в качестве «коллективных интеллектуалов». Наиболее актуальный рейтинг такого рода подготовлен порталом *Academicinfluence.com* (*Top Influential Think Tanks 2021*), специализирующимся также на разработке академических рейтингов школ, университетов, колледжей и т.п.

Как заявляют авторы проекта, в его рамках была «разработана инновационная и непредвзятая технология ранжирования с использованием машинного обучения», механизм которой под названием «*InfluenceRanking*» запатентован и позволяет оценивать

влияние институтов и ученых по всему миру, опираясь на три ключевых принципа:

- 1) прозрачность – рейтинги должны быть общедоступными, чтобы любой желающий мог воссоздать их на основе открытых баз данных (Википедии, Crossref, сервиса по подборке библиографии и т.п.);
- 2) объективность – реализация принципа «ранжирование без вмешательства человека»;
- 3) неигровой характер – «рейтинг должен быть надежным в том смысле, что люди не должны иметь возможности вносить какие-то изменения в наборы данных, на которых он основан, и тем самым существенно его корректировать».

Рейтинг самых влиятельных экспертно-аналитических центров 2021 г. в основном представлен организациями из США (35) и Великобритании (10).

Десятка наиболее влиятельных центров выглядит следующим образом:

1. *Brookings Institution* (Брукингский институт);
2. *The Heritage Foundation* (Фонд «Наследие»);
3. *Council on Foreign Relations*
(Совет по международным отношениям);
4. *Cato Institute* (Институт Катона);
5. *Center for Strategic and International Studies*
(Центр стратегических и международных исследований);
6. *American Enterprise Institute*
(Американский институт предпринимательства);
7. *RAND Corporation*;
8. *Carnegie Endowment for International Peace*
(Фонд Карнеги за международный мир);
9. *Atlantic Council* (Атлантический совет);
10. *Hoover Institution* (Гуверовский институт).

Данный рейтинг включает в себя краткую историю каждого попавшего в него центра, а также маркирует его политическую направленность (консервативный, либертарианский и т. д.). В качестве

дополнительной информации приводятся сведения о наиболее известных персонах, которые были с ним связаны. Например, нынешний президент США Джо Байден связан с основанным в 1921 г. центром под названием Совет по международным отношениям (издает журнал *Foreign Affairs*). Политическая классификация, которая структурирует систему *think tanks* в данном рейтинге, позволяет расширить используемую нами метафору: данные институты выступают как «ангажированные коллективные интеллектуалы».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Аристотель (1978) Об истолковании / Соч. : В 4 т. Т.2. М.: Мысль.
- Аттали Ж. (2014) Краткая история будущего. СПб.: Питер.
- Брайдоги Р. (2021) Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара.
- Бьюн-Чул Хан (2014) Прозрачное общество. М.: Логос.
- Вернадский В. И. (1991) Несколько слов о ноосфере (1943–1944) // Научная мысль как планетное явление. М.: Наука.
- Витгенштейн Л. (1994) Философские исследования // Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис. С. 75–319.
- Гегель Г. В. Ф. (1990) Философия права. М.: Мысль.
- Дебор Г. (2000) Общество спектакля. М.: Логос.
- Деланда М. (2018) Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Hyle Press.
- Дескола Ф. (2012) По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение.
- Ермоленко А. (2022) Юрген Хабермас: Война и возмущение vs Анатолий Ермоленко: Соппротивление вместо переговоров. // Sapere aude. URL: <https://sapere.online/yurgen-habermas-vs-anatolij-ermolenko/>.
- Замятин Е. И. (2020) Мы. СПб.: СЗКЭО.
- Зубофф Ш. (2022) Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство.
- Истомин И. (2021) Институциональный ревизионизм в международной политике: продукт подъема, дитя упадка или что-то иное? М.: Клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/revizionizm-konservatizm-rossia/>.
- Козеллек Р. (2014) Введение (Einleitung) // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: В 2 т. Т.1 / Р. Козеллек. М.: Новое литературное обозрение.

- Куренной В. А. (2009) Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов / Под ред. В. А. Куренного. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии».
- Куренной В. А. (2006) Интеллектуалы // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений / Под ред. В. А. Куренного. М.: Фонд «Наследие Евразии».
- Куренной В. А. (2017) История философской истории понятий / Предисловие к переводу Г. Люббе // Социология власти. Т. 29. № 4. С. 197–239.
- Куренной В. А., Никулин А. М., Рогозин Д. М., Турчик А. В. (2008) Мыслящая Россия. Интеллектуально-активная группа / В. А. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии».
- Кустарев А. (2006) Нервные люди: очерки об интеллигенции. М.: Товарищество научных изданий КМК.
- Лавлок Д., Эппльярд Б. (2022) Новацен. Грядущая эпоха сверхразума. СПб.: Издательство ЕУСПб.
- Латур Б. (2006) Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латур Б. (2018) Политики природы. Как привить наукам демократию. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Латур Б. (2019) Где приземлиться? Опыт политической ориентации. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Макинтайр А. (2000) После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга.
- Макканелл Д. (2016) Турист. Новая теория праздного класса. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Маркс К. (1960) Капитал. Критика политической экономии. Т.1. // Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Маркс К. (1975) Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Сочинения. 2-е изд. Т. 40. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Мейясу К. (2017) После конечности. Эссе о необходимости контингентности. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый.
- Мур Дж. (1984) Принципы этики. М.: Прогресс.
- Научные центры (2022). В России создадут шесть научных центров исследования изменений климата // ТАСС. – 2022. 28 сентября. – URL: https://nauka.tass.ru/nauka/15896167?utm_source=google.

ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru.

- Пинкер С. (2021) Просвещение продолжается: В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса. М.: Альпина нон-фикшн.
- Писарев А., Астахов С., Гавриленко С. (2017) Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Логос. № 1 (27). С.1–40.
- Поппер К.Р. (1993) Нищета историцизма. М.: Издательская группа «Прогресс» – VIA.
- Поппер К.Р. (2004) Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПЛ «Ермак».
- Рансьер Ж. (2022) Экология не дарит надежду, а угрожает катастрофой // centerforpoliticalanalysis.ru URL: <https://centerforpoliticalanalysis.ru/position/read/id/ekologija-ne-darit-nadezhdu-a-ugrozhaet-katastrofoj>.
- Рейтинг (2013). Рейтинг «София-2013» // intelros.ru. 2013. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09.
- Рейтинг (2004а). Рейтинг российских социогуманитарных мыслителей. 100 ведущих позиций.
- Год 2003/2004 // intelros.ru. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/1360-rejting_ot_30122004_vypusk_1_russkaja_versija.html.
- Рейтинг (2004б). Рейтинг социогуманитарных мыслителей. 100 ведущих позиций. Год 2001–2004 // intelros.ru. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/1362-rejting_ot_30082004_betaversija.html.
- Рейтинг (2005). Рейтинг текстов российских социогуманитарных мыслителей.
- Год 2004/2005 // intelros.ru. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/1358-rejting_ot_30122005_vypusk_2.html.
- Рейтинг (2007). Рейтинг социогуманитарных мыслителей: 100 ведущих позиций. Год 2003/2004 // intelros.ru. URL: <http://www.intelros.ru/2007/10/22/preambula.html>.
- Реквиц А. (2022) Общество сингулярностей. Москва, Берлин: Директмедиа Паблишинг.
- Ритцер Д. (2011) Макдональдизация общества 5. М.: Практикс.
- Рогозин Д.М. (2015) Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. № 14 (1). С. 224–273.
- Сартр Ж.П. (1990) Защитительная речь в пользу интеллектуалов. URL: https://sceptis.net/library/id_2752.html.

- Сингер П. (2021) Освобождение животных. М.: Синдбад.
- Стэндинг Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. М.: Ad Marginem.
- Сувалко А. С., Фигура М. Д. (2021) Уроборос и другие экстернальные эффекты полевой научной инфраструктуры // Социология власти. Т. 33. № 3. С. 149–182.
- Темп роста населения (2021). URL: <https://datacommons.org/place/Earth?category=Demographics&hl=ru>.
- Тоффлер Э. (2002) Шок будущего. М.: АСТ.
- Урри Дж. (2018) Как выглядит будущее? М.: Издательский дом «Дело».
- Хабермас Ю. (2006) Первым почуть важно. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. № 47. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2006/3>.
- Хабермас Ю. (2016) Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир.
- Харауэй Д. (2005) Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000. М.: РОССПЭН. С. 322–376.
- Хардин Г. (1968) Трагедия ресурсов общего пользования // old.inliberty.ru. URL: <https://old.inliberty.ru/library/211-tragediya-resursov-obshchego-polzovaniya>.
- Харман Г. (2017а) Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. № 3. С. 1–34.
- Харман Г. (2017б) Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Hyle Press.
- Хитров А. (2021) Выбери меня: как создают политические сериалы // Постнаука. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ba9hFU4FNqs&t=393s&ab_channel=%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%9D%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B0.
- Хохшильд Р. (2019) Управляемое сердце: коммерциализация чувств. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Чакрабарти Д. (2020) Об антропоцене. М.: V-A-C Press.
- Черновская М. (2022) Критика марксизма как прототеория культурного капитала и «нового класса»: теория интеллигенции Яна Вацлава Махайского // Социологическое обозрение. Т. 21. № 1. С. 235–263.
- Чулок А. (2021) Предупрежден – значит вооружен: какие события будущего могут изменить всё // rbc.ru. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/6064ac569a794724dfb506a0>.

- Шарль К. (2005) Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М.: Новое издательство.
- Шеффер Ж.М. (2010) Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение.
- Экспертный совет (2007). Экспертный совет рейтинга текстов российских социогуманитарных мыслителей. Год 2004/2005 // intelros.ru. 2007. URL: http://www.intelros.ru/2007/10/22/jekspertnyjj_sovet.html.
- Энциклика (2015). *Laudato Si'* Святейшего Отца Франциска «О заботе об общем доме». URL: https://www.vatican.va/content/francesco/ru/encyclicals/documents/papa-francesco_20150524_enciclica-laudato-si.html.
- Юрчак А. (2014) Это было навсегда, пока не кончилось. М.: Новое литературное обозрение.
- 50 Most Influential Living Philosophers (2022). 50 Most Influential Living Philosophers URL: <https://thebestschools.org/magazine/most-influential-living-philosophers/>.
- Abadi C. (2022) What if Democracy and Climate Mitigation Are Incompatible? // Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/01/07/climate-change-democracy/>.
- Abrams S. J. (2021) A Real Rural Future. // AEI. URL: <https://www.aei.org/politics-and-public-opinion/a-real-rural-future/>.
- African experts. 10 African tech experts putting Africa on the world map // techpoint.africa. – 2021. 31 августа. URL: <https://techpoint.africa/2021/08/31/10-african-tech-experts>.
- Agamben G. (2020) A che punto siamo? L'epidemia come politica. Macerata: Quodlibet.
- Anderson T. L., Leal D. R. (2015) Free Market Environmentalism for the Next Generation. New York: Palgrave Macmillan.
- Attali J. (2022) Pour la Russie, l'Europe est l'anti-modèle. Entretien avec la radio // Europe-1. URL: https://www.youtube.com/watch?v=g9m5ZXRgYG8&ab_channel=Europe1.
- August V., Osrecki F. (2019) Der Transparenz-Imperativ. Normen, Praktiken, Strukturen. Wiesbaden: Springer VS.
- Barnett M. (2021) International Progress, International Order, and the Liberal International Order // The Chinese Journal of International Politics. Vol. 14 (Issue 1). Pp. 1-22.

- Benaich N., Hogarth I. (2022) Welcome to State of AI Report // Staty of AI. URL: <https://www.stateof.ai/2022-report-launch.htm>.
- Berktaş H. (2022) Batının sömürgeciliği başka, Batıyla çıkagelen insanlık değerleri başka. *Açıkdeniz*. No. 5. Pp. 134–167.
- Biermann F. (2019) *Anthropocene Encounters: New Directions in Green Political Thinking*. Cambridge University Press.
- Biermann F., Kim R. E. (Eds.) (2022) *Architectures of Earth System Governance: Institutional Complexity and Structural Transformation*. Cambridge University Press.
- Blake J., Gilman N. *Governing* (2021) In *The Planetary Age* // Noema. URL: <https://www.noemamag.com/governing-in-the-planetary-age/>.
- Blewett R. A. (1995) Property Rights as a Cause of the Tragedy of the Commons: Institutional Change and the Pastoral Maasai of Kenya // *Eastern Economic Journal*. Vol. 21. No. 4. Pp. 477–490.
- BP Statistical Review (2022). *BP Statistical Review of World Energy*. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html>.
- Braidotti R. (2016) *Posthuman Critical Theory* // *Critical posthumanism: planetary futures* / D. Banerji, M. R. Paranjape (Eds.). New Delhi: Springer India. Pp. 13–32.
- Brain S. (2012) *The Environmental History of the Soviet Union* // in J. R. McNeill and Erin C. S. Mauldin, eds., *A Companion to Global Environmental History* – Chichester, UK: Wiley-Blackwell. Pp. 222–243.
- Bruckner P. (2012) *The Fanaticism of The Eco-Apocalypse* // *netzerowatch.com*. URL: <https://www.netzerowatch.com/pascal-bruckner-the-fanaticism-of-the-eco-apocalypse/>.
- Brynjolfsson E., McAfee A. (2015) Will Humans Go the Way of Horses? // *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/world/will-humans-go-way-horses>.
- Bulaç A. (2009) *Causes of conflict between Islam and the West*. // *IslamiCity*. URL: <https://www.islamicity.org/3559/causes-of-conflict-between-islam-and-the-west/>.
- Bulaç A. (1995) *Din ve Modernizm. Bütün Eserleri 4*. İz Yayıncılık.
- Carbon-Neutral Future (2022). *Hydrogen and a Carbon-Neutral Future* // *swri.org* – 2022. – URL: <https://www.swri.org/technology-today/article/hydrogen-carbon-neutral-future>.

- Chakrabarty D. (2022) The Planet Is a Political Orphan // noemamag.com. URL: <https://www.noemamag.com/the-planet-is-a-political-orphan>.
- Chan Ling Chi (2014) Privacy is (not) dead // stanforddaily.com. URL: <https://stanforddaily.com/2014/10/07/privacy-is-not-dead/>.
- Cheek T., Ownby D., Fogel J. (2018) Mapping the intellectual public sphere in China today // China Information. Vol. 32 (1). Pp. 107–120.
- Cheek T., Ownby D., Fogel J. (eds.). (2020) Voices from the Chinese century: public intellectual debate from contemporary China. Columbia University Press.
- Chibber V. (2022) The Class Matrix. Social Theory after the Cultural Turn. Cambridge: Harvard University Press.
- Cicero (2022). Die 500 wichtigsten Intellektuellen – Platz 1 bis 100 // cicero.de. URL: <https://www.cicero.de/kultur/ranking-die-500-wichtigsten-intellektuellen--platz-1-bis-100>.
- Clark A., Dennison S. (2021) Climate / in The Power Atlas: Seven Battlegrounds of a networked World. Berlin: European Council on Foreign Relations, Stiftung Mercator.
- Clark N. (2019) Enflamed imaginations: of fire and futurity // Culture and Climate Change: Scenarios / R. Tyszczyk, J. Smith, R. Butler (Eds.). Cambridge: Shed.
- Clark N., Szerszynski B. (2020) Planetary Social Thought: The Anthropocene Challenge to the Social Sciences. Cambridge: Polity.
- Clifford C. (2016) Elon Musk says robots will push us to a universal basic income – here's how it would work // CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/2016/11/18/elon-musk-says-robots-will-push-us-to-a-universal-basic-income-heres-how-it-would-work.html>.
- Connolly K. (2022) Germany to reactivate coal power plants as Russia curbs gas flow // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/jul/08/germany-reactivate-coal-power-plants-russia-curbs-gas-flow>.
- Danowski D., Viveiros E.C. (2016) The Ends of the World. Cambridge: Polity.
- Davis A. J. (2022) The Role of Nuclear Energy in the Global Energy Transition. The Oxford Institute for Energy Studies.
- Dawkins R. (2022) Why A.I. Might Run the World Better Than Humans Do // Bigthink. URL: <https://bigthink.com/videos/richard-dawkins-richard-dawkins-why-ai-might-run-the-world-better-than-humans-do/>.
- Defending Digital Privacy (2022). Defending Digital Privacy in a Pandemic // Cato.org. URL: <https://www.cato.org/policy-report/march/april-2022/defending-digital-privacy-pandemic>.

- Diamond J. (2005) *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*. London: Allen Lane.
- Dictatorships and climate change (2019). Are dictatorships better than democracies at fighting climate change? // *Economist.com*. URL: <https://www.economist.com/asia/2019/09/21/are-dictatorships-better-than-democracies-at-fighting-climate-change>.
- Dilipak A. (2022a) Şeytan'ın İK'si! // *Yeni Akit*. URL: <https://www.yeniakit.com.tr/yazarlar/abdurrahman-dilipak/seytanin-iksi-39814.html><https://www.cumhuriyet.com.tr/yazarlar/emre-kongar/emperyalistler-nicin-laikligi-sevmezler-ataturk-sendromu-1923633>.
- Dilipak A. (2022b) Türk olmak // *Yeni Akit*. URL: <https://www.yeniakit.com.tr/yazarlar/abdurrahman-dilipak/turk-olmak-39853.html><https://www.cumhuriyet.com.tr/yazarlar/emre-kongar/emperyalistler-nicin-laikligi-sevmezler-ataturk-sendromu-1923633>.
- Dilipak A. (2022c) Yeni dinler geliyor // *Yeni Akit*. URL: <https://www.yeniakit.com.tr/yazarlar/abdurrahman-dilipak/yeni-dinler-geliyor-39654.html><https://www.cumhuriyet.com.tr/yazarlar/emre-kongar/emperyalistler-nicin-laikligi-sevmezler-ataturk-sendromu-1923633>.
- Ding X., Yuhao Zhong D. (2020) Rethinking China's Social Credit System: A Long Road to Establishing Trust in Chinese Society // *Journal of Contemporary China*. Pp.1-15.
- Directorate General for Energy (2021). In focus: Batteries – a key enabler of a low-carbon economy // *ec.europa.eu*. URL: https://ec.europa.eu/info/news/focus-batteries-key-enabler-low-carbon-economy-2021-mar-15_en/.
- Donelly D. (2022) China Social Credit System Explained – What is it & How Does it Work? // *Horizons*. URL: <https://nhglobalpartners.com/china-social-credit-system-explained/>.
- Dongyan L. (2022) The Hidden Dangers of Facial Recognition Technology // *Reading The China Dream*. URL: <https://www.readingthechinadream.com/lao-dongyan-artificial-intelligence.html>.
- Dutkiewicz P., Casier T., Scholte J.A. (Eds.) (2020) *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics*. London, New York: Routledge.
- Duverger T. (2020) Degrowth: the history of an idea // *Ehne*. URL: <https://ehne.fr/en/node/12253>.
- Duzgun E. (2022) Radicalising Global IR: Modernity, Capitalism, and the Question of Eurocentrism // *The Chinese Journal of International Politics*. Vol. 15(3). Pp. 313-333.

- Earth System Governance (2022). URL: <https://www.earthsystemgovernance.org/>.
- Ehrlich P. R. (1968) *The Population Bomb*. New York: Ballantine Books.
- Energy Security (2022). China Won't Stop Using Fossil Fuels Until Clean Sources Can Provide Enough Energy Security // Time.com URL: <https://time.com/6222566/china-fossil-fuel-plan-xi-jinping/>.
- Epstein R. (2016) *The empty brain* // Aeon. URL: <https://aeon.co/essays/your-brain-does-not-process-information-and-it-is-not-a-computer>.
- Esposito E., Stark D. (2019) What's Observed in a Rating? Rankings as Orientation in the Face of Uncertainty // *Theory, Culture & Society*. Vol. 36 (4). Pp. 3-26.
- Feenberg A. (1999) *Questioning Technology*. London: Routledge.
- Feeney M. (2018) If you value privacy, resist any form of national ID cards // *Washington Examiner*. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/opinion/if-you-value-privacy-resist-any-form-of-national-id-cards>.
- Frankish K., Ramsey W. (2014) *The Cambridge handbook of artificial intelligence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fukuyama F. (2022a) More Proof That This Really Is the End of History // *The Atlantic*. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2022/10/francis-fukuyama-still-end-history/671761/>.
- Fukuyama F. (2022b) *Liberalism and Its Discontents*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Fukuyama F. (2022c) «Governance and Climate Realism» // Youtube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=uYJd_CaXp0c.
- Gardels N. (2022) *Red China's Green Lining* // *Noema*. URL: <https://www.noemamag.com/red-chinas-green-lining/>.
- Gates B. (2022) *The best questions that Redditors asked me* // *Gates Notes*. URL: <https://www.gatesnotes.com/About-Bill-Gates/2022-Reddit-AMA>.
- Gates on Nuclear Energy (2013). Bill Gates on Nuclear Energy and TerraPower // *Ans.org* URL: <https://www.ans.org/news/article-1235/bill-gates-on-nuclear-energy-and-terrapower/>.
- Gates on Nuclear Energy (2022). IAEAvideo. Bill Gates on Nuclear Energy and Reaching Net Zero // Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=y4pDyQzguJE>.
- Georgieva K., Gopinath G., Pazarbasioglu C. *Why We Must Resist Geoeconomic Fragmentation – And How* // *imf.org*. 2022. 22 мая. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2022/05/22/blog-why-we-must-resist-geoeconomic-fragmentation>.

- Global Energy Crisis (2022). Global Energy Crisis // [iea.org](https://www.iea.org/topics/global-energy-crisis#what-is-the-energy-crisis). – URL: <https://www.iea.org/topics/global-energy-crisis#what-is-the-energy-crisis>.
- Global Thinkers FP (2019). A Decade of Global Thinkers Foreign Policy 2019 // [Foreignpolicy.com](https://foreignpolicy.com). URL: <https://foreignpolicy.com/2019-global-thinkers/>.
- Graham A. (2017) What Xi Jinping Wants? // [The Atlantic](https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/05/what-china-wants/528561/). URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/05/what-china-wants/528561/>.
- Green Hydrogen (2020). Making Green Hydrogen a Cost-Competitive Climate Solution // [irena.org](https://www.irena.org/news/pressreleases/2020/Dec/Making-Green-Hydrogen-a-Cost-Competitive-Climate-Solution) – 2020. 17 декабря. – URL: <https://www.irena.org/news/pressreleases/2020/Dec/Making-Green-Hydrogen-a-Cost-Competitive-Climate-Solution>.
- Gumbrecht H.U. (2018) Die Ökokalypse und das Klima der Endzeit // [Zu Daily](https://www.zu-daily.de/daily/zuruf/2018/05-18_gumbrecht-oekokalypse-klima-der-endzeit.php). URL: https://www.zu-daily.de/daily/zuruf/2018/05-18_gumbrecht-oekokalypse-klima-der-endzeit.php.
- Hank R. (2019) Die Feinde des Fortschritts // [Faz](https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/hanks-welt/die-feinde-des-fortschritts-warum-es-sich-lohnt-hermann-luebbe-zu-lesen-16548001-p2.html). URL: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/hanks-welt/die-feinde-des-fortschritts-warum-es-sich-lohnt-hermann-luebbe-zu-lesen-16548001-p2.html>.
- Harari Y.T. (2022) TED. Yuval Noah Harari Reveals the Real Dangers Ahead // [youtube.com](https://www.youtube.com/watch?v=w7DohVZS5Yo). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=w7DohVZS5Yo>.
- Haraway D. J. (2016) *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene*. Durham, NC: Duke University Press.
- Hardin G. (2015) Lifeboat Ethics: the Case Against Helping the Poor // [The Garrett Hardin Society](https://www.garretthardinsociety.org/articles/art_lifeboat_ethics_case_against_helping_poor.html). URL: https://www.garretthardinsociety.org/articles/art_lifeboat_ethics_case_against_helping_poor.html.
- Herbart J. F. (1814) *Ueber meinen Streit mit der Modephilosophie diese Zeit*. Auf Veranlassung zweyer Recensionen in der Jenaischen Literaturzeitung. Königsberg: bei August Wilhelm Unzer.
- Hogg R. (2021) Elon Musk says the world still needs to use oil and gas or 'civilization will crumble' // [Business Insider](https://www.businessinsider.in/thelife/news/elon-musk-says-the-world-still-needs-to-use-oil-and-gas-or-civilization-will-crumble/articleshow/93858774.cms#:~:text=/). URL: <https://www.businessinsider.in/thelife/news/elon-musk-says-the-world-still-needs-to-use-oil-and-gas-or-civilization-will-crumble/articleshow/93858774.cms#:~:text=/>.
- Horn E., Berghaller H. (2019) *Anthropozan: zur Einführung*. Hamburg: Junius Verlag.
- Huang P., Westman L. (2021) China's imaginary of ecological civilization: A resonance between the state-led discourse and sociocultural dynamics // *Energy research & Social Science*. Vol. 81. Pp. 1–7.

- Hui Q. (2015) Dilemmas of Twenty-First Century Globalization: Explanations and Solutions, with a Critique of Thomas Piketty's Twenty-First Century Capitalism // Aisixiang.com. URL: <http://www.aisixiang.com/data/90079.html>.
- Hui W. (2018) The Economy of Rising China and Its Contradictions // 21bcr.com. URL: <http://www.21bcr.com/project-post/zhongguojueqidejingyanjqimianlindetiaozhan/>.
- Hulme M. (2020) Ein Problem, das sich nicht lösen lässt // Welt Sichten. URL: <https://www.welt-sichten.org/artikel/38368/klimawandel-ein-problem-das-sich-nicht-loesen-laess>.
- Illouz E. (2007) Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism. Cambridge: Polity Press.
- IPBES (2022) Thematic Assessment Report on the Sustainable Use of Wild Species of the Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services (1499 pages). Fromentin, J. M., Emery, M. R., Donaldson, J., Danner, M. C., Hallosserie, A., and Kieling, D. (eds.). IPBES secretariat, Bonn, Germany. URL <https://ipbes.net/sustainable-use-assessment>
- Jacoby R. (2000) The Last Intellectuals: American Culture in the Age of Academe. New York: Basic Books.
- Johansen R.C. (2022) Where the Evidence Leads: A Realistic Strategy for Peace and Human Security. New York: Oxford University Press.
- Karakaş E. (2022) Batının ahlaki çöküşü aslında nedir? // Artigercek. URL: <https://artigercek.com/yazarlar/eserkarakas/batinin-ahlaki-cokusu-aslinda-nedir>.
- Karakaş E. (2022) Her şerde (!) bir hayır vardır: Beyin göçü çok iyidir // Artigercek.com. URL: <https://artigercek.com/yazarlar/eserkarakas/her-serde-bir-hayir-vardir-beyin-gocu-cok-iyidir>.
- Karasipahi S. (2009) Muslims in Modern Turkey Kemalism, Modernism and the Revolt of the Islamic Intellectuals. London and New York: I.B. Tauris.
- Kerry C.F., Meltzer J.P., Renda A. (2022) Report October 2022: Global AI Cooperation on the Ground AI Research and Development on a Global Scale. Washington: Brookings Institute. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2022/11/FCAI-October-2022.pdf> .
- Knight W. (2022) Elon Musk's Half-Baked Robot Is a Clunky First Step // Wired.com URL: <https://www.wired.com/story/elon-musks-half-baked-robot-is-a-clunky-first-step/> .

- Kongar E. (2022) Emperyalistler niçin laikliği sevmezler: Atatürk sendromu // Cumhuriyet.com.tr. URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/yazarlar/emre-kongar/emperyalistler-nicin-laikligi-sevmezler-aturturk-sendromu-1923633>.
- Kongar E. (2022) Yeniemperyalizmin de silahı: Kimlik politikası // Cumhuriyet.com.tr. URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/siyaset/emre-kongar-yazdi-yeniemperyalizmin-de-silahi-kimlik-politikasi-1923564>.
- Latour B. (2018) Down to Earth: Politics in the New Climatic Regime. Cambridge: Polity.
- Latour B. (2017) Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime. Polity.
- Latour B. (2021) Ce virus est là pour nous préparer au nouveau régime climatique // France Culture. URL: https://www.youtube.com/watch?v=BqM-sk_ZLeU&ab_channel=FranceCulture.
- Latour B. (2021) Où suis-je? Leçons du confinement à l'usage des terrestres. Empêcheurs de penser ron.
- Latour B., Schultz N. (2022) Mémo sur la nouvelle classe écologique. Comment faire émerger une classe écologique consciente et fière d'elle-même. La Découverte.
- Leonard M. (Ed.) (2021) The Power Atlas: Seven battlegrounds of a networked world. Berlin: The European Council on Foreign Relations (ECFR). URL: <https://ecfr.eu/special/power-atlas/>.
- Levitz E. (2022) Why Effective Altruists Fear the AI Apocalypse // New York. URL: <https://nymag.com/intelligencer/2022/08/why-effective-altruists-fear-the-ai-apocalypse.html>.
- Lily Kuo (2019) China bans 23m from buying travel tickets as part of 'social credit' system // The Guardian.com. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/01/china-bans-23m-discredited-citizens-from-buying-travel-tickets-social-credit-system>.
- Liping S. (2022) The Small Chess Board and the Big Picture: Russia in the Big Picture May Be Ukraine on the Small Chess Board // Cxyinfo.com. – URL: <https://www.cxyinfo.com/cms/show-9269.html>.
- Lomborg B. (2022) Запись в Твиттере // Twitter. URL: <https://twitter.com/BjornLomborg/status/1576607887794708480>.
- Los 50 intelectuales iberoamericanos (2014). Los 50 intelectuales iberoamericanos más influyentes 2014 // esglobal.org. URL: <https://www.esglobal.org/los-50-intelectuales-iberoamericanos-mas-influyentes-2014/>.

- Lovelock J. (2020) The biosphere and I are both in the last 1% of our lives // The Guardian. 18 июля. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2020/jul/18/james-lovelock-the-biosphere-and-i-are-both-in-the-last-1-per-cent-of-our-lives>.
- Lübbe H. (1971) Ernst und Unernst der Zukunftsforschung // Theorie und Entscheidung. Studien zum Primat der praktischen Vernunft. Freiburg: Rombach.
- Lübbe H. (1992) Okologische Probleme im kulturellen Wandel: Geschichte als Argument in der Umweltpolitik // Naturwissenschaften. Vol. 79. S. 485–488.
- Mağçıryan E. (2022) Nasıl Avrasyacı olduk? // Serbestiyet.com. URL: <https://serbestiyet.com/featured/nasil-avrasyaci-olduk-57085/>.
- Mallapaty S. (2021) China creates vast research infrastructure to support ambitious climate goals // Nature. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-021-03491-6>.
- Marquard O. (1986) Entlastungen: Theodizeemotive in der neuzeitlichen Philosophie // Apologie des Zufälligen. Philosophische Studien. Srungart: Reclam.
- Mazarr M.J., MacDonald T. (2022) Competing for System: The Essence of Strategic Rivalries. Rand Corporation. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA1404-2.html>.
- McBride J., Lloyd J., Wang S. (2022) Oil and Gas Assets at Risk // Thebreakthrough.org. URL: <https://thebreakthrough.org/articles/oil-and-gas-assets-at-risk-impacts-of-declining-fossil-production-in-climate-scenarios-in-the-us>.
- McClure W. (2021) Policy Design for Large Social Systems: Toward a More Systemic Approach to Policy Design. St. Paul, Minn.: Center for Policy Design Press.
- McKinsey Global Institute (2017). A Future That Works: Automation, Employment, And Productivity // Mckinsey.com. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/digital%20disruption/harnessing%20automation%20for%20a%20future%20that%20works/a-future-that-works-executive-summary-mgi-january-2017.ashx>.
- McNealy S. (1999) Sun on Privacy: ‘Get Over It’ // Wired.com. URL: <https://www.wired.com/1999/01/sun-on-privacy-get-over-it/>.
- Mies M., Vandana S. (1993) Ecofeminism. London: Zed Books.

- Ming C. (2015) *Transcend Left and Right, Unite the Three Traditions, Renew the Party-State: A Confucian Interpretation of the China Dream* // Rujiazg.com. URL: <http://www.rujiazg.com/article/id/4939/>.
- Mitropoulos A. (2012) *Contract and Contagion: From Biopolitics to Oikonomia*. Brooklyn, NY: Minor Compositions.
- Montévil M., Stiegler B. Longo G. et al. (2018) *Anthropocene, exosomatization and negentropy* // *Internation*. URL: <https://internation.world/arguments-on-transition/chapter-1>.
- Musk E. (2022) *Запись в Твиттер* // *Twitter.com*. URL: <https://twitter.com/elonmusk/status/1563292201043431424>.
- Natale S. (2021) *Deceitful Media: Artificial Intelligence and Social Life After the Turing Test*. New York: Oxford University Press.
- Negarestani R. (2018) *Intelligence and Spirit*. Urbanomic x Sequence Press.
- Nobel Laureates' Statement (2021). *Nobel Laureates' Statement to Climate Summit World Leaders: Keep Fossil Fuels in the Ground* // fossilfuel treaty.org – 2021. 21 апреля. – URL: <https://fossilfuel treaty.org/nobel-letter>.
- Nisbet M. C. (2014) *Disruptive ideas: public intellectuals and their arguments for action on climate change* // *WIREs Climate Change*. Vol. 5. Pp. 809–823.
- Özdağ Ü. (2022) *Ümit Özdağ çağırdı... Anafartalar Zaferi, Çanakkale'de anıldı* // [veryansintv.com](https://www.veryansintv.com). URL: <https://www.veryansintv.com/umit-ozdag-cagirdi-anafartalar-zaferi-canakkalede-anildi/>.
- Ostrom E. (2014) *A Polycentric Approach for Coping with Climate Change* // *Annals of Economics and Finance*. No. 15 (1). Pp. 97–134.
- Ostrom E. (2015) *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge University Press.
- Paris target at risk (2021). *Paris target at risk as five countries plan 80% of world's new coal power* // carbontracker.org URL: <https://carbontracker.org/paris-target-at-risk-as-five-countries-plan-80-of-worlds-new-coal-power/>.
- Patel T., Smith G. (2021) *Elon Musk Says World Needs More Oil and Gas as Bridge to Renewables* // [Bloomberg.com](https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-08-29/musk-says-world-needs-more-oil-and-gas-as-bridge-to-renewables). URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-08-29/musk-says-world-needs-more-oil-and-gas-as-bridge-to-renewables>.
- Pearce F. (2013) *The Land Grabbers: The New Fight over Who Owns the Earth*. Beacon Press.
- Pendergrass D., Vettese T. (2022) *Half-Earth Socialism: A Plan to Save the Future from Extinction, Climate Change and Pandemics*. Verso.

- Pethokoukis J. (2022) Why Socialist 'Solarpunk' Provides a Poor Vision of the Future // Aei.org. URL: <https://www.aei.org/articles/why-socialist-solarpunk-provides-a-poor-vision-of-the-future/>.
- Pettis M. (2022) Changing the Top Global Currency Means Changing the Patterns of Global Trade // Carnegieendowment.org. URL: <https://carnegieendowment.org/chinafinancialmarkets/86878>.
- Piketty T. (2013) *Le Capital au XXIe siècle*. Paris: Les éditions du Seuil.
- Piketty T. (2022) On Creating a More Equal Society // Premarket.org. URL: <https://www.premarket.org/2022/10/25/thomas-piketty-on-creating-a-more-equal-society/>.
- Plantin J.-C. (2011) The Map is the Debate»: Radiation Webmapping and Public Involvement During the Fukushima Issue // SSRN Electronic Journal. Pp. 1-16.
- Posner R. A. (2004) *Public Intellectuals. A Study of Decline*. Harvard University Press.
- Poszar Z. (2022) War and Industrial Policy // Investment Solutions and Sustainability. Pp. 1-10.
- Prospect (2005). Prospect / FP Top 100 Public Intellectuals Results // foreignpolicy.com. URL: <https://foreignpolicy.com/2005/10/15/prospectfp-top-100-public-intellectuals-results/>.
- Prospect (2021). Prospect Team. The world's top 50 thinkers 2021 // prospectmagazine.co.uk. URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/the-worlds-top-50-thinkers-2021>.
- Prospect (2022). World's Top Thinkers 2022: the results // prospectmagazine.co.uk. URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/essays/worlds-top-thinkers-2022-the-results>.
- Reckwitz A. (2022) Der erschütterte Fortschritts-Optimismus // Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <https://www.bpb.de/themen/deutschlandarchiv/507282/der-erschuetterte-fortschritts-optimismus/>.
- Reckwitz A. (2019) *Das Ende der Illusionen: Politik, Ökonomie und Kultur in der Spätmoderne*. Berlin: Suhrkamp.
- Riehl W. H. (1851) *Die bürgerliche Gesellschaft*. Stuttgart: J. G. Cotta'scher Verlag.
- Robertson T. (2012) *The Malthusian Moment: Global Population Growth and The Birth of American Environmentalism*. New Brunswick: Rutgers University Press.

- Roe A. (2020) *Into Russian Nature: Tourism, Environmental Protection, and National Parks in the Twentieth Century*. Oxford University Press.
- Rojek K. (2001) *Celebrity*. London: Reaktion Books.
- Saint N. (2010) *Google CEO: We Know Where You Are. We Know Where You've Been. We Can More Or Less Know What You're Thinking About* // *Businessinsider.com*. URL: <https://www.businessinsider.com/eric-schmidt-we-know-where-you-are-we-know-where-youve-been-we-can-more-or-less-know-what-youre-thinking-about-2010-10>.
- Schouwink T. (2022) *Vom Animismus lernen* // *Philosophie Magazin*. Nr. 03. S. 32-37.
- Schulze G. (2016) *Die Symbolwelt partikularisiert sich* // *Zukunftsinstitut.de*. URL: <https://www.zukunftsinstitut.de/artikel/die-symbolwelt-partikularisiert-sich-interview/>.
- Schulze G. (2004) *Die beste aller Welten: wohin bewegt sich die Gesellschaft im 21. Jahrhundert?* – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
- Schulze G. (2005) *Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart*. 2. Aufl. Frankfurt. N. Y.: Campus Verlag.
- Schulze G. (2022) *Presseveröffentlichungen* // *gerhardschulze.de*. URL: <http://www.gerhardschulze.de/index.php/presseveroeffentlichungen/>.
- Sheffey A. (2021) *Elon Musk says we need universal basic income because 'in the future, physical work will be a choice* // *Businessinsider.com*. URL: <https://www.businessinsider.com/elon-musk-universal-basic-income-physical-work-choice-2021-8>.
- Simon H. (1960) *The New Science of Management Decision*. New York: Harper & Row.
- Simone A.M. (2004) *People as infrastructure: intersecting fragments in Johannesburg* // *Public Culture*. Vol. 16 (3). Pp. 407-429.
- Stein A., Messinger J. (2022) *Advancing Nuclear Energy: Evaluating Deployment, Investment, and Impact in America's Clean Energy Future*. The Breakthrough Institute. URL: https://thebreakthrough.imgix.net/Advancing-Nuclear-Energy_v3-compressed.pdf
- Stein L. (1921) *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage*. 3 Bde. München: Drei Masken Verlag.
- Symons T. (2018) *Me, My Data and I: the future of the personal data economy* // *Ec.europa.eu*. URL: https://ec.europa.eu/jrc/communities/sites/default/files/24oct_02_symons_1.pdf.

- Szerszynski B. (2017) Gods of the Anthropocene: geo-spiritual formations in the Earth's new epoch // *Theory, Culture & Society*. 34 (2-3). Pp. 253-275.
- The European Green Deal (2019). Communication From The Commission: The European Green Deal // [eur-lex.europa.eu](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN>.
- The Manifesto (2009) // The Dark Mountain Project. URL: <https://dark-mountain.net/about/manifesto/>.
- Top Influential Think Tanks (2021). Top Influential Think Tanks Ranked for 2022 // academicinfluence.com. URL: <https://academicinfluence.com/inflection/study-guides/influential-think-tanks>.
- Torreblanca J.I. (2021) Technology / in *The Power Atlas: Seven Battlegrounds of a networked World*. Berlin: European Council on Foreign Relations, Stiftung Mercator. Pp. 38-61.
- Trembath A., Wang S., Messenger J., Lloyd J., Ramachandran V., Franovich R., Stein A. (2022) Energy Security and Decarbonization in Response to Russian Aggression // thebreakthrough.org. URL: <https://thebreakthrough.org/issues/energy/report-energy-security-and-decarbonization-in-response-to-russian-aggression>.
- Treverton G. (2022) Will the Ukraine War Reshape the Internet? // csis.org. URL: <https://www.csis.org/analysis/will-ukraine-war-reshape-internet>.
- Tsing A. L. (2015) *The mushroom at the end of the world: on the possibility of life in capitalist ruins*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Vinge V. (1993) *The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era*. URL: <https://edoras.sdsu.edu/~vinge/misc/singularity.html>.
- Ward M. (2017) Jack Ma: Robots will improve the lives of human workers in these 2 ways // Cnbc.com. URL: <https://www.cnbc.com/2017/06/29/jack-ma-there-are-2-benefits-to-having-more-robots-in-the-workforce.html>.
- Willik R. (2021) The big idea: Is democracy up to the task of climate change? // *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/books/2021/nov/01/the-big-idea-is-democracy-up-to-the-task-of-climate-change>.
- Winfield A. (2014) Artificial intelligence will not turn into a Frankenstein's monster // *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2014/aug/10/artificial-intelligence-will-not-become-a-frankensteins-monster-ian-winfield>.
- Witte G. (2022) Widerstand ist zwecklos // *FAZ*. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/ukraine-wie-deutsche-intellektuelle-putin-in-die-haende-spielen-18148867.html>.

- World Energy Scenarios (2019). World Energy Council. World Energy Scenarios. London: World Energy Council. URL: https://www.worldenergy.org/assets/downloads/European_Scenarios_FINAL_for_website_v2.pdf?v=1583147281.
- World Energy Outlook 2021 (2021). URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/4ed140c1-c3f3-4fd9-acaе-789a4e14a23c/WorldEnergyOutlook2021.pdf>.
- World Energy Outlook 2022 (2022). URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/830fe099-5530-48f2-a7c1-11f35d510983/WorldEnergyOutlook2022.pdf>.
- World Top 100 Scientists (2022). World Top 100 Scientists 2023 // adscientificindex.com. – URL: <https://www.adscientificindex.com/top-100-scientist/>.
- Wyne A. (2022) America's Great-Power Opportunity: Revitalizing U.S. Foreign Policy to Meet the Challenges of Strategic Competition. Polity. 224 p.
- Yang Y. (2020) «Is a New Cold War Coming?» // [Kknews.cc](https://kknews.cc). URL: <https://kknews.cc/news/kkx6jzp.html>.
- Yang Y., Zizhong Q. (2021) Who Will Finally Be Able to Resolve the 'Inequality' Problem? // mp.weixin.qq.com. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/kB-4go7gG_fH7pbpM0hu5Q.
- Yıldızoğlu E. (2022) Liberal demokrasiden sonra... // cumhuriyet.com.tr. URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/yazarlar/ergin-yildizoglu/liberal-demokrasiden-sonra-1899698>.
- Zeldin-O'Neill S. (2019) 'It's a crisis, not a change': the six Guardian language changes on climate matters // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2019/oct/16/guardian-language-changes-climate-environment>.
- Zuboff S. (1988) In the Age of the Smart Machine. New York: Basic.

Ведущие мировые интеллектуалы о будущем

Ответственный редактор *Виталий Куренной*
Координатор проекта *Александр Сувалко*

Иллюстрации *Евгений Тонконогий*,
Лаборатория дизайна НИУ ВШЭ
Верстка и дизайн *Арина Галицына*

Корректоры *Елизавета Григорьева*,
Светлана Выгузова

Подписано в печать 11.05.2023. Формат 70×90/16.
Бумага офсетная. Печ. л. 14. Уч-изд. л. 9,65.
Тираж 270 экз. Заказ № 33048.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Отпечатано в ООО «Типография ИРМ-1»
140000, Московская область, г. Люберцы,
Инициативная ул., 38
Тел.: +7 (495) 740-00-77

ВЕДУЩИЕ МИРОВЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ О БУДУЩЕМ

ИНСТИТУТ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ
ФАКУЛЬТЕТ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ НИУ ВШЭ

Адрес: 105066, Москва,
Старая Басманная ул.,
21/4, стр. 1
ics.hse.ru

